

ДЖЕМС СКОТТ

ЛЕДНИКОВЫЙ ЩИТ И ЛЮДИ НА НЕМ

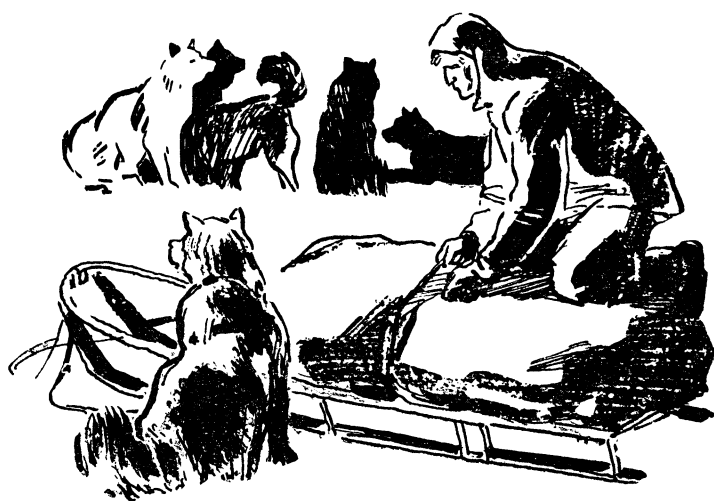

Путешествия Приключения Фантастика

ДЖЕМС СКОТТ

ЛЕДНИКОВЫЙ ЩИТ И ЛЮДИ НА НЕМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

PORTRAIT OF AN ICE CAP WITH HUMAN FIGURES BY J. M. SCOTT

Ледниковый щит Гренландии издавна был овеян славой недоступности. Для береговых жителей — эскимосов он представлялся страной смерти. В 1888 г. Ф. Нансен первый пересек южную часть Щита. Впоследствии было выполнено еще несколько пересечений, но только в 1930 г. удалось организовать две первые круглогодичные метеорологические станции в средней части Щита.

В книге Скотта рассказывается о том, как группа молодых англичан организовала в 1930 г. южную из этих станций и о их полной драматизма борьбе с холодом, снегом, льдом и ветром.

В основу автор положил самые правдивые и искренние документы — дневники участников экспедиции, которые они вели день за днем в любых, самых тяжелых условиях, даже на пороге гибели.

Перевод с английского Т. Л. РОВИНСКОЙ

Ответственный редактор С. В. ОБРУЧЕВ

Художник Н. И. ГРИШИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В обширной литературе о полярных путешествиях XX столетия книга Д. М. Скотта, вышедшая в 1953 г. под интригующим названием «Portrait of an Ice cap with human figures» (в дословном переводе: «Портрет ледникового щита с человеческими фигурами»), достойна занять одно из первых мест, хотя в ней и рассказывается о событиях почти тридцатилетней давности — об английской экспедиции 1930—1931 гг. в Гренландию. Экспедиция эта была организована молодым полярным исследователем Джино Уоткинсом с целью изучить места, пригодные для аэробаз, и условия погоды вдоль воздушной трассы из Англии в Канаду и Соединенные Штаты через Фарерские острова, Исландию, Гренландию, Баффинову Землю и Гудзонов залив.

Уоткинс, возвратившись незадолго до этого из трудной экспедиции по наименее исследованной части Лабрадора, проектировал пересечение Антарктиды от моря Уэдделла к морю Росса, но не смог собрать необходимые средства и обратился поэтому к более важной в то время для империалистических стран задаче — изучению возможности создания кратчайшей воздушной трассы из Англии в США. На эту экспедицию деньги нашлись, так как в ней были заинтересованы капиталистические и военные круги как в Англии, так и в США.

В июле 1930 г. судно Уоткинса «Квест» достигло Ангмагсалика на восточном берегу Гренландии. К западу от этого селения была создана зимовочная база, из которой совершались маршруты вдоль восточного побережья Гренландии и внутрь Ледникового щита. Крупнейшим достижением экспедиции является организация метеорологической станции на Ледниковом щите, о которой и рассказывается в этой книге. Кроме того, летом 1931 г. было сделано два удачных пересечения южной части Гренландии: партия Скотта прошла от Умивика на юго-запад в Ивигтут, а партия Раймила — от Ангмагсалика на запад до Хольстейнборга. Сам Уоткинс в открытой моторной шлюпке совершил смелый и трудный переход от базы до южной оконечности Гренландии для изучения западного побережья и для уточнения карты, составленной в 1883 г. Холмом. Сотрудниками экспедиции было совершено восхождение на высочайшую гору Форель. Экспедиция имела два небольших самолета, на которых был выполнен ряд полетов вдоль восточного побережья и внутрь Ледникового щита.

Чтобы оценить значение метеорологической станции на Ледниковом щите, надо вспомнить, что это был первый опыт такого рода. Правда, и ранее устраивались временные станции

в краевой части Ледникового щита Гренландии. Так, уже во время трагически окончившейся экспедиции Мюлиуса Эриксона 1906—1908 гг. была создана метеорологическая станция на краю Щита в районе мыса Бисмарка на восточном побережье Гренландии, работавшая в течение одной зимы. Но устройство станции в центральной части Щита, требовавшее сложных и трудных транспортных операций для доставки по Ледниковому щиту необходимого оборудования и инструментов, было предпринято в 1930 г. впервые. Одновременно со станцией «Ледниковый щит» Уоткинса в 500 км севернее была устроена немецкой экспедицией Вегенера знаменитая станция «Ледяной центр» («Айсмитте»). Печальная история этой станции широко известна всем, интересующимся полярными странами. Вследствие неудачи зимних рейсов аэросаней Вегенер должен был сам повести санную партию с необходимыми для станции грузами и погиб на обратном пути вместе с сопровождавшим его эскимосом Расмусом.

Английская экспедиция Уоткинса оказалась счастливее, хотя ей также пришлось бороться с неблагоприятными условиями. После организации станции непрерывные ураганы настолько мешали передвижению, что только дважды сменным партиям удалось дойти до станции; во второй раз, в начале декабря, пришлось оставить на станции из-за недостатка продуктов вместо двух наблюдателей — только одного О. Курто. Он пробыл на станции пять месяцев, до начала мая, когда после повторных попыток удалось, наконец, обнаружить занесенную снегом станцию и вывезти Курто. Последние полтора месяца, с 21 марта по 6 мая, Курто провел безвыходно в палатке, так как станция была погребена под толстым слоем снега и Курто не удалось расчистить выходной туннель. В это время запас керосина был почти исчерпан, и Курто пришлось лежать целый месяц в темноте, только раз в день готовя себе горячую пищу, питаясь одним пеммиканом с маргарином.

Особенность этой экспедиции та, что все участники ее в 1930 г. были очень молоды: средний их возраст не превышал 25 лет, а начальнику экспедиции Джину Уоткинсу было всего 23 года.

Вернувшись в 1931 г. в Англию, Джину Уоткинс снова пытался собрать деньги на экспедицию в Антарктику и после новой неудачи опять поехал в Гренландию для выяснения возможности организации авиационных баз на восточном побережье.

В августе 1932 г. во время исследования фиордов к северу от Анмагсалика Уоткинс приблизился на каяке слишком близко к концу ледника и погиб под отделившимся от ледника айсбергом.

Изучение полярных стран при прежних условиях, когда не было еще современных вездеходов, надежных самолетов,

вертолетов и другого технического оборудования, требовало от исследователей большого напряжения сил и сопровождалось нередко человеческими жертвами. Мы знаем несколько случаев, когда исследователи Арктики зимовали вдвоем и иногда даже в течение зимовки добывали всю необходимую для себя пищу охотой. Так, памятна замечательная зимовка Нансена и Иохансена в 1895—1896 гг. на островах Франца-Иосифа или две зимовки подряд, в 1910—1912 гг., Миккельсена и Иверсена, отправившихся на северо-восточное побережье Гренландии для поисков останков Мюлиуса Эриксона и его дневников.

Но такие уединенные зимовки, как зимовка Курто, являются выдающимися.

Из подвигов такого рода мало известна зимовка Петера Фрейхена в 1907/08 г. на станции, устроенной на восточном краю Ледникового щита, где он провел в полном одиночестве четыре темных месяца.

Фрейхен, сделавшийся впоследствии одним из самых опытных исследователей Гренландии, вспоминая об этой зимовке в автобиографии, опубликованной в 1953 г., писал: «Я никогда бы не оставил неопытного юношу одного в течение темных зимних месяцев в полном уединении. В то время я над этим же задумывался».

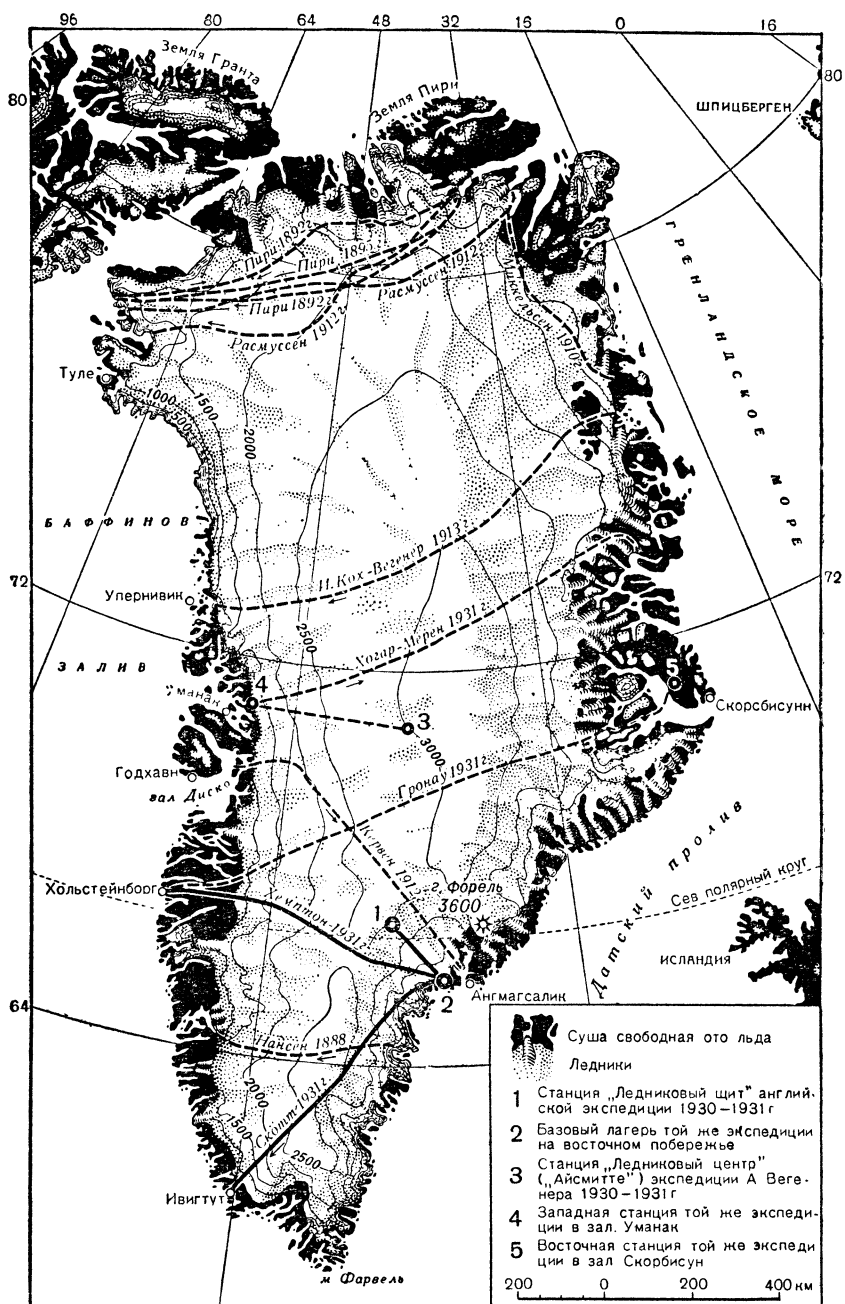
Проведенная в очень суровых условиях зимовка Фрейхена и физически и психологически была гораздо легче, чем зимовка Курто.

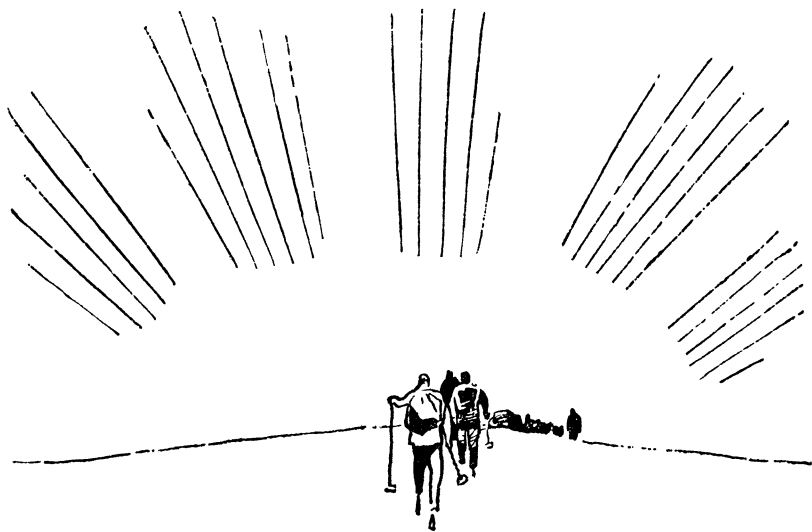
Книга Скотта, написанная спустя двадцать лет после экспедиции, сохраняет тем не менее всю свежесть первых впечатлений, так как Скотт широко использовал дневники — свои и своих товарищей, в особенности Курто. Его книга не только вполне достоверный документ об одном из этапов покорения сурового гренландского Ледникового щита, но вместе с тем и художественное изображение жизни группы молодых англичан на Крайнем Севере.

Метеорологические наблюдения на станции «Ледниковый щит» вместе с гораздо более обширными наблюдениями станции «Ледяной центр» Вегенера (производившимися тремя опытными исследователями) позволили впервые дать точную картину зимних климатических условий на поверхности Ледникового щита. До этого метеорологические наблюдения на Щите производились только летом во время единичных пересечений Гренландии.

В нашем издании мы даем полный перевод книги Скотта, добавив схематическую карту Гренландии, на которой показаны все маршруты пересечений Ледникового щита до 1931 г. включительно.

С. Обручев

Глава I

ФОН

На расстоянии 3200 километров от Лондона и Нью-Йорка все еще продолжается ледниковый период. Самый большой в мире остров¹ почти целиком покрыт вечным льдом. Этот ледниковый щит занимает 1 900 000 квадратных километров, что примерно равняется Англии, Шотландии, Уэльсу, Франции, Италии, Голландии, Бельгии и Норвегии, вместе взятым.

В течение миллионов лет снег, выпадавший в центральной части Гренландии, не успевал полностью растаять. Он все нагромождался и нагромождался, удерживаемый, подобно муке в глубокой тарелке, кольцом прибрежных гор. Весь снег, за исключением верхних слоев, спрессовался в плотный лед.

Вдоль медиальной² линии толщина льда достигает, вероятно, 1800—2100 метров. Покоясь на каменном основании, ледник образует волнистое плато, над которым выступают отдельные вершины высотой в 3000 метров над уровнем моря, понижающееся (подобно нашей куче муки) к краям. Там, стремясь излиться наружу, твердая вода прокладывает себе путь сквозь горные ущелья. Концы этих ледников отрываются и падают в море, образуя айсберги. Так Ледниковый щит регулирует свой ледовый баланс. Это одна из причин, по которой его размеры не увеличиваются.

Материковый лед испаряется слабо, хотя в более низких местах температура летом иногда поднимается выше точки замерзания. Значительно более важной причиной потерь являются, по-видимому, бури. Ветры, часто достигающие скорости 160 километров в час, устремляются из возвышенной центральной области к морю и гонят перед собой снег огромными массами; прижавшись ко льду, вы испытываете такое ощущение, словно находитесь на дне мутной реки.

Итак, наш первый грубый набросок рисует гренландский Ледниковый щит в виде огромной, почти материкового размера, груды льда и снега, имеющей форму груши и окаймленной крутыми черными горами, долины которых заполнены ледниками — прочно скованными холодом реками.

Северный берег Гренландии находится в шестистах пятидесяти километрах от полюса. Ее южная оконечность лежит на шестидесятой параллели — широте Шетландских островов *. Хотя Гренландия расположена сравнительно близко от густонаселенных стран северного полушария, она совершенно отлична от них и безразлична для них. Жизнь на Ледниковом щите невозможна. Там нечего есть; вода повсюду, но ни одной капли, чтобы напиться. Нет даже микробов в воздухе. Время от времени какая-нибудь перелетная птица забирается туда и умирает, как подчас приходится птицам умирать среди океана или в пустыне. Но ледяной покров не уничтожает трупа. Он сохраняет его, погребает, приобщает к своему холодному бессмертию. Он ничего не разрушает, кроме жизни.

Коренные обитатели Гренландии — эскимосы, или гренландцы. Они живут в раскиданных вдоль побережья поселениях, в каждом из которых несколько семей, и добывают себе пропитание в море. Если только их не заставляет необходимость, они никогда не забираются на Ледниковый щит. Он населен — или был населен в дохристианские времена — злыми духами. Во всяком случае там нет тюленей. Эскимосы чрезвычайно практичные и нетребовательные люди, стремящиеся лишь к тому, чтобы их животы были набиты и чтобы время от времени им удавалось хорошо поохотиться. Поэтому они и выжили.

Примерно около 1000 года н. э. норвежцы основали колонию в Южной Гренландии. В течение четырех столетий — такой же период отделяет нас от эпохи королевы Елизаветы — они пытались возделывать узкую прибрежную полосу земли. Одно время в Эстербюгде и Вестербюгде жили и трудились три тысячи христиан. Они строили каменные дома и церкви. У них были овцы и крупный рогатый скот. Но колонисты все умерли, оставив после себя лишь развалины и скелеты. Насколько нам известно, они никогда не решались проникнуть на Ледниковый щит.

* И Ленинграда. — *Прим. ред.*

Первая серьезная попытка исследования щита была принята лишь восемьдесят лет назад. Пионеры, пересекавшие огромное белое пятно, сделали наброски той картины, изображению которой посвящена настоящая книга.

В 1888 г. Нансен впервые пересек Ледниковый щит от берега до берега, затем туда проник Норденшельд³. За ними последовали Пири⁴, де Карвен⁵, Кох⁶, Расмуссен⁷, и несколько сегментов Щита было отсечено. Во время этих путешествий исследователям приходилось запасаться всем необходимым, везя с собой все, что нужно для поддержания жизни — пищу, одежду, топливо, кров. Естественно, такие экспедиции совершались преимущественно в наиболее благоприятное время года, и никто не знал, что представляла собой середина Ледникового щита в середине зимы.

Для того чтобы это установить, в 1930 г. в Гренландию направились две экспедиции. Одна состояла из немецких ученых, и ею руководил профессор, которому шел пятидесятый год. Руководителем второй экспедиции, состоявшей из четырнадцати человек, чей средний возраст равнялся двадцати пяти годам, был английский студент. Оба руководителя своей главной задачей считали организацию станции на медальной линии Ледникового щита или вблизи от нее; станция должна была функционировать целый год. Оба в основном достигли цели. Одна экспедиция кончилась трагически. Другая, после множества лишений и тревог, благополучно завершила работу.

Эта книга почти исключительно посвящена одной из них — Британской арктической экспедиции по изысканию воздушной трассы под руководством Джини Уоткинса. Дать картину страны ледникового периода и жизни там современных людей мне облегчили два обстоятельства. Я смог использовать дневники, которые вели разные люди в то самое время, когда они находились на Ледниковом щите. А я сам был одним из участников экспедиции. Поэтому я могу дать пояснения в тех случаях, когда это необходимо.

Отрывки из дневников составляют наиболее важную часть книги, и я должен на них несколько остановиться. Я ручаюсь за то, что они подлинные и неприукрашенные. За исключением нескольких мелких исправлений ошибок в орфографии и пунктуации — вполне естественных в тех условиях, — они приведены точно в таком виде, в каком писались карандашом при свете свечи, в палатке, заковенными пальцами, со слезящимися от сна глазами, в ожидании, пока сварится ужин или просохнут носки. Записи делались не для опубликования. Они представляли собой непосредственные впечатления данного момента, выраженные без особой заботы об общепринятом стиле, нередко синтаксически неправильно — наспех начерпанные заметки о мыслях, чувствах и событиях дня. Поэтому дневники, вероятно, являются наилучшим материалом

для воссоздания как общей картины страны, так и образов их авторов в качестве фигур переднего плана.

Я позволил себе лишь две вольности: замаскировал некоторые собственные имена и изменил кое-какие прилагательные и существительные. Последнее сделано ради того, чтобы не создать ложного впечатления. В отсутствии женщин мужчины употребляют непристойные слова, играющие роль предохранительного клапана, и постепенно это входит у них в бессмысленную привычку. В этом нет ничего постыдного, но у читателя, сидящего у себя дома в кресле, могло бы сложиться неправильное мнение. Я заменял ругательства более приличными словами, выделяя их разрядкой, чтобы признаться в допущенной вольности. В тех случаях, когда требовались немедленные пояснения, я давал их в квадратных скобках.

Интересно поразмыслить над тем, почему люди, писавшие в таких трудных условиях, давали чрезвычайно подробный отчет о событиях, о которых достаточно было бы упомянуть в нескольких словах. Я думаю, эти записи являлись выражением естественного стремления поделиться своими переживаниями с кем-нибудь одним: с самим собой или с той, кого он любил. В сущности они являлись проявлением тяги к уединению.

Ледниковый щит пустынен. Но стало уже избитой истиной, что пустыньность имеет мало общего с уединением. Там у нас было гораздо меньше возможностей для уединения, чем в обычной жизни. Мы спали, пробуждались, одевались, варили пищу, ели, путешествовали вместе. Естественные потребности мы отправляли на расстоянии десятка сантиметров друг от друга. Мы вели почти стадный образ жизни. Уединение являлось нам лишь в сновидениях или мечтах, либо, в несколько иной форме, когда мы писали дневники. Они носили глубоко личный характер. Должно было пройти немало времени, должны были укрепнуть узы дружбы, чтобы я получил, наконец, возможность опубликовать выдержки из них.

Один дневник велся в обстановке одиночества и уединения. Огастайн Курто описывает день за днем пять месяцев, которые он провел один на расстоянии 225 километров не только от ближайшего человека, но вообще от ближайшего живого существа. Я попросил разрешения использовать эти интимные записи, затем попросил дневники у других участников экспедиции. Не без колебаний, но в то же время охотно они предоставили их в мое распоряжение.

Моя книга не является ни научным, ни историческим трудом. Она задумана и не как книга о путешествии в обычном смысле слова. Это эскизное изображение на фоне Ледникового щита молодых людей среднего уровня по образованию, традициям и силе воображения. Мне представляется поучительным проследить, насколько отразилась на поведении и

интересах людей жизнь в первобытных условиях ледникового периода — таких же суровых, в каких вынуждены были существовать наши доисторические предки.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Впервые Ледниковый щит мы увидели в кристально ясное и безветренное утро лета 1930 г., когда «Квест» медленно двигался по зеркально-гладким водам защищенной бухты к югу от Ангмагсалика. Хотя уже совершенно рассвело, было еще очень рано — пять или шесть часов утра. Мы вышли на палубу и жадно вглядывались в белый Ледниковый щит и сдерживающие его темные горы.

Перед нами была земля, к которой мы стремились, вначале борясь со штормами Северной Атлантики, а затем прокладывая себе путь сквозь паковый лед на перегруженном и переполненном людьми корабле. Это была та сцена, на которой в течение целого года нам предстояло быть ведущими актерами, совершать большие путешествия на собаках, пешком, в открытых двухместных самолетах и на маленьких шлюпках. Каждый из нас, четырнадцать участников, в тайниках души приготовился к проверке своих личных качеств, к упорной борьбе, к лишениям и опасностям. И все это выпало на нашу долю.

Было так тихо, что ландшафт казался нарисованным. В движении находился только «Квест» да бесшумные, расходящиеся под острым углом волны за его кормой. Над поверхностью тихого фьорда, защищенного мысом от океанского волнения, мирно выступали айсберги, подобно водяным лилиям в пруду. Но то был пруд, в который смотрелись исполины — стремящийся вперед белый Ледниковый щит и крутые черные горы, сдерживающие его.

Ледниковый щит вытянулся к морю двумя рукавами. Левый, южный рукав круто обрывался к бухте, тут и там образуя отвесные утесы. Его можно было сравнить с замерзшими речными порогами или водопадом. Он имел трагический и угрожающий вид. Время от времени от него с оглушительным грохотом отрывалась глыба льда величиною с дом и со страшным плеском падала в воду, вздымая разбегавшиеся волны, на которых покачивались корабль и все плавающие айсберги. В чудесный день нашего прибытия это были единственные громкие звуки и стремительные движения.

Второй рукав не производил такого сильного впечатления. По долине среди голых скал он вытянулся к морю, но до самого берега не доходил. Этот правый ледник, по-видимому,

представлял собой более доступную дорогу к центру Ледникового щита — к белой пустыне, терявшейся вдаль. Находясь на уровне моря, мы почти не могли различить эту белую пустыню, так как ближайшие крутые склоны скрывали все остальное.

Горы, сдерживающие Ледниковый щит, производили величественное впечатление — такие они были дикие и голые. Впрочем, растения там имелись, и даже разнообразные; они укрывались в маленьких защищенных долинах или же теснились вокруг горных озерков на узкой прибрежной полосе. Но с корабля мы не могли их увидеть. Мы видели только лед и камни, воду и небо.

Картина может показаться унылой. Но это было совершенно не так. Конечно, Ледниковый щит вырисовывался холмистой белой линией на фоне голубого неба. Но ближе, где лед разламывался на глыбы, и особенно там, где плавал в прозрачной воде, он сверкал всеми красками, подобно драгоценностям — изумруду, аквамарину, бирюзе и перламутру. Мы никогда не подозревали, что существует столько оттенков зеленого, синего и фиолетового. Эти нежные тона сочетались между собой так, что наилучшим образом гармонировали с господствующим черно-белым фоном. А весь мир казался таким спокойным и светлым. То была страна чудес.

Но нас ждала работа. Мы трудились с бешеной энергией, разбившись на ночную и дневную смены, иногда по две смены подряд, возбужденные новизной обстановки, используя прекрасную погоду. Мы разгрузили корабль, построили барак, установили радиомачты, совершили рекогносцировки... Мы вошли в бухту 26 июля. Через две недели мы были готовы выступить в первые маршруты.

Нас прибыло четырнадцать человек. Руководителем являлся Джин Уоткинс. Ему было в то время двадцать три года, на два года меньше среднего возраста всех участников партии. Он совершил уже две экспедиции на север. Во время одной из них, на Лабрадор, я его сопровождал. Огастайн Курто также бывал раньше в Арктике, правда, только летом. Спенсер Чепмен изучал птиц в Исландии. Джон Раймил был уроженцем Австралии. Хемптон, Рили, Стефенсон и Уэйджер недавно окончили Кембриджский университет. Остальные были военными: Бингхем служил на флоте, Лемон и Линдсей в армии, Д'Ат и Козенс в авиации.

Большинство участников экспедиции первым делом должно было приступить к топографической съемке — с небольших шлюпок или самолетов — побережья к северу от бухты. Лемону предстояло остаться в Базовом лагере и поддерживать с ними связь по радио. Остальные пятеро — Мартин Линдсей, Квинтин Рили, доктор Бингхем, Джон Раймил и я — получили задание отправиться на нартах на Ледниковый щит и орга-

низовать Центральную метеорологическую станцию. Первое дежурство на станции будут нести Мартин и Квинтин.

Во время этого путешествия мы получили первое представление о Ледниковом щите. Он ввел нас в заблуждение. Пройдя некоторое расстояние и поднявшись до высоты в полторы-две тысячи метров по достаточно пересеченной местности, при достаточно холодной погоде, встретив достаточно затруднений, мы решили, что узнали и преодолели тяготы и лишения ледникового периода. Пожалуй, мы не заблуждались, но лето в ледниковый период, вероятно, бывало довольно приятным — во всяком случае, если не приходилось путешествовать далеко. Погода стояла теплая. Мы были введены в заблуждение, ибо не могли себе представить, что через три месяца условия станут совершенно иными и что перемена произойдет с такой потрясающей внезапностью.

* *
*

Товарищи помогли нам перетащить грузы и провести собак по каменистым склонам до подножия ледника. Там они попрощались с нами и вернулись к кораблю, чтобы подготовиться к плаванию на шлюпках и полетам на самолетах.

Когда они покинули нас, мы стояли среди груды ящиков, мешков и скатанных палаток, извивающихся связок альпинистских веревок, кучи потягов и постромок и двадцати восьми почти незнакомых эскимосских собак, составлявших наши четыре упряжки. Только мне одному приходилось раньше ездить на собаках. Джон Раймил был опытным лыжником, но остальные трое имели дело со снегом лишь как обыкновенные горожане. Перед нами, подобно древней лестнице великанов, тянулся все вверх и вверх ледник, который вел к собственно Ледниковому щиту. Но ледник был круче самой крутой лестницы. Весь снег растаял, и на поверхность выступил голый лед — твердый, местами с остроконечными выступами и все же очень скользкий.

Грузы надо было рассортировать и распределить по нартам. Нансеновские нарты гибкие. Их достоинство заключается в том, что они двигаются, подобно ящерицам, через неровности почвы, легко поворачиваясь, наклоняясь и скользя, как по волнам. Достичь этого можно лишь в том случае, если груз на нартах правильно распределен и привязан достаточно крепко, чтобы выдержать резкие толчки.

Необычные хозяева, не знавшие строгих порядков каждой упряжки, должны были запрячь собак и — самое худшее — надеть им ботинки — маленькие брезентовые мешочки, привязывавшиеся к лапам для защиты от острых игл голого льда. Собаки сопротивлялись. Мы поднялись сегодня в шесть часов утра и лишь незадолго до полудня двинулись, наконец, в путь,

беспреданно подталкивая нарты; мы двигались под аккомпанемент громких криков, шелестящего топота обернутых в брезент лап, скрипа и скрежета нарт, взбиравшихся и скользивших среди ледяных бугров.

Однако записи в дневниках, сделанные в этот вечер, не говорят о том, чтобы кто-либо из нас был охвачен паническим страхом. Бингхем писал:

«Нагрузили нарты и тронулись в путь. За весь день прошли километра четыре по очень сильно пересеченной местности и остановились на ночь у подножия крутого ледяного утеса, где нас застиг дождь, прежде чем мы успели разбить лагерь».

Крутой склон передней части ледника, почти что ледопад, впоследствии вежливо именовался в печати «Пугало-стеной». На этот раз нам потребовалось два дня, чтобы взобраться по нему, причем мы все вместе тащили в один прием нарты с половинным грузом, толкая их сзади или становясь на четвереньки и впрягаясь вместе с собаками.

Но погода была теплая, и когда хотелось пить, мы могли найти воду; если нам случалось останавливаться, мы могли спокойно отдохнуть; во время холодов ни то ни другое удовольствие недоступны. Выше «Пугала» на льду лежал мокрый, усеянный лужами снег. Как ни изнурительно было продвижение, Ледниковый щит пока не пускал в ход своих главных ресурсов — мороза и ветра.

Но он пользовался другими. Лед был еще относительно нетолстый. Медленно двигаясь по неровной поверхности каменистого ложа, он разрывался, образуя трещины, многие из которых прикрывал тонкий слой снега. На пути нам встретились два отдельных лабиринта трещин, и понадобилось еще три дня, чтобы мы смогли отыскать путь среди них, маркируя дорогу красными флажками. Все это время прибрежные горы находились сбоку или совсем близко позади нас.

Миновав трещины, мы водрузили особенно большой красный флаг на трехметровом бамбуковом шесте. (Впоследствии это место называли «Склад большого флага».) Оттуда мы могли двигаться прямо и сравнительно быстро в нужном нам направлении. Идя вперед, но время от времени оглядываясь, мы видели, как горы постепенно, одна за другой, исчезали за горизонтом. Через день мы не видели уже ничего, кроме снега и нашей маленькой партии. Повсюду вокруг небо опускалось к белому горизонту. Выпуклая поверхность Ледникового щита скрыла от нашего взора землю, подобно тому, как кривизна Земного шара скрывает ее на море.

Я описываю наше путешествие очень кратко. То был лишь летний маршрут, едва ли служивший более показательной пробой наших сил, чем любая трудная экскурсия во время каникул. Подлинный интерес появляется с наступлением зимы, характерного для Севера времени года. Но чтобы читатель лучше

понял последующие путешествия, надо теперь же кое-что пояснить.

Местоположение будущей станции на Ледниковом щите было рассчитано таким образом, чтобы она находилась в точке пересечения проектируемой воздушной трассы с осью Ледникового щита. От Большого флага за трещинами мы держали путь внутрь Гренландии к этому пункту почти так, как ведут навигацию на море, прокладывая курс по компасу и внося поправки с помощью астрономических наблюдений. Джон Раймил исполнял обязанности штурмана, пользуясь при определении долготы и широты теодолитом и радиоприемником для приема сигналов точного времени. Ему помогал Мартин Линдсей. Квинтин Рили был метеорологом, Бингхем — врачом и, как моряк, мастером на все руки. На мою долю выпало собачье хозяйство и общее руководство. Но то, что раньше являлось моим секретом, уже давно стало общим достоянием. На Ледниковом щите, лишенном всяких ориентиров, погонять собак означало лишь тщательно следить, чтобы упряжки шли в одну линию. Все обязанности погонщика сводились к тому, чтобы сдвинуть с места свои нарты, крепкой руганью заставляя собак приняться за работу, время от времени распутывать постромки и (самое утомительное) не давать тяжело нагруженным нартам опрокинуться на волнах снеговых заструг.

Через каждые восемьсот метров мы маркировали дорогу красными матерчатыми флажками, прикрепленными к метровым бамбуковым палкам. Расстояние мы определяли с помощью одометра⁸, привязанного к задку передних нарт. Нам стоило большого труда устанавливать флажки точно по прямой линии и в правильном направлении. Мы следили за тем, чтобы они держались прочно, заколачивая их в фирн, твердый, почти как мел, и воздвигая вокруг основания небольшой холмик. Я определил, что на установку каждого флага требовалось не меньше шести минут. Мы двигались до тех пор, пока было достаточно ясно или светло, чтобы, устанавливая флаг, можно было видеть предыдущий. Каждые сутки распределялись примерно следующим образом: завтрак, снятие лагерь и нагрузка нарт — 4,5 часа; утренний переход — 4 часа; второй завтрак — 0,5 часа; дневной переход — 4,5 часа; разбивка палаток, кормежка собак и самих себя — 3 часа; чтение, писание, мелкие починки, сушка носков и рукавиц — 1 час; сон — 6,5 часа. Этот твердый распорядок нарушался только остановками для астрономических наблюдений или непогодой.

Так до 28 августа мы двигались по белому однообразному плато к намеченной точке. Мы все время шли вверх — до высоты около 2700 метров над уровнем моря. Поверхность не была гладкой. Она напоминала подернутую рябью океанскую зыбь, где рябь изображали снеговые заструги, а зыбь — длин-

ные валы с промежутками от гребня до гребня чуть не в километр.

Достигнув назначенного пункта, мы сгрузили с нарт специальную палатку, множество приборов, пять санных ящиков, содержавших полный рацион для двух человек на пять недель (но так как люди не будут двигаться, полных рационов им не понадобится), мешок бобов, горох и чернослив, немного чаю и сто десять литров керосина. Рили и Линдсею предстояло прожить этими запасами до тех пор, пока не придет первая смена из Базового лагеря, находившегося на расстоянии двухсот двадцати пяти километров пути, отмеченного линией красных флажков.

Глава 3

РИЛИ И ЛИНДСЕЙ НА СТАНЦИИ „ЛЕДНИКОВЫЙ ЩИТ“

28 августа Квинтин Рили записал в дневнике:

«Вот мы и здесь — Мартин и я — на шесть или восемь недель. Приятный вид: перед нами до самого горизонта ровно ничего».

Джон Раймил, док Бингхем и я задержались на полтора дня, чтобы помочь установить палатку. Она по форме напоминала раскрытый зонтик без ручки и состояла из восьми изогнутых деревянных ребер, обтянутых двойным слоем брезента. В поперечнике палатка имела 2,7 метра, в высоту под самым куполом — чуть больше 180 сантиметров. В центре купола проходила, напоминая выступающий над верхушкой кончик зонта, короткая медная трубка, служившая для вентиляции. Ни двери, ни окна не было. Для сообщения с внешним миром служил шестиметровый туннель, доходивший до пола палатки. Теоретически это был наилучший тип входа, так как холодный воздух, который тяжелее теплого, мог бы проникать из туннеля в палатку только по мере необходимости, когда вы открывали вентилятор. Установив палатку и вырыв туннель, мы устроили торжественный обед (впрочем, только из продуктов санного рациона) в помещении станции, впоследствии получившей название «Ледниковый щит».

На следующее утро — я снова цитирую Рили — «Все позавтракали вместе, после чего начались приготовления к отъезду Джеми, Раймила и Бингхема. Партия поспешно покинула станцию около четырех часов дня. Становилось холодно, так что Мартин и я вернулись в палатку и выпили по чашке какао. Мы немного прибрали снаружи и разложили свои вещи внутри. После ужина Мартин и я сыграли партию в шахматы, и он придумал очень красивый мат. Глава из «Ярмарки Тщеславия»⁹, а затем в постель».

В моем дневнике в этот вечер была сделана запись:

«Запрягли по девять собак в каждые нарты и быстро помчались в обратный путь; 33 километра за 4,5 часа».

Это расстояние отделяло уже Мартина и Квинтина от какого бы то ни было общества. Они остались на станции, чтобы каждые три часа производить метеорологические наблюдения, но в своем рассказе я уделяю больше внимания тому, как они ладили друг с другом и какой образ жизни вели.

Они сильно отличались по своему прошлому и по интересам. Мартин называл себя (не совсем правильно) типичным солдатом. Он побывал в Индии и в Африке, ему приходилось стрелять крупного зверя, а на родине он развлекался охотой и проводил праздники в поместье. В личных привычках он был склонен к небрежности и вечно что-нибудь терял.

Квинтин учился в Кембридже, где был рулевым на гоночной яхте. Единственным видом спорта, о котором он разговаривал, являлся парусный. Другими главными темами служили, насколько я помню, религия и его семья. Он был ревностным, догматичным католиком и мог без конца рассказывать о своем доме на острове Джерси, где его отец, Этелстан Рили, жил в замке Трините. В личных привычках он имел склонность к суетливости и педантичности. Больше, чем кто-либо из нас, Квинтин заботился о комфорте. Он привез с собой на Ледниковый щит резиновую грелку. Вынужденные экономить топливо, мы по дороге варили утром овсянку на воде из грелки.

31 августа Квинтин записал в дневнике:

«Чувствую, что жить с Мартином будет чудесно. Ничто не выводит его из равновесия, и он самый добродушный человек из всех, с кем мне приходилось встречаться. Поистине великолепный партнер для такой игры».

Позже Мартин Линдсей писал (свой дневник он уничтожил, и я цитирую по книге «Те дни в Гренландии»):

«Мы всегда вели себя вполне непринужденно, и нам не стоило никаких усилий ладить между собой. Это тем более удивительно, что и по темпераменту, и по вкусам мы в сущности не имели ничего общего. И хотя дни, проведенные вместе на Ледниковом щите, уничтожили всякие преграды между нами, так что мы буквально все знали друг о друге, впоследствии, как это ни странно, подобная близость никогда больше не восстанавливалась».

Когда оглядываешься на прошлое, это вовсе не кажется странным. Как ни отличались в других отношениях их темпераменты, оба они принадлежали к типу людей, готовых на добровольные жертвы. (Это снова проявилось во время войны.) Они питали одинаковую склонность к тому, что им приходилось делать. В тех примитивных условиях они смотрели на вещи совершенно одинаково, чего никогда не наблю-

дается у двух человек, как бы много общего между ними ни было, в полнокровной разнообразной жизни на родине. Если бы они теперь вернулись на Ледниковый щит, они снова без всякого насилия над собой зажили бы одними и теми же интересами, развлекая друг друга воспоминаниями о своей жизни на родине и рассказывая о себе, как о посторонних людях из иного мира.

Кроме обязанностей по наблюдению за погодой, их интересовало и создание уюта в своем жилье. Как вы увидите, примеры этого инстинктивного стремления к порядку в своем доме часто попадают на страницах дневников. Так, Квинтин и Мартин «немного прибрали», едва лишь остались одни. Каждый житель станции «Ледниковый щит» старался наводить и поддерживать по возможности такую чистоту, чтобы сменная партия это оценила. И все же первая запись каждой новой смены после того, как она была предоставлена самой себе, гласила: «привели все в порядок».

Мартин и Квинтин имели обширное поле деятельности для усовершенствований, так как мы помогли им только поставить палатку. Их первоочередная задача заключалась в установке приборов — нефоскопа¹⁰, Стевенсоновского экрана¹¹ с его содержимым и вертушки, как ее называл Мартин, для измерения скорости ветра. Но у них нашлось время позаботиться также о нравственных потребностях и о комфорте.

«31 августа. Я повесил распятие над моим спальным мешком, а снаружи мы водрузили британский флаг; так у нас появились и христианская, и национальная эмблемы.

2 сентября. Мартин вырыл превосходную ледяную оборную. Глубокая яма, а снег из нее даст прекрасную защиту от ветра. Над ямой он поставил нарты, так что получилось сиденье. Будет очень удобно.

4 сентября. Мы с трудом выбрались, так как вчерашний снег завалил туннель. Провозились все утро, разгребая сугробы. *Л. у.* также была заполнена снегом. Крайне досадно...

11 сентября. Прошлой ночью *t* упала до -25° . Сегодня утром в палатке масса инея. День прекрасный, голубое небо и солнце... Сидел около палатки и читал книгу... Днем приступили к постройке снежного дома над *л. у.*

14 сентября, воскресенье. Сегодня мы отдыхали и дом не строили. Утром и днем я долго сидел во дворе и читал; *t* от -18 до -21° , но на солнце тепло и приятно. Я прочел главу из «Послания святого Павла римлянам» и из евангелия святого Иоанна, а также две-три главы из «Подражания Христу»¹²; *t* — 31° .

16 сентября. Весь день шел снег, но не сильный... До 15 час. я обдумывал проект усовершенствования моего бриксемского траулера, а затем вышел и в течение часа копал. М. начал писать рассказ для «Блеквудс Мегезин»¹³.

Сегодня t поднялась до -27° . Кажется совсем тепло. М. жаловался даже, что ночью в доме было слишком жарко. Забавно, как меняется ощущение холода. Когда по дороге сюда мы впервые испытали мороз в 27° , он показался нам ужасным. Теперь такую температуру мы считаем сравнительно теплой, но все же утром было приятно не видеть на подушке инея от своего дыхания. Партию в шахматы выиграл я.

17 сентября. Закончил «Грозовой перевал»¹⁴; чудесная книга. У М. болит голова — отсутствие физических упражнений? Вечером помылись.

18 сентября. День солнечный. Утром и днем оба копали... Со дня на день ждем Раймила и Лемона с радиостанцией.

19 сентября. Решили построить снежный дом на случай, если нашим приемникам придется переселиться, так как в палатке им покажется слишком холодно. Строим его бок о бок с палаткой, и туннель будет общий. Мы будем и дальше засыпать палатку снегом, чтобы попытаться ее отеплить.

28 сентября. Утром продолжали строить снежный дом. Днем читали, а затем обсуждали планы ухода со станции, если в течение ближайших двух недель никто не появится. Мы можем пробыть здесь еще около трех недель, и тогда у нас останется продуктов на десять дней, чтобы на скромном рационе добраться до Базового лагеря; но я уверен, что в этом не окажется надобности».

Мартин Линдсей подробней останавливается на разговоре об уходе:

«Вначале экспедиции не хватило времени для заброски на станцию всего продовольствия, необходимого на год; хотя это и было желательным, но ни в коем случае не казалось особо существенным. Предполагалось, что каждая сменная партия, отправлявшаяся на нартах, захватит с собой нужное количество продовольствия. Какой бы то ни было риск устранялся, так как само собой подразумевалось, что в том случае, если когда-либо смена пропустит все сроки и не явится, гарнизон станции спустит флаг и отступит с честью.

Итак, подобно последующим жителям станции, Квинтин и я провели много часов, перебирая различные варианты возможной катастрофы с партией, находившейся на пути к нам, и обсуждая, как мы должны будем поступить, когда от последнего ящика с продовольствием останутся только сметки и крошки... Ни один из нас не собирався стать мучеником метеорологии, а потому мы решили покинуть станцию, как только продовольствия окажется у нас немного меньше минимально необходимого для обратного пути. Мы нисколько не сомневались, что нас сменят в назначенный срок; но всегда забавно предусматривать крайние меры, которые, как вы прекрасно знаете, никогда не придется приводить в исполнение».

К числу остальных развлечений относились ежевечерняя игра в шахматы, чтение вслух Оксфордской антологии английской поэзии и чтение про себя книг из маленькой библиотеки, пополнявшейся с прибытием каждой смены.

У Рили и Линдсея имелся постоянный набор шуток. Когда снег соскальзывал с брезентового купола палатки, говорилось: «Опять на крыше этот кот». За завтраком: «Почтальон запаздывает», или «Что-нибудь интересное в газете, дорогой?». По вечерам они проводили много часов в своеобразной игре, пытаясь заставить гореть патентованную лампу, по-видимому, возражавшую против пониженного атмосферного давления на высоте 2700 метров или против спертго воздуха палатки. Рили пытался также произвести ряд кулинарных опытов. Но, имея в качестве составных частей только горох, чернослив и санные рационы, он с грустью должен был признать, что возиться не имело никакого смысла. Впрочем, у них было гораздо меньше свободного времени, чем можно предположить. Каждые три часа от семи утра до десяти вечера один из них одевался (если только он не работал в это время снаружи), выползал через туннель, обходил приборы, а затем вползал обратно в палатку и стряхивал снег с одежды.

Линдсей писал, что хуже всего было снимать показания приборов в 7 часов утра.

«Напротив, в 7 часов вечера в это время года бывает чудесно. При заходе солнца небо на западе медленно окрашивалось в самые невероятные разнообразные цвета, образуя великолепные контрасты розового, бледно-голубого и оранжевого, пурпурного и золотого. Это не походило на короткий закат в тропиках, где краски сразу тускнеют и переход к ночи кажется мгновенным. Здесь с наступлением сумерек солнце медлит, как бы не решаясь закатиться и лишиться эту пустынную страну одного из немногих утешений; и долго еще вдали на горизонте виднеется ярко-розовая полоса, отражающаяся в облаках на небе. Тишину нарушает только хлопанье флага под порывами ветра и иногда вздох снега, переносящегося с места на место по ледяной поверхности. Десять часов вечера также имеют свое очарование в красоте северного сияния — переливах мерцающих копий, сомкнутым строем вертикально стоящих в небе».

Кроме наблюдений, приходилось заниматься домашней работой — готовкой пищи, починками и мелкой стиркой, отбрасыванием сугробов и постройкой второго снежного дома, который должен был служить запасным жилищем и по своему проекту представлял собой нечто необычное.

«22 сентября. Рили. Закончили второй ярус снежного дома, хотя кладка над стенным шкафом представила некоторое затруднение. Я наткнулся на плохой пласт снега, и вырубленные мною пять плит все развалились...

23 сентября. Для строительства снежного дома день неудачный. Глыбы не вырубались как следует, и мы не могли приступить к третьему ярусу... Никаких признаков Лемона и Раймила. Вечером чудеснейшее сияние; оно охватывало буквально все небо.

24 сентября. Нам удалось преодолеть затруднения со снежным домом и закончить третий ярус. Конечно, подлинной причиной трудностей оказался шкаф Мартина. Не думаю, чтобы Стефанссон или эскимосы строили снежные дома со стенными шкафами. Но мы строим, и теперь все, по-видимому, в порядке.

26 сентября. Изумительно, как мало мы теперь едим. Тарелка овсянки на первый завтрак, полгалеты с маслом и немного шоколаду на второй завтрак, полгалеты с маслом к чаю. На обед немного гороха и тарелка — весьма тощего, впрочем, — пеммикана, через день с черносливом и, конечно, рыбий жир. И мы чувствовали себя вполне сытыми... Вечером две партии в шахматы, обе выиграл я. В обеих партиях М. потерял ферзя.

29 сентября. Почти весь день шел снег, и мы сидели дома. Я читаю «Джен Эйр»¹⁵, от которой трудно оторваться.

1 октября, среда. Большую часть дня мы расчищали двор... Никаких признаков смены...

2 октября, четверг. Все утро снег. Починил несколько пар обуви. Примерно в 3.30, только я вышел проветриться — снег все еще валил, — как вдруг услышал «ухе, ухе» и лай собак. Джеми, Джино, Раймил, Фредди, Бингхем и Д'Ат — все явились. Устроили торжественный обед. Джино и Джеми спали в снежном доме. К нашей радости, Джино одобрил оба дома.

Глава 4

ЗИМА НАСТУПАЕТ ВНЕЗАПНО

Эти встречи на станции «Ледниковый щит» заставляли забывать утомительность, холод, скуку и все усиливавшееся напряжение путешествия. Оно не доставляло нам никакого удовольствия. Мы жили будущим. «Если мы не сбавим темпов, то прибудем через *x* дней», — одна и та же фраза, с видоизменениями, обусловленными улучшением или ухудшением погоды и состоянием снега, все время вертелась у нас на языке, как мы ни старались не повторять ее без конца, подобно попугаям.

Когда мы добирались до станции, происходила вспышка дружеских чувств, начинались разговоры и специальная стряпня, и опять разговоры, курение табака и пение — жизнь

кипела ключом на нескольких квадратных метрах безжизненного Ледникового щита. Так продолжалось день или два, а затем мы отправлялись в различные маршруты и ничего не знали о том, что происходило с остальными. Отойдя на три километра, мы чувствовали себя столь же далекими от товарищей, словно нас разделяли триста километров.

Линдсей и Рили вопреки их ожиданиям сменили не Раймил и Лемон с радиопередатчиком. Никто не был этим удивлен. Планы Джино менялись по мере выяснения неизвестных прежде обстоятельств. Вернувшись, Раймил, Бингхем и я сообщили о том, что путешествие оказалось сравнительно нетрудным, но тем не менее наш отчет заронил в нем опасения за будущее. С радиосвязью можно подождать: сначала пища и топливо. Итак, трое «опытных» участников первого путешествия возвратились, каждый во главе особого подразделения. Джон Раймил в паре с Фредди Чепменом вез запасы. Док Бингхем был с Джимми Д'Атом; они ехали на смену Квинтину и Мартину, но везли с собой максимальное количество эффективного груза. (Эффективными назывались те грузы, которые могли быть оставлены в месте назначения, в противоположность тем, что расходовались во время пути туда и назад.) Я ехал с Джино Уоткинсом, хотевшим посмотреть, как обстоят дела на станции, прежде чем мы отправимся в путешествие на юг.

Весь состав экспедиции не собирался вместе с тех пор, когда «Квест» входил в фьорд Базовый, и не соберется до будущего лета. Но здесь в палатке на станции «Ледниковый щит» находилась половина партии. Представился случай не только поболтать, поесть, покурить и попеть, но и обсудить дальнейшие планы.

Джино сказал, что Чепмен, к этому времени уже проехавший на собаках двести двадцать пять километров, после возвращения в Базовый лагерь как можно скорее организует и поведет на станцию «Ледниковый щит» новую партию. В Базовом лагере теперь было много народа — все остальные участники экспедиции. Хемптон и Стефенсон составят следующую смену на станции. Лемон приедет, чтобы установить передатчик и научить обращаться с ним, а затем вернется. Кроме них, должна быть снаряжена грузовая партия из возможно большего числа участников для доставки запасов.

Приняв эти решения, мы расстались, проведя вместе две ночи и день. Фредди Чепмен и Раймил, Мартин Линдсей и Квинтин Рили направились к побережью. Уоткинс и я пустились в путь на юг, а лейтенант медийцинской службы Бингхем и командир эскадрильи Д'Ат остались в качестве гарнизона станции «Ледниковый щит».

Привожу выдержки из дневника дока Бингхема, начиная со следующего после отъезда партии Чепмена дня.

«5 октября. Встали довольно рано и сварили завтрак для Уоткинса и Скотта, занимавшихся увязыванием груза на нартах. Посмотрели, как они отправились в путь, и вот мы остались одни. Сразу же взялись за генеральную уборку палатки. Это отняло много времени. Из продуктовых ящиков устроили два дивана... В пустые сложили всю нашу одежду и утварь. Лежать на диванах гораздо теплее. Впереди куча работы. Надемся завтра убрать двор. Морозный, но прекрасный день. Наблюдения надоедают, но если бы не они, зачем находились бы мы здесь?

6 октября. Делал наблюдения в семь часов, но потом снова лег в постель. После завтрака привели в порядок весь двор и перенесли запасы в снежный дом. Затем принялись вырубать снежные плиты, что вначале давалось с трудом. После второго завтрака я приступил к постройке снежного дома вокруг большой палатки. Дом восьмиугольный, и я закончил одну сторону, пока Д'Ат пытался найти какой-нибудь способ, чтобы лампа в палатке горела. До сих пор все старания были тщетны, но это могло бы значительно прибавить уюта... Взяли восемнадцатилитровый бидон из-под керосина и срезали верхушку. Вырезали также квадратное окошко внизу в боковой стенке. Внутри поставили вверх дном металлическую банку из-под сахара, предварительно сделав круглую дыру в ее дне и в стенке, обращенной к окошку в большом бидоне. Затем смастерили трубу, используя картонные коробки из-под бутылок с лимонным соком, и прикрепили ее к окошку в бидоне, опустив другой конец в туннель. Поставили лампу на банку из-под сахара и зажгли. С четырех до семи наше приспособление работало, но стряпни оно не выдержало, и мы снова вернулись к свече...

8 октября. Весь день лежали в палатке, так как разыгрался ураган и шел снег. Воздух в палатке значительно лучше, и лампа чувствует себя хорошо. Температура поднялась до нуля. Начал письмо матери; оно, вероятно, будет длинное и попадет к ней, может быть, лишь через год. Очень хотелось бы знать, что имеется для меня в почте, уже полученной теперь в Базовом лагере.

11 октября. Холодно. Расчищал туннель, идущий из палатки, и сделал его длиннее; тем временем Д'Ат вырубал плиты, чтобы устроить крышу над выходным отверстием. После второго завтрака клали крышу над входом, так что наш туннель стал значительно длиннее, и крытая часть достаточно глубока, чтобы можно было стоять выпрямившись.

14 октября. Продолжали расчищать двор и строить стену. Д'Ат вырубал снежные плиты для нового дома. Лампа работала хорошо, и по вечерам мы читали с полным комфортом.

17 октября. Теперь вечерами очень уютно, и мы с удовольствием думаем о будущем.

18 октября. Сегодня утром закончили снежный дом. После второго завтрака снова начали расчищать самые нужные участки двора, чтобы к воскресенью он был в полном порядке.

19 октября. Собирались приятно провести этот день, отдыхая, но после завтрака взялись за чистку кухонной утвари, ставшей невероятно грязной. Затем принялись соскребать лед и иней с нижней части палатки... После того как мы вытрясли оленьи шкуры, палатка кажется значительно более уютной и чистой.

22 октября. Продолжали расчищать двор и строить стену... Теперь всюду порядок, и мне хотелось бы, чтобы станция была в таком же состоянии, когда прибудет сменная партия.

26 октября, воскресенье. ...Устроили грандиозное мытье и подстригли бороды. Переменили также белье. Ждем сменную партию примерно через десять дней. Сделал еще приписку к письму матери. По случаю воскресенья отдыхали. Сегодня три недели, как Уоткинс и Скотт нас покинули; теперь они уже скоро повернут на север».

* *

*

На Ледниковом щите существуют только два времени года — лето и зима. Там нет растений, которые увядали бы и теряли листву или же пускали побеги и цвели. Поэтому нет никаких признаков, отличающих осень или весну. Имеется только относительно мягкое время года и холодное.

Холод причиняет различные неудобства. Он разукрашивает палатку инеем, как только погаснет примус. Нерсдко, когда вы просыпаетесь, ваши волосы оказываются примерзшими к брезенту, а пальцы прилипают к кастрюлям, когда вы впервые дотрагиваетесь до них по утрам. Все, что приходится делать на открытом воздухе, отнимает больше времени, так как мозг и мышцы работают медленнее. Во время путешествия вы испытываете мучительную жажду, ибо воздух очень сухой, а когда делаете остановку, ваша одежда от быстро замерзающего пота становится твердой, как желье. Холод затрудняет движение нарт. Санные полозья, лыжи и коньки чудесно скользят только потому, что в результате их давления образуется слой влаги, играющий роль смазки. Так бывает при обычной температуре. Но когда по-настоящему холодно, тогда лед тверд, как камень, и снег сух, как песок.

Однако зиму делает не только холод. Есть еще ветер — ветер, почти в десять раз усиливающий действие холода. Ветер может появиться после первого мороза. Он может появиться неожиданно и без предупреждения. Как только он начинает дуть, уже нет никаких сомнений, что на Ледниковом щите наступила зима.

Джино и я выехали с С. Л. Щ. (станции «Ледниковый щит»), когда стояло еще лето, хотя и самый его конец. Первое

время термометр редко показывал выше — 30°; при такой температуре мороз практически уже становится препятствием, а не просто неудобством. Через неделю мороз достигал 35—40°, но ветра не было. Мы отправились, полностью нагрузив нарты, что обеспечивало нас всем необходимым на три недели движения вперед и три недели обратного пути. Мы намеревались проехать как можно дальше на юг вдоль гребня Ледникового щита, чтобы нанести на карту его очертания, а затем повернуть прямо к Базовому лагерю, завершив, таким образом, маршрут по треугольнику.

Об этом путешествии было немало предварительных разговоров. Мы не видели оснований, почему бы нам не делать в среднем по двадцать пять километров в день — то есть проехать около пятисот километров за три недели. Ведь мы как-никак считались специалистами... Я уже упоминал, что путешествие само по себе доставляло мало удовольствия или вообще его не доставляло. Но пройти большое расстояние, поставить рекорд — приносило огромное удовлетворение.

На самом деле никакого рекорда мы не поставили, разве только — медленности передвижения. Мы столкнулись с самым неожиданным явлением.

Ледниковый щит фактически имел плоскую поверхность, и никаких больших снежных валов не было. Снег редко бывал настолько холодным, чтобы приобрести сухость песка. Погода стояла вполне благоприятная. Собаки находились, по-видимому, в хорошем физическом состоянии и получали полный рацион. Сами мы были в прекрасной форме и настойчиво стремились двигаться быстро. И все же за первую половину путешествия мы в среднем делали меньше восьми километров в день. Мы покрыли расстояние всего в сто пятьдесят километров.

Озадаченные и обескураженные, мы обвиняли во всем собак. Мы ласкали их и подбадривали. Мы ругали и били их. Мы шли впереди, пробивая след и указывая им направление. Мы дополнительно кормили их нашими собственными запасами. Мы испробовали все средства, какие только знали. Физическое состояние собак было вполне удовлетворительным, а груз каждого нарта уменьшался примерно на десять килограммов в день. И все же собаки вели себя крайне апатично. При малейшем препятствии они садились, и стоило адского труда заставить их снова двинуться с места. Как только мы повернули в сторону дома, собаки оживились. За три дня мы проехали пятьдесят километров — треть расстояния, покрытого нами за три недели. Теперь жаловаться на медленность не приходилось, но нас бесило, что полные жизни собаки могли так одурачить нас...

Этой ночью вскоре после того, как мы погасили свечу, что-то вроде прибойной волны ударило о палатку. На

мгновение наступила тишина. Мы лежали, прислушиваясь, в наших спальных мешках. Раздался новый удар. Вскоре бамбуковые жерди закрипели и брезент захлопал, как парус на меняющей галс яхте. Утром, высунув голову, мы увидели сугроб, вытянувшийся на тридцать метров. Наша палатка была единственным препятствием на пути плотной массы движущегося воздуха. Ветер непрерывно налетал на нее, и со стороны задней стенки образовался большой снежный вал. «Проклятые собаки,— говорится в моем дневнике,— не могут найти себе убежища, так как выкопанные нами для них ямы замело. С поджатыми хвостами, с глазами, полными снега, они имеют очень несчастный вид».

Однако именно собаки своим недоступным нашему пониманию поведением дали нам возможность продолжать путь. Погода, в чем мы вскоре убедились, резко изменилась. Наступила зима. Ураганы фантастической силы дули по нескольку дней подряд. В промежутках затишья мы двигались над вершиной большого фьорда, преодолевая страшные сугробы и трещины. Мы шли вдоль нижнего контура Ледникового щита, где ветры с гор достигали почти максимальной скорости. Но собаки вели себя великолепно, и за каждый ходовой день делали все, что могли.

Лежа во время ураганов в сотрясаемой порывами ветра палатке, мы обсуждали главным образом два вопроса. Первым из них было поведение собак. Мы не сомневались, что доберемся до Базового лагеря, хотя это потребует немалых усилий. Совсем иначе обстояло дело, если бы собаки внезапно не оказались на высоте положения. С другой стороны, если бы они бежали хорошо с самого начала (вначале собаки обычно идут лучше) и увели бы нас на триста — четыреста километров к югу, вряд ли нам удалось бы добраться назад.

Второй темой разговоров было путешествие Чепмена для смены дежурных. Мы имели возможность прервать маршрут и повернуть в обратную сторону. Но, какова бы ни была погода, он так поступить не мог, потому что должен был достичь станции «Ледниковый щит» и сменить Бингхема с Д'Атом, которые, вероятно, уже израсходовали большую часть своих запасов. Начался ноябрь, а с Чепменом мы расстались на станции «Ледниковый щит» 4 октября. С легко груженными нартами он, наверное, быстро добрался до Базового лагеря — скажем, за неделю или десять дней. Если бы ему удалось за короткое время управиться со всеми делами, он смог бы, как мы думали, снова двинуться в путь около 20 октября — то есть две недели назад. В этом случае он успел бы до перелома погоды миновать прибрежную полосу, где мы теперь находились и где ураганы, несомненно, достигали наибольшей силы. В минуты оптимистического настроения Джино и я представляли себе (как представляли себе Бингхем и Д'Ат),

что Чепмен находится на станции «Ледниковый щит» или приближается к ней. Мы рассчитывали, что он сможет вернуться в Базовый лагерь вскоре после нас.

10 ноября Джино подобрал на снегу красную нитку. Это означало, что мы вышли на линию флагов, которыми была маркирована дорога от Базового лагеря до С. Л. Щ.

Вскоре за тем мы увидели вдаль перед собой какую-то кучку черных точек. На Ледниковом щите с его однообразной поверхностью очень трудно определить расстояние, а следовательно, и размер того, что вы видите. Вскоре, однако, мы уже поняли, что то были люди и собаки. Партия Чепмена! Сначала нас охватила радость: «Они,— решили мы,— вероятно, возвращались после того, как в рекордное время сменили дежурных и пополнили запасы станции».

Но когда мы поспешно приближались к ним, а они остановились, поджидая нас, мы со страхом подумали о другой возможности — что они только начали свое путешествие.

Глава 5

ПЯТНАДЦАТЬ МИЛЬ ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Чепмен уже проделал один раз путь до станции «Ледниковый щит» и обратно. Остальные участники партии из шести человек никогда прежде не имели дела с собачьей упряжкой. Вряд ли кому выпало на долю более тяжелое первое знакомство с этой формой передвижения.

Как я уже упоминал, Джино распорядился, чтобы Бингхем и Д'Ата на станции сменили Стефенсон, главный геодезист, и Хемптон, второй пилот и механик. Чепмен получил задание доставить их как можно скорей, взяв с собой столько людей, сколько ему удастся выделить. Одним из них должен был быть лейтенант Лемон, сапер и радиотехник, так как предполагалось установить радиосвязь между С. Л. Щ. и Базовым лагерем на случай, если зимой окажется возможным забрасывать туда грузы на самолете. Организационные детали оставлялись на усмотрение руководителя партии. На нем лежала довольно ответственная задача — сменить Бингхема с Д'Атом и завезти достаточно запасов, чтобы новая пара дежурных смогла обеспечить работу станции до тех пор, пока ее не сменят в будущем году.

Это было характерно для распоряжений Джино. Он подробно разъяснял суть задания, а детали предоставлял разрабатывать тому, кому оно было поручено. Он, по-видимому, считал, что почти все участники экспедиции способны на большее, чем они сами предполагают. На Ледниковом щите обстановка для нас была совершенно новой.

Никто не мог бы руководить этой трудной экспедицией лучше, чем Чепмен, отличавшийся уверенностью в себе и способностью предвидения. Он оказался изумительным погонщиком собак, научившись этому в основном сам. Он обладал неистощимым запасом бодрости и был непревзойденным оптимистом.

Я уже упоминал о трех участниках партии Чепмена — о Лемоне, Хемптоне и Стефенсоне, сапере, летчике и геодезисте. Остальными двумя были Уэйджер, геолог и опытный альпинист, и Огастайн Курто. Курто, квалифицированный геодезист, дважды побывал раньше в Арктике с летними экспедициями и являлся единственным, не считая Уоткинса, участником партии, входившим в состав Экспедиционного комитета. Три человека — Раймил, Козенс и Линдсей — представляли собой вспомогательную партию.

Из-за непогоды отъезд задержался. В начале октября первый ураган с Ледникового щита обрушился на Базовый лагерь. Анемометр показывал 206 километров в час, а затем его унесло. Унесло также множество других вещей, и грузы раскидало во все стороны. Было похоже на бомбежку, устроенную для того, чтобы сорвать атаку.

Для описания последовавшего путешествия приводятся выдержки из дневников четырех человек, принимавших в нем участие.

«25 октября, суббота. Уэйджер. Мы должны были пуститься в путь к базе «Ледниковый щит» около 5 часов утра, как вдруг поднялся ветер такого же характера, но не столь сильный, как шквал, налетевший десять дней назад. Такое же ясное небо, если не считать одного-двух почти неподвижных высоких облаков, опять порывистый ветер, но температура ниже нуля и большую часть дня держится между —1 и —2,5°. С ледника тучами сдувало снег, и мы ясно видели сгущавшийся там туман. Итак, мы относительно мирно провели день в Базовом лагере.

26 октября, воскресенье. Уэйджер. Ветер стих, идет легкий снег. Грандиозная облава на суку из моей упряжки, но та исчезла — вероятно, спряталась. Через час Фредди ее поймал. Фредди в хорошей форме и поспевает повсюду. Он отвечает за это путешествие. Первый груз переправлен [через фьорд к подножию ледника] около 9 часов утра. В полдень помог Фредди и Лемону управиться со второй шлюпкой. Лед, по-видимому, не помешает шлюпке добраться до полуострова к югу от ледника.

После высадки накормил собак тюленьим мясом и перенес груз на берег. Становилось темно. У меня со Стевом [Стефенсоном] рваная палатка, и мы поскорей забрались в нее — примерно в 6.30. Оленья шкура и спальный мешок мягкие и роскошные.

Чепмен. Участники вспомогательной партии — Раймил, Козенс и Линдсей — помещаются в маленькой альпийской палатке, рассчитанной на одного человека. Надеюсь, они будут помогать нам, пока не доберемся до Большого флага. Вечером облачно и тепло: вероятно, завтра будет метель.

27 октября, понедельник. Курто. Когда в 4 часа утра мы вышли из палаток, поднялся ветер. Он дул со стороны ледяного плато и был очень холодный. Ветер быстро достиг штормовой силы и к тому времени, когда мы втащили вверх первую партию груза, тучами сметал снег с ледника и угрожал снести палатки.

Уэйджер. Ушел в палатку позавтракать. Ветер усиливается. Всю вторую половину дня ничего не делал. В 4 ч. покормил собак. Розовый отблеск на дальних холмах и ясное небо. Облака мелкого снега в точности напоминают шотландский туман и ведут себя в точности как он. Фредди выдает по норме свечи, лимонный сок и т. д. Наложили еще мешков с пеммиканом¹⁶ на палатку [на наружные полы палатки, чтобы придавить их; на льду или на снегу от колышков мало проку]. Ветер усиливается. Переложили продукты из жестяных банок в мешки [чтобы избавиться от лишней тяжести]. Ужин из пеммикана, гороховой муки и чая с галетами. Ветер теперь дует ужасными порывами.

С восходом солнца, сидя в палатке за завтраком, мы снова убедились в целесообразности разбивки лагеря на светящемся льду изумрудного цвета.

28 октября, вторник. Уэйджер. Ночью ветер перешел в ураган. Мы забаррикадировали стены вещевыми мешками и другими грузами; для того чтобы они не сдвигались, легли сами на полу посредине и, прижавшись друг к другу, удерживали их. Спать мы не могли. Около 11 ч. вечера палатку Фредди и Лемона в третий раз за сегодняшний день снесло, хотя они и поставили ее в другом месте. После такого предупреждения они держались начеку. Тем не менее наружный брезент палатки сорвало. Фредди в палатке Курто и Хема [Хемптона], а Лемон в маленькой горной палатке, где уже находились Раймил, Козенс и Мартин. Они вытащили шесты и поддерживали палатку над собой руками. Ветер немного отклонился к востоку и стал дуть резкими порывами, сменявшимися полным штилем. Около 2 ч. ночи ветер внезапно стих, и мы проспали до 4 ч.

Чепмен. Ветер сразу прекратился. Впечатление было такое, словно земля вдруг перестала вертеться, и мы осознали, в каком ужасном нервном напряжении мы раньше находились.

Уэйджер. Когда мы встали, налетело еще несколько порывов ветра, и было решено перенести палатки на 200 метров ближе к морене. Это заняло все утро. Я вышел поискать

унесенные вещи и почти немедленно наткнулся на верх палатки Фредди. Прибыли Квинтин с Арапикой и Густари [мальчик и девочка — эскимосы]. Арапику приспособили пришивать брезенты палаток.

С моря надвигались тучи; казалось, неизбежно пойдет снег, но мы увязали нарты, прицепили кошки, надели собакам башмаки и вшестером стали тащить нарты вверх. Дело шло лучше, чем мы ожидали, и несколько человек вернулось за следующим грузом. Доставка двух партий груза на «Пугало» имела значительный моральный эффект.

Прекрасный этюд в сине-серо-белых тонах, когда мы вернулись; внизу в сумеречном свете расстился наш фьорд.

Мои собаки не перерезали [перегрызли] ни одного постромка — единственная упряжка, которая вела себя так хорошо.

29 октября, среда. Чепмен. Подъем в 4.30. Исключительно звездное утро. Сириус очень ярко сияет как раз над покрытыми снегом горами у Базового лагеря, а пояс Ориона стоит высоко в небе. Снизу с берега через правильные промежутки времени доносился хриплый лай песца. Как только достаточно рассвело, четыре человека потащили груз вверх, чтобы приступить к работе на «Пугале».

Уэйджер. Вечер холодный, и снова на закате в течение часа розовый снег, а затем, когда мы спускались по леднику, прекрасные сине-серые тона. Это первый раз, что мы можем осмотреться [возвращаясь после доставки наверх половины груза].

30 октября, четверг. Уэйджер. Проснулся около 2 часов ночи и услышал, как вдаль завывал ветер, хотя до палаток не долетало ни малейшего дуновения. Эти шквалы носят исключительно местный характер, как «хельм» в Эденсайте¹⁷. В 3.30 порывы ветра достигли до нас; Стев вышел и наложил побольше камней вокруг палатки. В 4 часа не встал, так как ветер был очень сильный. К 6 часам он совершенно стих. Маленькое перистое облачко, окрашенное зарей в розовый цвет, а над морем почти все время облачная пелена. Раймил поднялся на ледник и сообщил, что груз сильно раскидан, но ничего, по-видимому, не пропало.

После завтрака, сняв палатки, приступили к увязыванию последних двух нарт. Я пошел посмотреть, не занесло ли что-нибудь в пещеру под боковым склоном ледника, где мы уже находили всякую всячину, и подобрал там десятилитровый бидон с керосином и вещевой мешок. Собак Стева хватало на пять минут, а затем они желали отдохнуть. Собаки Лемона, даже та, что кусается, работали гораздо лучше, чем кто-либо из нас ожидал.

К тому времени как мы достигли «Пугала», началась метель.

Стефенсон. Метель разыгралась; сухой мелкий снег проникал повсюду — в карманы, ящики и нам за шиворот. Было очень холодно, ресницы у нас заиндевели, и мы ничего не видели. Шерстяные шлемы замерзли, на бровях и подбородке образовались ледяные наросты. Необходимо было разбить палатку; адская работа. Небольшой перерыв, пока я подстригал Уэйджеру бороду, так как он обнаружил, что она слишком длинная и обледеневает. Все же мы палатку поставили и занесли в нее вещевые мешки. Затем мне пришлось нарезать немного пеммикана для моих собак, по полкилограмма на каждую. Но когда я добрался до нарт, то увидел лишь какие-то бугорки на снегу, так как собак совершенно засыпало. Поэтому мне ничего не оставалось, как сунуть пеммикан в снег перед самыми их мордами — предварительно попытавшись записать его им в хвост...

Уэйджер. Мы сварили суп из жирного пеммикана, гороховой муки и плазмона¹⁸. Выпили по кружке чаю и все же испытывали отчаянную жажду. Как только вы согреетесь, жажда становится поистине невыносимой. Мы оставили примус некоторое время реветь и старались хоть немного просушить драповые куртки; часть водяного пара уходила, вероятно, через вентилятор вверху палатки, но, думается мне, очень небольшая. Стоило нам погасить примус, как стены покрылись инеем.

Сразу после заката солнца луна тоже стала заходить и сквозь метель была темно-розовой. Яркое северное сияние дало нам возможность закончить укладку камней вокруг палатки. В течение последних ночей у нижнего края занавеса северного сияния мы видели не только бледно-желтые и желтые краски, но и другие — пурпурные и красные.

31 октября. Стефенсон. Встал в 4.30 утра и позавтракал — как всегда, тарелка овсянки, галета и какое-нибудь питье. Когда я вышел из палатки, стояла еще звездная ночь, но достаточно светлая, чтобы видеть.

Уэйджер. Утро безветренное, а наличие или отсутствие ветра определяет наши перспективы на день. Снова несколько высоких перистых облаков окрасились на заре в розовый цвет.

День потратили на доставку грузов вверх по склону «Пугала». Семеро из нас проработали весь день и сделали только пять рейсов. Всякий раз приходилось прибегать к блоку и таям. С ними работа идет медленно, но не так утомительна. Мои собаки тянут охотно, но они слабые, а у старого Федерсона сильно распухло плечо, и теперь от него никакого толка. Стив и я разбили палатку на том же месте, что и накануне. Все остальные, за исключением участников вспомогательной группы, находятся на вершине «Пугала». У меня опять болит от холода палец на ноге, но надеюсь, что он не отморожен по настоящему.

Написал письмо папе с указаниями, как распорядиться моей страховкой, если я погибну, свалившись в трещину,— что мало вероятно.

Чепмен. Сегодня собаки Лемона, оставшись на несколько минут одни на вершине «Пугала», набросились на мешок с пеммиканом, лежавший на нартах; они съели больше десяти килограммов.

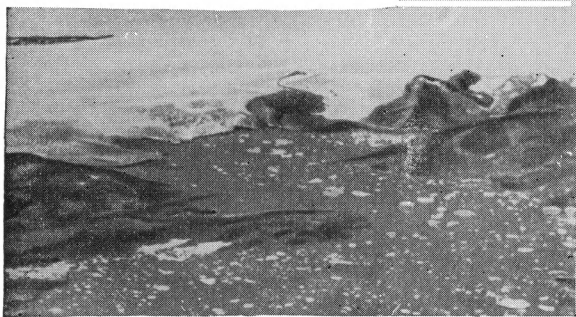
1 ноября, суббота. Курто. Ночью Милли ошенилась, хотя специалисты отрицали такую возможность. Она как-то умудрилась освободиться от упряжи и устроила себе ямку в снегу. Меркайок перегрыз [свои постромки], и поймать его не удалось; в результате у меня осталось пять собак, из которых только четыре на что-то годились. Застрелили на малейшем бугорке. Пришлось тащить в основном самому. Оч. тяжелая работа. Перетащил грузы почти на полтора километра за трещины, дорога хорошая, прекрасно прокатился с пустыми нартами обратно в лагерь... Собаки Лемона убежали вниз с нартами, на которых лежал радиопередатчик; нарты перевернулись. Будет большой удачей, если передатчик окажется в порядке, когда мы доберемся до станции «Ледниковый щит».

Уэйджер. У Федерсона, моей собаки, гноящаяся рана на плече, вызвавшая образование прескверной опухоли. Мы привязали его к камням, но не успели пройти несколько шагов, как он перегрыз ремень и, ковыляя, догнал нас. Прежде он никогда не перекусывал постромок, но теперь решил, по-видимому, во что бы то ни стало следовать за старым Сортом.

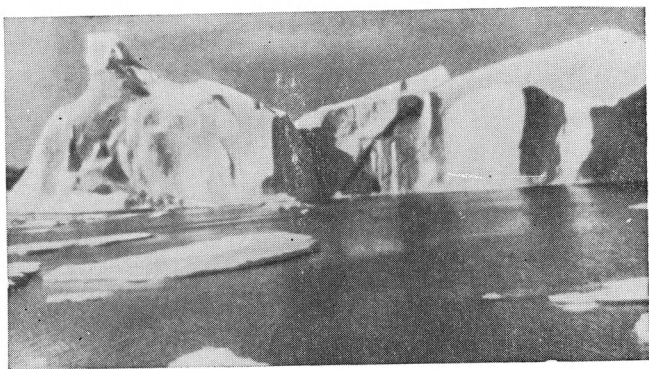
Время от времени проглядывало солнце, и дорога оказалась лучше, чем в последний раз, когда мы здесь были [с первой половиной грузов], так как снег заполнил значительную часть впадин. Тем не менее нарты трижды опрокинулись. Наскоро позавтракал вместе с тремя остальными [вспомогательная группа], у которых осталось очень мало продуктов. Они предполагали покинуть нас три дня назад.

Мои собаки — теперь их осталось четыре лайки и Сорт — тянули хорошо, но беда в том, что их не только мало — лайки малорослы. Миновали место, находившееся несколько в стороне от обычного пути, где они [Курто и Чепмен] опрокинулись, и достигли склона ниже трещин. Там Стев и еще два человека принялись устанавливать нашу палатку, а Раймил и я продолжали прокладывать дорогу через трещины. Намечать точный маршрут по этой местности очень трудно, так как при различном положении солнца тени, отмечающие неровности и трещины, перемещаются. Раймил шел очень осторожно, нащупывая палкой края каждой трещины, прежде чем через нее перешагнуть. Он исключительно вынослив, но все же ему пришлось повернуть назад, не дойдя до конца. Тогда отправились Стев и я; мы без особого труда миновали трещины и перебрались через холм, откуда была видна соседняя долина.

Прокладывание курса на
Ледниковом щите

Вид на Ледниковый щит с
самолета от Базового лагеря

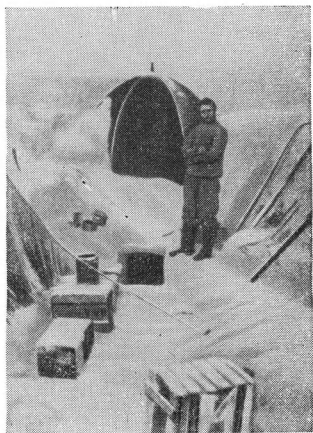
Айсберги

Начало первого маршрута: перевозка собак к подножию ледника.

Бингхем, Рили, Линдсей, Раймил, Скотт

Рили на станции «Ледниковый щит». Обратите внимание на вход в туннель

Стефенсон. Какое удивительное чувство товарищества возникает, когда движешься в связке при подобных обстоятельствах. Один из нас часто проваливался по колени в снег — но мы установили местоположение всех глубоких трещин, нащупывая и обходя их. Опасные трещины тянутся всего метров на 800. Затем дорога до Большого флага и дальше прямо на северо-восток к С. Л. Ш. вполне приличная. Отметим флагами путь через трещины и вернулись в наш лагерь как раз к наступлению темноты. Мы находимся теперь на высоте около 900 метров, и перед нами раскрывается чудесная панорама берега и фьордов. Ночь ясная и лунная; поверхность снега сверкает ледяным блеском, придающим ей фантастический вид... Надеюсь, мои собаки сегодня будут вести себя лучше. Прошлой ночью они непрерывно выли чуть не целый час, а утром я обнаружил, что пять из них перегрызли постромки. Это означает узлы, пока у меня не найдется времени сшить постромки, и еще большие осложнения при запряжке, когда и без того путаешься в ремнях. Мои собаки — веселые славные животные и обычно тянут хорошо, но иногда бывают самыми несносными созданиями на земле и могут свести с ума. За ними водится обыкновение тянуть хорошо, пока они не достигнут вершины какого-нибудь незначительного подъема. Тогда они садятся и удивляются, почему вы сами не тянете нарты дальше. Или же, как только вы распутаете постромки, они решают подраться и сейчас же превращаются в восхитительный сплошной клубок. Нужно быть исключительно терпеливым человеком, чтобы ни разу не потерять хладнокровия из-за собак. Сегодня утром нам был приготовлен сюрприз в виде нового помета щенков, которых вспомогательная партия заберет с собой. [Об этих же щенках упоминает Курто.]

2 ноября, воскресенье. Уэйджер. Стив и я расположились на ночь чуть ниже трещин, на расстоянии нескольких километров впереди от остальных двух палаток. У нас не было будильника, и мы проснулись только в 5 часов. Стив занимался стряпней, и я первый раз вышел только после завтрака. Утро было солнечное; поспешно привязав к нартам лыжи и еще всякую всячину, принадлежавшую товарищам, я погнал упряжку вниз к их лагерю. Мои собаки приятные и в общем разумные создания; без дороги, не обладая особым искусством в обращении с кнутом, я прикатил прямехонько к месту.

Палатки еще стояли, и нарты не были увязаны, так что мы с лихвой наверстали лишние полчаса, проведенные в постели. Фредди распределял грузы. На долю моих пяти собак (Федерсону придется вернуться) пришлось 135 килограммов плюс вещевые мешки: Степа и мой. Сюда входили палатки, кухонные принадлежности и ящик С. Р. [санного рациона].

После некоторых пререканий относительно количества груза мы стали поспешно увязывать нарты. Никто не хотел брать больше своей доли. Около десяти часов из другого лагеря к нам навстречу прибыли нарты со вспомогательной группой, ночевавшей в горной палатке ниже «Пугала». Я, шедший впереди с двенадцатиметровой веревкой, и товарищи, тянувшие в шесть рук, провели одни нарты через трещины. На гребнях гор к северу и к юго-западу поднималась пурга, а вскоре она дошла и до нас. Тонкая снежная пыль неслась по снежной поверхности, а на уровне головы поземка в общем была не так страшна. Эти частые сильные метели, дующие из центра Ледникового щита, являются, вероятно, одним из главных средств, с помощью которого он избавляется от выпадающего снега — возможно, столь же существенным, как и медленное сползание самого льда. В лучах солнца, бивших нам в лицо, покрытый ледяной коркой снег [называемый лыжниками настом] был голубым, а свежие сугробы мягкого снега — пурпурными. Сквозь завесу пурги солнце кажется чудесным оранжевым шаром. Теперь почти половина поверхности снега представляет собой наст, обычно выдерживающий тяжесть человека. Другая половина покрыта наносами мягкого снега, нередко в тридцать сантиметров толщиной. Мы отказались от ботинок, которые вспомогательная партия увезет в Базовый лагерь, и носим мокасины, кроме меня, так как из-за примороженного большого пальца ноги я накануне надел меховые сапоги. Мои ботинки были мне маловаты, а главное — не подавали никаких надежд на то, что придут в нормальное состояние после того, как совершенно намокли в потоке, начинающемся у подножия ледника. Участники вспомогательной партии не имеют ни соответствующей одежды, ни достаточного количества продовольствия, но тем не менее работают хорошо. В течение дня мы перетаскивали все нарты через трещины. Особенно досталось Лемону, который несколько раз проваливался по пояс. Он не имеет необходимой тренировки, однако на стоянках закуривает с одного раза папиросу, даже во время пурги. Дважды нарты перевернулись над трещиной, но все обошлось благополучно.

Раймил, четверть часа тому назад отправивший в лагерь Козенса и Мартина, только что покинул нас, уводя Федерсона, и все шесть наших упряжек пустились в путь, как вдруг разыгралась поистине жуткая метель. Нам очень хотелось укрыться в долине, находившейся меньше чем в километре впереди от нас, но это было невозможно. Собаки вряд ли смогли бы тащить нарты, борясь с несущимся навстречу снегом, и мы решили немедленно разбить палатки. В такую пургу это оказалось страшно трудно. Полуслепые от ледяной корки, сплошь покрывавшей лицо, мы все возились с одной палаткой. До начала пурги заходящее солнце и луна вместе

давали достаточно света, и я любовался видом гор в стороне Ангмагсалика, над которыми поднималась луна. Они представляли собой великолепную картину в бело-голубых тонах. Пурга все скрыла за своей завесой, и стало совершенно темно.

Мы поставили две палатки и решили, что этого достаточно. Хем поместился вместе с нами, а Курто — с Фредди. Вся палатка была заполнена покрытыми снегом вещевыми мешками, рюкзаками и нами, также совершенно запорошенными. Не сняв с себя одежды, мы сварили густой суп из пеммикана и гороховой муки. На большее мы не были способны. Затем мы энергично принялись очень тщательно выколачивать все, что могли, подняли нижнее полотнище, вытрясли его и постепенно разложили очищенные от снега вещи и поместились сами, также очищенные от снега, на сухом теперь полу. Затем один за другим мы залезли в наши уютные спальные мешки из оленьих шкур. Было отчаянно тесно, и нам стало совершенно ясно, как глупо мы поступили бы, если бы решили помещаться в это время года по трое в одной палатке, что казалось возможным тогда, когда Мартин проделал весь этот путь.

Чепмен. Сегодня вспомогательной партии пришлось вернуться в Базовый лагерь. Они пробыли с нами гораздо дольше, чем мы предполагали, и оказали огромную помощь.

3 ноября, понедельник. Уэйджер. Всю ночь дул ветер, но спали хорошо. Фредди распорядился, чтобы мы поднялись сразу после рассвета, если только ветер утихнет и можно будет двигаться дальше. Изголовья наших спальных мешков были покрыты снегом: от дыхания на стенках палатки оседал иней, который ветер затем стряхивал на нас.

Мы вылезли из спальных мешков, отогнули в одном углу палатки полотнище пола и сварили очень жидкую похлебку из овсянки и плазмона, прикончив все, что оставалось от них в нашем первом санном ящике. Все же мы немного насытились и частично утолили жажду. После этого мы выпили по чашке лимонного сока с двумя кусками сахара.

Пурга все еще бушевала; поэтому мы устроились как могли, и я занес в дневник события вчерашнего дня, а теперь собираюсь читать.

Понедельник, продолжение. Весь день дуло, мы сбились в кучу. Хем улегся на спину, подняв колени; я подсунул согнутые ноги сбоку под его ноги, а Стив тоже подсунул, но лежал большей частью вытянувшись. Немного читали, затем спели несколько песен. В 2.30 Фредди крикнул, чтобы кто-нибудь из нас вышел и помог отыскать собак. Надев штормовую куртку, я вылез. Солнечно, но сильная поземка. Мои собаки и нарты, стоявшие под укрытием упряжки Хема, были совершенно занесены. Лайка-сука и Сорт застряли глубоко в снегу, удер-

живаемые постромками. Мы провозились с час, пока высвободили и накормили собак — в десяти метрах от наметенного сугроба, чтобы до завтра их снова не занесло так же сильно. Сука не стала есть даже собачий пеммикан, стоящий 25 шилл. за трехкилограммовую плитку. Каждая собака получала его по полкилограмма в день. Хотя корма для собак, насколько мне известно, захвачено только на три недели, он обойдется за время поездки на станцию «Ледниковый щит» в 150 фунтов стерлингов.

Я снял перед входом штормовую куртку [брезентовую], и поэтому мне так не терпелось вернуться в палатку, что я стукнулся о санный ящик лбом и слегка его раскровенил.

У нас не было второго завтрака, и поэтому довольно рано, около 5 часов, поужинали пеммиканом и гороховой мукой. Затем мы занялись изготовлением восемнадцати постромок из самой непрочной веревки, чтобы собаки, дернув, могли их порвать, и за работой, к удовольствию обитателей второй палатки, исполняли лучшие номера из нашего вокального репертуара, в том числе матросские песни.

4 ноября, вторник. Курто. Ночью ветер стих, и мы поднялись в 2 часа, спутав гринвичское время с местным; была еще темная пасмурная ночь, и мы принялись за работу при слабом свете заходящей луны.

Чепмен. Уэйджер первый побывал снаружи, и я спросил его, светло ли. Помню лаконичский ответ: «Достаточно светло, чтобы откапывать».

Курто. Только к 11 часам мы были готовы двинуться в путь. К тому времени погода стала хорошая. Грузы были тяжелые, но дорога улучшилась и на протяжении первого километра шла под уклон. Однако мы недолго наслаждались покоем. Вскоре обычный холодный ветер из центра Ледникового щита начал баловаться снегом. Мы с трудом прокладывали себе путь, проклятиями помогая собакам взбираться на противоположный склон долины, и около 3 часов дня достигли второго участка трещин. При переходе через них мои нарты чуть не провалились. Холодный ветер и поземка усилились, и с заходом солнца мы принялись разбивать лагерь, что по обыкновению сопровождалось хлопаньем вырывающихся из рук полотнищ палаток и холодным свистом до смерти надоевшего ветра.

5 ноября, среда. Уэйджер. Этой ночью мне впервые было довольно холодно. Бушевала пурга, и нас поэтому не подняли.

В понедельник из-за пурги мы бездельничали, и это было приятно, так как предыдущая неделя была очень напряженной. Но сегодняшний день заставляет меня подумать о том, что мне вчера сказал Фредди. Он, конечно, пытается сохранить свой обычный оптимизм и все же полагает, что в лучшем

случае мы будем двигаться со скоростью в шестнадцать километров в те дни, когда вообще двигаться окажется возможным, и что из каждых двух дней один, вероятно, придется стоять на месте. От Большого флага, до которого теперь осталось лишь два-три километра, до станции «Ледниковый щит» 180 километров, иначе говоря, нам потребуется еще двадцать два дня, чтобы до нее добраться. Поистине безумие завозить продовольствие и радио для станции в ноябре. Теперь я рад, что ответственность за это задание лежит на Фредди, а не на мне.

Чепмен. Надо дать себе отчет в нашем положении. За одиннадцать дней мы сделали 16 километров. Несомненно, мы можем надеяться двигаться лишь один день из каждых двух, и поэтому нашим пределом явится 11 километров в день. Погода, вероятно, будет ухудшаться по мере того, как зима начнет вступать в свои права. Мы должны ожидать, что морозы усилятся на 15—20°, а дни быстро становятся короче; очень скоро будет светло только в течение нескольких часов. Собаки уже обнаруживают признаки изнурения.

Очевидно, кому-то из участников партии придется вернуться. Но кому и сколько? Если мы рассчитываем на самолет, то радиостанция — и Лемон для работы на ней — должны двигаться дальше. Пока что мы имели всего один летный день из десяти, но положение может измениться, когда море совершенно замерзнет. Сегодня мы начали новый рационный ящик и были горько разочарованы: шоколад — единственная вещь, скрашивающая жизнь во время такого путешествия, оказался кем-то вынут.

Уэйджер. 7 ч. веч. Я решил в моем личном дневнике, во всяком случае теперь, отмечая события под той датой, когда они произошли, ставить в конце дату, когда они были записаны. Стив неуклонно заносит в свой дневник все случившееся за день в тот же вечер; это тот идеал, которого и мне хотелось бы достигнуть.

Курто. Около 3 ч. дня вышел покормить собак. Ветер бешеный. Смог идти против него, только отвернувшись. Большинство собак было засыпано снегом, и наружу торчали лишь их носы. Некоторые, казалось, не хотели даже пемикана.

Уэйджер. Мы приносим две кастрюли снега, кипятим его и в том или ином виде выпиваем. Большая часть поглощенной жидкости покидает нас с дыханием, оседающим на спальных мешках около рта или на стенках палатки над нами, откуда она падает на нас в виде снега, стряхиваемого порывами ветра. Если примус зажжен, то до того уровня, на котором он находится, почти весь иней выше на стенах тает. Чтобы понизить этот уровень, мы ставим примус не на рационный ящик, а на пол.

Весь день сияло солнце; выглянув на закате в дверь палатки, мы увидели на юго-западе великолепный багрянец вечерней зари и вереницу облаков, окрашенных в красные и серые тона.

Я прочел несколько писем Д. Осборн¹⁹, а Стив даже и не пытался читать.

Стефенсон. Ни человек, ни собака не могли и думать о том, чтобы пуститься в путь при таком ветре. На это путешествие, которое нормально должно было отнять две недели, нам отпущено по два рационных ящика на палатку. На половинном рационе мы можем прожить месяц. У нас с собой много продовольствия, но расходовать его означало бы расходовать запасы, предназначенные для С. Л. Ш., которых при теперешнем положении хватит до середины марта. Если самолетом сменить людей на станции не удастся, то Хему и мне придется, по всей вероятности, пробить там всю зиму, так как передвигаться в это время года совершенно невозможно.

6 ноября, четверг. Уэйджер. Пурга все еще продолжается, и я весь день не вылезал из палатки. Ночью наступило затишье, и все собаки жалобно выли. По-моему, Уналите подходила к нашей палатке, скуля по своим щенкам и растравляя остальных собак. Впрочем, им пришлось несладко, и едва ли следует их ругать — хотя ночью, если бы можно было выйти, не одевшись как следует, я крепко избил бы их. Не знаю, сколько времени продолжалось затишье, но ветер снова задул еще до 4 ч. утра, когда при нормальной погоде нам пришлось бы встать.

Около 7 ч. я съел немного сырого пеммикана и принялся за чтение сборника стихов. Стив встал в 10.30 и открыл новый санный ящик. Мы уложили продукты в мешки и успели наполовину растопить снег для каши, как вдруг примус погас — кончился керосин. Пришлось удовольствоваться одной галетой и 50 граммами шоколада.

Починил штаны и расширил ворот моей штормовой куртки. Тут явился Фредди. Они начали обсуждать дальнейшие планы и пришли к выводу, что корма для собак не хватит, если такие метели будут повторяться часто. Фредди считает, что через несколько дней Хемптону, Курто и мне придется повернуть назад, а остальные будут двигаться дальше. Хемптону следует возвратиться, чтобы можно было использовать в случае необходимости самолет. Стив продолжает путь, чтобы определять местоположение партии, если она будет сбиваться с отмеченной флагами дороги. Стив и Лемон некоторое время проживут вдвоем на станции «Ледниковый щит».

Чепмен. Вечером ураган достиг чудовищной силы — скорость ветра значительно больше 160 км/ч. Ощущение, ве-

роятно, такое, какое испытывают на войне под артиллерийским огнем.

7 ноября, пятница. Уэйджер. Первую половину ночи я спал плохо; около 12 часов встал и съел свою дневную порцию шоколада. Ураган еще усилился; я вытащил штормовую куртку из рюкзака и положил ее в спальный мешок. Мокрые штормовые штаны я сунул под подушку, затем надел на шею пришитую к рукавицам тесемку и привязал к ней меховые сапоги. Фланелевую куртку я также положил в меховой мешок. Я высказал Стеву предположение, что палатку может снести, и спросил, знает ли он, где его штормовой костюм. Но он был слишком сонный и ни о чем не беспокоился.

Курто. Мы спали, не раздеваясь, и молили бога, чтобы палатка выдержала. Страшно подумать, что произошло, если бы ветер ее сорвал. Мы пережили ужасные часы. Часть наружных полотнищ обеих палаток загнуло верх, но, к счастью, не унесло. К утру слегка утихло, что нас очень обрадовало, хотя мы замерзли и промокли.

Уэйджер. Мы находимся, по-моему, километрах в двух-трех от Большого флага. Около 2 ч. дня одна из моих собак, полужансененных снегом, завывала так жалобно, что я снова вышел, перерезал постромки и откопал ее лопатой. Я накормил всех собак пеммиканом и специально взятым для них жиром, а затем откопал и перерезал постромки тех, которые были совсем или почти совсем засыпаны.

Курто. Сегодня опять обнаружили исчезновение шоколада из санного ящика. Выбрав подходящее время, какой-то «приятель» отвинтил крышки от всех ящиков, до которых ему удалось добраться, вытащил шоколад и снова завинтил крышки.

8 ноября, суббота. Курто. Утро довольно тихое и пасмурное. Встали на рассвете. Погода очень мягкая, — 19°. После урагана нарты, собаки и упряжь смешались в невообразимую кучу. Мои собаки перегрызли постромки, а также в нескольких местах потяг. Все, как обычно, было покрыто тридцатисантиметровым слоем снега и замерзшей мочой.

Уэйджер. Густая облачность над морем и не такая густая над нами. Так как мои нарты и собаки были занесены сильнее, чем у остальных (на этот раз моя упряжка находилась с подветренной стороны от упряжки Фредди), то хорошо, что я вышел пораньше. Хотя откапывание нарт и постромок дело утомительное, я лишь медленно набираюсь мудрости. Мы были готовы к выходу только в 11.30, но дорога оказалась хорошая, и скорость составляла, по-моему, около 3,5 километра в час. Прежде чем мы покинули лагерь, Фредди удалось разглядеть в бинокль флаг. Несколько дальше я увидел еще один флаг, большего размера, кото-

рый некоторое время принимал за партию Джино. Мы достигли Меньшего флага, а вскоре затем и Большого флага. (Банка мяса на ужин!) У меня было груза килограммов на 50 меньше, и это оказалось как раз по силам собакам, так что путешествие не доставляло таких неприятностей, как в последний раз. Все же собаки бежали лениво, и мне постоянно приходилось покрикивать: «Быстро!»

Я предложил Фредди вернуться к первоначальному решению о сменах из двух человек, и он согласился с моей мыслью. Либо я и Курто первыми двинемся назад, либо буду сопровождать Стева до конца; думаю, что мне придется возвратиться.

Флаги стоят на расстоянии 800 метров друг от друга; с наступлением сумерек мы прозевали один из них и расположились лагерем, не имея никакой уверенности в том, что не сбились с пути. Ледниковый щит уже становится совершенно однообразным.

Чепмен. Держаться линии флагов абсолютно необходимо. Сойдя с нее, мы лишимся надежды отыскать станцию, так как определять свое местоположение, возможно, не удастся из-за морозов, ожидающих нас в дальнейшем, и из-за того, что солнце будет лишь ненадолго показываться над горизонтом. На мне надеты три пары носков, три пары драповых туфель и меховые сапоги, кальсоны и фуфайка, свитер, драповые штаны и куртка²⁰, штормовые штаны и куртка, брезентовые краги, чтобы не набивался снег, две пары шерстяных рукавиц и рукавицы из волчьего меха, шерстяной шлем и штормовой капюшон.

9 ноября, воскресенье. Уэйджер. 10 ч. утра. Ночью поднялся ветер. Он дует как будто с севера или даже с северо-востока. Ветер слишком сильный, чтобы можно было продолжать путь.

Очень интересно будет ознакомиться с отчетом Вегенера о его метеорологической экспедиции на Ледниковый щит; этот отчет должен охватить тот же период, в течение которого мы будем вести наблюдения. [Немецкая экспедиция профессора Вегенера — подробнее о ней сообщу позже — организовала станцию на Ледниковом щите в 500 километров севернее.]

Вчера я относился к собакам дружелюбнее. Они добросовестно тянули, а груз был такой, с каким они только-только могли управиться. Они даже более или менее дружно брали с места, когда я помогал им взять старт, раскачивая нарты из стороны в сторону. Упряжку составляют четыре собаки из породы лаек — одну пришлось оставить в Базовом лагере, так как у нее была незажившая рана на ноге. Вожак Кернек [что значит — черный] по масти не похож на лайку; у него отвислые уши и миролюбивый нрав. Вследствие его миро-

любия постромки часто совершенно запутываются. Он также очень дружен со своей упряжкой, особенно с Бобом [Ангеком], одной из самых красивых собак, когда-либо мною виденных. У Боба длинная лохматая шерсть; Фредди, забывший его кличку, назвал его Бобом, так как он напоминал овчарку того же имени. Плейна называли так потому, что у него нет светлых пятен над глазами*. Он довольно бесхарактерный. Сука очень маленькая, но тянет хорошо. Она крайне робкая и не отличается красотой.

Сорт не принадлежит к породе лаек и чувствует себя ужасно одиноким с тех пор, как Федерсон вернулся в лагерь. Он крупнее лаек и в компании сородичей был бы великопной собакой, но теперь обнаруживает склонность к меланхолии и скулежу. Вчера он был болен, объевшись пеммиканом. Собаки перегрызают постромки, или мы сами перерезаем их, чтобы животных не заносило снегом, и в результате они украли значительное количество пеммикана, разорвав зубами миткалевые мешки. Именно недостаток собачьего пеммикана, а не людских рационов заставит некоторых из нас повернуть назад прежде, чем мы достигнем станции «Ледниковый щит».

Третьего дня Фредди отрезал Хингсу хвост, который торчал из снега. Фредди думал, что подрезает только волосы, но вчера утром нашел в снегу половину хвоста. Собака вела себя как ни в чем не бывало.

У Стева на кончиках четырех пальцев руки появились пузыри — признаки обморожения. У меня на большом пальце ноги также не проходит пузырь, и все время я испытываю какое-то неприятное ощущение.

В 2 ч. дня Фредди передал нам просьбу сообщить Хему и Курто, что их очередь кормить собак.

Прочел немного — несколько стихотворений из сборника. От чтения стихов, а также от безделья настроение у меня улучшается. Рано утром я склонен слишком мрачно смотреть на теперешние наши перспективы или предаваться сожалениям, что не продолжаю заниматься геологией, но после завтрака чувствую себя лучше и бесцельно думаю о том, что происходит теперь в Англии, или о здешней странной погоде, или о Дороти Осборн, любовные письма которой я читаю. Когда представляется случай, я делюсь мыслями со Стевом, или же мы обмениваемся мнениями о событиях и людях в Кембридже. Кроме того, мы часто поем отдельные куплеты, редко целиком всю песню.

Стефенсон. Читать несколько затруднительно, когда руки мерзнут, а страницы намокают от инея, осыпавшегося

* По-английски «plain» имеет среди прочих значение «одноцветный», «без узора». — *Прим. ред.*

со стенок палатки. Все же перед сном я читаю «Зрелость мастера»²¹, — теперешнее наше положение помогает понять правдивость всего описанного. Чудесно очутиться вне мира с подобной книгой. Начинаешь все лучше и лучше сознавать, что является важным и необходимым и какую кучу времени мы убиваем на мелочи жизни. Я уверен, что такие дни физического отдыха приносят пользу. Когда час-другой хорошенько поразмыслишь, прикованный к месту стихиями, начинаешь отдавать себе отчет в полной беспомощности человека перед силами природы и в своей зависимости от помощи извне.

10 ноября, понедельник. Стефенсон. Таковы превратности судьбы! Сегодня утром я поднялся, полный нетерпения хоть несколько приблизиться к цели [станции «Ледниковый щит»]. Вечером я ложусь спать, сделав все приготовления к тому, чтобы на завтра покинуть остальных и вернуться в Базовый лагерь с Хемом и Лемоном.

Чепмен. 15 миль*, 15 дней: перспективы хоть куда! Ночью 44° мороза. Видимость плохая — рассеянный свет и небольшой снегопад. Неожиданно вдаль налево увидел маленький движущийся предмет. Собака? Медведь? Оказалось, что это Уоткинс и Скотт, возвращающиеся из маршрута.

Уэйджер. Они появились в виде пятнышек вдалеке к югу от нас, в стороне от дороги на станцию «Ледниковый щит». Если бы они или мы прошли на пятнадцать минут раньше или позже, встреча не состоялась бы. Они выполнили только часть того, на что рассчитывали. Помешали собаки и метели. Джино не захотел обсуждать какие бы то ни было планы для нас, но согласился, чтобы радиостанция была оставлена. По его мнению, нас ждут большие трудности на пути к С. Л. Щ., и он несколько раз повторил, что в случае необходимости мы должны бросить радио и в случае необходимости есть собак. Все же до того, как мы расстались с ними, было решено, что Фредди, Курто и я должны продолжать путешествие и что Курто и я останемся на станции. Какое быстрое изменение планов! Только сегодня утром Фредди окончательно сказал нам, что Курто и я, как только погода позволит, вернемся назад, а Хем и Стев пойдут дальше. По мнению Джино, Хем необходим для самолетов.

Пока мы разговаривали, нос и часть лица Стева побелели — первый признак обморожения. Но вечером у него все в полном порядке.

Сегодня прошли лишь около 10 километров, и снег становится хуже — мягче и больше заструг (надувов).

* 24 километра.

Обед из полного рациона, доставивший нам гораздо больше удовольствия, чем мы ожидали.

Суп á la «натуральный пеммикан»
Bœuf de chien sauté *

Овсянка и плазмон с маргарином
Шоколад
Крепкий лимонный сок.

Глава 6

ЧЕПМЕН, КУРТО И УЭЙДЖЕР

11 ноября, вторник. Чепмен. У флага 56 сгрузили радио и семь ящиков с рационами. Никто ими не поживится. Мы забрали [у Стефенсона, Лемона и Хемптона, которые возвращались в Базовый лагерь] наиболее сильных собак; теперь у нас три самых лучших упряжки, какие только можно было составить, из семи собак каждая. Взяли также все самое лучшее, что у них было: нарты, одежду, книги, кнуты. Выехали в 11.30. Мы условились пообедать вместе в Лондоне в следующий День перемирия²². Мне, по правде говоря, стало очень грустно, когда они повернули нарты в противоположном направлении и покинули нас. Мы договорились об условных знаках для самолета: «Х» на снегу, если посадка невозможна, и «О», если возможна.

Сегодня утром Курто пришел в нашу палатку и предложил, что останется один на станции «Ледниковый щит». Он подчеркивал то обстоятельство, которое и меня беспокоило, а именно: мы так долго будем добираться до станции, что у нас не хватит продовольствия для двух человек. Больше того, так рано начавшаяся непогода может продержаться до февраля и даже весь март, и ни одна санная экспедиция не сумеет добраться туда, а самолету не удастся сделать посадку.

Уэйджер. Стев отдал мне кальсоны и фуфайку, щетку, книги, бумагу, карандаши и электрический фонарик.

Забыл о двух минутах молчания.

Чепмен. После того как в сгущавшихся сумерках мы пропустили флаг, прошли еще около двух километров [по санному одометру]. С каким страшным напряжением мы всматривались в пустоту, стараясь обнаружить флаги! Из-за полного отсутствия здесь ориентиров совершенно теряешь представление о расстоянии. Сегодня нам показалось, будто вдали виднеется какой-то большой темный предмет, но это был клочок черной бумаги всего в десяти метрах от нас.

* Собачье рагу (франц.).

Вечером попытались все трое забраться в одну палатку, но при данных условиях это нецелесообразно. Внутри палатки ниже уровня примуса намерзает столько льда, что она становится крошечной. Когда мы втроем, то все время касаемся стенок, и на нас не переставая сыплется иней. Мои часы сегодня замерзли и не хотят больше идти.

12 ноября, среда. Уэйджер. Я в палатке один. В результате со мной произошло что-то странное. От готовки ужина палатка наполнилась чадом, свеча еле горела и даже гасла. Мне пришлось выйти; была слабая пурга. Наполнил кастрюли снегом, почувствовал головокружение и чуть не потерял сознания от напряжения при входе в дверь. С трудом удалось зажечь спичку. Лег поскорей в постель. Вскоре почувствовал себя лучше, снова встал и надел дополнительно сухие носки, штаны и пижаму. Теперь почувствовал себя настолько бодрым, что взялся за дневник.

Чепмен. На пройденной нами части пути несколько флагов оказались засыпанными доверху, а полотнища обычно бывали разорваны в клочья. Очень часто флаги были скрыты сугробами, и мы различали их лишь тогда, когда до них оставалось 50 метров. Поэтому чрезвычайно важно точно держаться курса.

Уэйджер пришел в нашу палатку и поужинал с нами. Мы взяли у покинувших нас товарищей слишком мало примусных иголок, и сегодня я вынужден был прибегнуть к секундной стрелке от моих часов, предварительно безуспешно перепробовав всевозможные другие орудия. Но Уэйджер — колдун по части примуса и заставил его работать. В палатке ужасный чад. Сегодня наши трубки решительно отказывались гореть.

13 ноября, четверг. Курто. Ночью подул ветер и продолжался весь день. Двигаться невозможно.

Уэйджер. После завтрака я прожег засорившуюся горелку примуса, прочистил и продул ее, после чего она, наконец, стала работать. В палатке довольно неприятно. Фредди прочел вслух кое-что из Палгрева²³.

Около часа дня вышел. Накормил собак. Сквозь пургу сияет солнце.

Ледниковый щит — теперь почти плоская снежная равнина, подобно морю ограниченная со всех сторон линией горизонта. Тени облаков вырисовываются серыми пятнами. В пределах отдельных участков местности пересечена застругами, указывающими на ветер с северо-северо-запада до более восточного. Вчера ветер с северо-востока, сопровождавшийся снегопадом, намет поперек основных более мелкие заструги, часто очень красивой формы.

Вчера вечером я привел доводы в обоснование своего мнения о том, что я должен остаться с Огастом на станции «Лед-

никовый щит». Я склонен думать, что останусь там, если нам удастся довести достаточно продовольствия.

Мы съели почти всю свою норму шоколада на ближайшую неделю.

14 ноября, пятница. Курто. Все еще дует и наметает большие сугробы. Весь день лежал. В 2 часа вышел покормить собак. $t = -28^{\circ}$. Ветер 6 баллов, очень неприятный. Вечером Фредди читал «Троила и Крессида»²⁴.

Уэйджер. Ветер стихает. Надеюсь, завтра сможем двинуться в путь. Все же я провел сегодняшний день не без пользы, а сейчас собираюсь дальше читать письма Дороти Осборн.

15 ноября, суббота (флаг 90). Курто. Рано утром ветер утих, и мы решили двигаться дальше. Нарты, собаки, палатки, снаряжение — все завалено снегом. Тронулись в путь лишь после полудня. Унылое занятие — приводить все в порядок. В 9 часов утра $t = -29^{\circ}$. Ночью минимум — -36° . Холодный северо-западный ветер в 4 балла. Заструги отвратительные. Каждые несколько метров нарты переворачивались. Нарты Фредди собираются сломаться, поэтому около 4 часов мы разбили лагерь. Решили облегчить его нарты и доставить на «Ледниковый щит» запас продовольствия, достаточный только для одного человека — меня. Итак, мы возьмем всего четыре ящика вместо четырнадцати. Похоже, от нашего путешествия действительно будет очень мало проку. За ужином съел коробку сардин. Очень вкусно.

Уэйджер. День был великолепный. Над Ледниковым щитом несколько вытянутых перистых облаков, но позади в направлении фьорда Сермилик и Базового лагеря можно различить низкие облака, по-видимому, пытающиеся надвинуться на Ледниковый щит, борясь со встречным ветром. Маленький серовато-белый конус является, по словам Фредди, горой Форель. Как раз перед тем как мы снялись со стоянки, она совершенно исчезла. Мы увидели ее лишь вследствие рефракции.

При ослепительном солнце тени на застругах темные и трудно заметить флаги. Позади моей палатки намело сугроб вышиной в один-полтора метра, который тянулся на 35—40 метров. Дорога была плохая, так как время от времени попадались плотные крутые заструги очень красивой формы, почти такие же твердые, как мел, но более хрупкие. Даже на небольших застругах нарты неизменно переворачивались.

Выехали мы поздно, двигались медленно и рано остановились, так как нарты Фредди еще больше поломались; в результате мы сделали только 3,5 километра. Это ничтожно мало, если принять во внимание всю работу по упаковке, снятие полужанесенных палаток, откапывание нарт и упряжи, распутывание упряжи, привязывание грузов, неизбежно

повторяющиеся всякий раз, как мы трогаемся в путь,— и все это на холодном ветру, при котором теряется ясность мысли и плохо повинуются пальцы. А затем через 3,5 километра бесконечная возня с разгрузкой нарт и установкой палаток.

Я все еще один в палатке. Чувствую, что так будет повторяться, но не обязательно каждый день. Впрочем, это довольно естественно, так как Фредди и Огасту придется обсуждать, что делать дальше. Остаться одному была идея Огаста, и ему очень хочется ее осуществить. Действительно, он неизменно возражает против моих настояний, чтобы остался я; кто из нас останется на станции «Ледниковый щит», не вызывает никаких сомнений. К моему величайшему сожалению, не я.

Чепмен. Сугробы отбрасывают столько темных теней, что флаги трудно различить. Ветер страшно холодный. Сегодня у нас часто прихватывает морозом нос, но пока руки не приморожены, вы можете его оттереть.

16 ноября, воскресенье (флаг 90). Курто. Ночью снова поднялся ураган, и мы опять весь день лежали, развлекаясь попеременно то стрипней, то чтением вслух. Результатом этих занятий явились нечто вроде овсяного печенья, конфеты из масла и сахара, горох, весь «Король Джон»²⁵, разные сонеты и вся «Алиса в стране чудес». На закате ветер стих, но после наступления темноты вновь поднялся.

Уэйджер. Поздно вечером (11 ч.) я проснулся; дул отчаянный ветер, и я зажег свечу, чтобы посмотреть, сильно ли раскачивается палатка. Она стояла, однако, вполне прочно, и я хорошо поспал до 8 часов утра. Накануне вечером я вывернул свой спальный мешок наизнанку, вытряс из него иней, а затем несколько просушил, так что мне было вполне тепло.

Я полностью использовал сегодняшний день. Он начался с мрачных раздумий, вызванных пургой, которая не давала нам двигаться дальше, и мыслями о том, что вот уже целых три недели мы находимся в пути и прошли каких-нибудь 30—40 километров от Большого флага. Нам предстоит сделать еще от 130 до 145 километров, а из-за пурги мы сможем двигаться лишь два или три дня в неделю. Утро я провел, размышляя о тектонике²⁶ даек²⁷ и формации плато — базальтов Кангердлугсуака. Схема, в которой исходным предположением является утоньшение сиала²⁸ вследствие растяжения, вполне соответствует фактам.

Кончил «Двенадцатую ночь». Почистил зубы, хотя в этом не было особой необходимости, и теперь (7 ч. веч.) собираюсь еще с час читать. Весь день с перерывом в 1 час горел примус. Как только я погасил его, стены начали промерзать, и от моего дыхания на них стал оседать иней. Одной заливки ке-

росина (примерно около литра), по-видимому, хватает часов на 8.

Ветер по-прежнему довольно сильный. Надеюсь, несмотря на удовольствие от лежания, завтра мы сможем пуститься в путь — иначе когда мы туда попадем?

17 ноября, понедельник. Чепмен. Пурга продолжается. Очень хорошо провел сегодняшний день. Конечно, раздражает невозможность продолжать путешествие; однако мы двигаться не в состоянии, таков факт. Сознание неизбежности является утешением. Как огромен контраст между лежанием в более или менее уютной, теплой палатке, где находишься в обществе товарища, и мучительным продвижением на морозе, когда с трудом тащишься, проклиная собак. Прочел сегодня «Владельца Баллантра»²⁹ и снова взялся за «Остров сокровищ».

Уэйджер. Большую часть дня провел, размышляя на геологические темы. Так как мне не придется жить на «Ледниковом щите» и проработать там составленный мною два дня тому назад список интересующих меня вопросов, я принялся за них сейчас. Думал об интрузиях³⁰ и их отношении к тектонике. Начал также классификацию метаморфических типов³¹ пород побережья.

Выучил наизусть два стихотворения Д. Г. Россетти³²: «Лесной молочан» и «Где бродишь ты, о Госпожа моя». Кончил «Короля Джона», — первоклассная пьеса. Снова высушил свой мешок. Примус Фредди засорился, и завтра мне предстоит сварить им к завтраку какао.

18 ноября, вторник. Чепмен. Опять весь день лежали. 3,5 километра за пять суток! Похоже на то, что нам придется двигаться вперед, пока не кончится корм для собак, затем более слабых собак убить, чтобы кормить ими остальных, затем (если мы найдем станцию) забрать Бингхема и Д'Ата и людской тягой — назад. Снег со свистом и непрерывным гудением налетает на палатку. Очень беспокоят нагноившиеся ссадины, которые я натер себе штанами.

Курто. Ночью ветер достиг ураганной силы и дул весь день. Была моя очередь кормить собак. Ветер чуть не валил с ног. Управился лишь с большим трудом.

Уэйджер. Хотя между палатками всего пять метров, мой голос не смог преодолеть это расстояние, когда я кричал, чтобы узнать, работает ли у них примус. Весь день не прекращались рев и хлопанье, от которых я теперь (7 ч. веч.) стал ощущать некоторую усталость. Когда я выглянул наружу, воздух представлял собой тучу снега. Провел несколько приятных часов, обдумывая геологические проблемы. Читал также «Ричарда II», но сейчас чувствую, что за день немного утомился. Думается также, я съел чересчур много пеммикана.

19 ноября, среда. Курто. Наконец, чудесный день. После столь длительного лежания упаковались поздно и, конечно, не обнаружили на собаках ни одной постромки. Хотя мы отвязали собак, они все сжевали свою упряжь. Нарты Фредди могут везти лишь половинный груз, так что Уэйджер и я нагрузились основательно. Мы кое-как разыскали несколько старых обрывков веревок и связали семь постромок. После этого тронулись в путь. Не прошли мы и полукилометра, как все нарты перевернулись. Поверхность представляла собой попеременно то лезвие ножа, твердое, как бетон, то мягкий снег. Снежные заструги лежат островками, и собаки, казалось, все время норовят двигаться прямо на них и с трудом взбираются на гребень, между тем как мы, ругаясь, бежим рядом с нартами, то вытягивая их, то подталкивая, чтобы они не опрокинулись. Примерно через каждые десять минут нарты неуклонно переворачиваются, и пока мы снова ставим их полозьями вниз, собаки с удовлетворенным видом сидят.

С каждым разом, как это случалось, нарты становились менее прочными и все больше грозили окончательно развалиться. Солнце зашло, и небо на западе полыхало закатом, а мы все еще пытались двигаться вперед. Показались звезды и осветили по-прежнему тяжелую дорогу и нас, по-прежнему тщательно старавшихся изо всех сил. Но вот нарты Фредди окончательно сломались, и мы были вынуждены разбить лагерь, проделав каких-нибудь 8 километров.

Уэйджер. Я все время думал о двух вещах. Во-первых, о сделанном кем-то до того, как мы бросили радиостанцию, замечании, что наше путешествие будет героическим — чертовски глупое, по-моему, во многих отношениях. А во-вторых, о сегодняшнем замечании Курто, что он смотрит на наше путешествие оптимистически. Мне кажется необходимо немного трезвого расчета возможностей, чтобы принять более решительные меры к увеличению скорости нашего продвижения.

20 ноября, четверг. Курто. К собственному удивлению, обнаружили, что мы прошли от Большого флага 90 километров и нам осталось 100.

Чепмен. Худший день в моей жизни. Ссадины на промежности и отмороженные пальцы ног делали каждый шаг мучительным. Иногда я был совершенно не в состоянии двигаться дальше и мне приходилось на несколько минут садиться.

Сегодня мы долго шли после захода солнца. Я убедился, что могу достаточно хорошо держаться курса, определяя направление по звездам. Ориентиром для нас служила нижняя звезда в «ручке ковша» Большой Медведицы. К счастью, мы проходили не больше чем в десяти метрах от флагов и могли их видеть.

Уэйджер. Мои собаки тянут вовсю. Новый способ упряжки, кажется, хорош. Фредди поговаривает о том, чтобы убить двух его собак для экономии корма. Собаки Огаста удрали, как только он собрался запрячь их в нарты, и пробежали километра полтора. Они вернулись к нам после того, как мы тронулись в путь.

21 ноября, пятница. Курто. Опять ужасный день, еще хуже вчерашнего. Починив снова нарты Фредди, мы выехали около 10 ч. Упряжь в безнадежном состоянии, постоянно рвется. Заструги страшные, гребни твердые, как бетон, а в промежутках — глубокий мягкий снег. Нарты то и дело переворачиваются. Утром гора Форель не была видна, но позже, днем, появилось ее самое фантастическое отражение, вместе со всей окружающей цепью гор. Фредди опять мучается из-за отмороженных пальцев и промежности.

С моими собаками все хуже и хуже. Тисс, собирающаяся щениться, сильно затрудняет дело. Нарты начинают выходить из строя.

Наконец, пройдя 10 километров и основательно вымотавшись, разбили лагерь. Теперь от Большого флага мы прошли половину пути. Беспрерывное напряжение на такой высоте [1800—2000 метров], пробивание пути по снегу без канадских лыж³³ [их съели собаки], поддержание нарт, чтобы они не перевернулись, ругань по адресу собак, постоянные остановки и возобновление движения — все это утомляет почти свыше всяких сил.

Уэйджер. Во время стоянки мы убили бедную маленькую суку из упряжки Фредди, покинувшую своих щенков под бараком в Базовом лагере. Она находилась как бы в полусонном состоянии, и на нее не стоило тратить пеммикан.

На ужин съел треть банки полузамерзшего клубничного джема. Никогда не представлял себе, что существуют такие вкусные вещи. Фредди совершенно серьезно заявил, что я исключительно выдержанно отношусь как к товарищам, так и к собакам. Это неверно, но довольно приятно, что я произвожу такое впечатление. Впрочем, Фредди склонен иногда немного польстить.

22 ноября, суббота (флаг 124). Уэйджер. Откопав свои нарты, я обнаружил, что задняя часть одного полоза совершенно сплющилась, так как железные угольники на трех задних стойках разболтались. Я сразу взялся за ту же работу, которую вместе с Хемом проделал с другими нартами в лагере за первыми трещинами. Постепенно выяснилось, что ремонт, если производить его как следует, отнимет много времени, и мы решили пожертвовать целым днем, одновременно подготовив к выходу остальные нарты. Я усердно трудился до 3.30, вырубая пазы в трех ясеневых брусках и скрепляя их между собой. Я пытался также натянуть ремни, забив клинья. Теперь в

мягком снеге нарты будут зарываться, и я не уверен, как они будут вести себя, пересекая заструги, ибо они стали менее гибкими. С двумя брусками я мог орудовать, втащив их в палатку, но с третьим пришлось возиться снаружи. Очень неприятная работа, и у меня на руках волдыри в тех местах, где сильней всего натерто ножом.

Весь день небольшая облачность и слабый до умеренного ветер, но у меня почти не было времени обращать на это внимание.

Перерыл весь свой мешок, чтобы разобраться в вещах и отыскать табак. Закурил трубку, но она доставила мне мало удовольствия. Теперь у меня остается три часа на чтение, размышления и ужин.

Фредди чувствует себя лучше, и мы дали себе обещание пройти завтра рекордное расстояние. Завтра начинается пятая неделя нашего путешествия.

23 ноября, воскресенье (флаг 136). Чепмен. Весь день 50° мороза, мы все ощущаем влияние высоты и холода. Поднимать опрокинувшиеся нарты и увязывать их стоит нам невероятных усилий; после каждого напряжения мы ложимся и с трудом переводим дыхание. Восход солнца в 8.30. Максимальная наша скорость полтора километра в час. Сделали 9 километров. Флаги здесь сильно покосились, и их с трудом можно различить.

Уэйджер. Сегодня появился новый вид снега, а именно мягковатый — непорошкообразный, какой заполняет впадины, и не похожий на мел, как в застругах. Этот образует округлые холмы и гребни, и двигаться по нему хорошо, но он встречается очень редко, и длина таких гребней обычно не превышает десятка метров. Снова восхищался серповидной формой мелоподобных заструг. Но эти привлекательные заструги — ужасная помеха для нарт. Мои перевернулись сегодня, вероятно, раз пять и перевернулись бы еще десяток раз, если бы мне не помогали товарищи.

Чувствовал себя хуже обычного и выпил пол-ложки рыбьего жира — впрочем, не думаю, что у меня появился авитаминоз, просто надоел пеммикан. Прошел месяц со дня нашего выезда, и я собираюсь надеть чистые теплые кальсоны и фуфайку подо все. Я ничего не сниму, просто прибавится еще одна пара. Может быть, мне станет теплей по ночам, если непосредственно к телу будет прилегать более пушистое и менее пропотевшее белье.

Прочел немного «Ромео и Джульетту»; прекрасная вещь, и так как мы остановились рано, то сегодня вечером я еще с полчаса посвящу ей.

24 ноября, понедельник. Уэйджер. Перистые облака покрывали почти половину неба, и восход был очень красивый. Перед тем как окраситься в розовый цвет, изящные ленты

перистых облаков сверкали белизной на фоне необычайно синего неба.

Во время очередной поломки нарт я снова задал вопрос: нельзя ли оставить что-нибудь из груза? Нам предстоит пройти еще восемьдесят километров до станции и весь обратный путь, а нарты буквально разваливаются на части от такой тяжелой дороги.

Всякого рода напряжение утомляет в два или три раза сильнее, чем обычно, и я вспоминаю о наполовину пустой бутылке с рыбьим жиром, откупоренной мною накануне. Бутылка была герметически закупорена, и когда я ее открыл, рыбий жир пенился, как шампанское. Бутылка не открывалась со времени отъезда из Базового лагеря, находящегося на 1800 метров ниже. Впрочем, думаю, холод также играет некоторую роль в том, что нам тяжело дышать.

К у р т о. До второго завтрака мы сделали всего 3,5 километра, и когда после десятиминутной остановки для еды готовились тронуться в дальнейший путь, я обнаружил, что у Тисс родился щенок. Сохранить его в тепле и вообще чем-нибудь помочь ему было невозможно. После этого несколько не огорченная Тисс тянула наравне с лучшими собаками, но через час она принялась рыть яму, готовясь родить второго. Во время одной из остановок для починки нарт Уэйджера она произвела его на свет. Наконец, мои нарты перевернулись в неудачном месте, а ветер стал наметать большие сугробы, и мы разбили лагерь. Вскоре Тисс родила третьего щенка; я устроил ее по возможности удобней среди ящиков с рационами и предоставил ей управляться, как сумеет.

25 ноября, вторник (флаг 143). К у р т о. Весь день лежали. Ветер, сильный с утра, после полудня превратился в ураган.

Уэйджер. Временами мне определенно кажется, будто мешок, на котором я сижу, движется. Но это либо результат внезапных перемещений воздуха в палатке то в одну, то в другую сторону, либо иллюзия. Фредди накормил собак и сообщил, что мороз 32°. Открыв дверь, чтобы передать ему Шекспира и керосин, а взамен получить свечу, «Похищенного»³⁴ и папиросы, я увидел перед собой сплошную завесу снега. В палатке было неуютно. Мерз нос, со стен сыпался иней и белой пеленой лежал повсюду. Пища в свободные от работы дни кажется несколько приевшейся, хотя в пути мы находим ее вполне сносной.

Размышлял о геологических проблемах и обдумывал — теперь, когда нарты почти сломаны и дорога по льду внутри страны такая плохая — возможные в дальнейшем маршруты. Хотелось бы мне знать, каковы планы Джино.

Начал «Похищенного».

26 ноября, среда (флаг 143). Чепмен. Лежу. Прочел «Цимбелина»³⁵, затем начал «Сагу о Форсайтах». Нарты

разваливаются на части; что можно предпринять? Весь вечер собаки бродят вокруг палатки.

Уэйджер. Ночью по-настоящему сильный ветер. Утром он стал затихать и сейчас мертвый штиль, с наступлением которого прекратилось беспрестанное хлопанье и в палатке стало значительно теплее.

В час дня я вышел покормить собак. Небо было ясное, но ветер еще достаточно сильный и нес небольшую поземку. Все щенки Тисс погибли.

27 ноября, четверг (флаг 153). Уэйджер. Когда в 8 ч. утра мы вышли из палаток, падал легкий снег и ветер почти стих. Встали поздно из-за темноты. Казалось очень тепло, отчасти потому, что не было ветра; t сравнительно высокая, — 20° . Нам всем пришлось заняться починкой нарт, и мы пустились в путь только в 11.15. Невозможно было различить, куда мы двигались, хотя флаги часто бывали видны за 800 метров. Слой сухого мелкого снега толщиной в 5—8 сантиметров покрывал все. Так как не было теней и большей частью стоял туман или шел снег, у нас обычно создавалось такое впечатление, словно мы двигались среди сплошной ваты. Нарты частенько переворачивались, но в общем дорога оказалась хорошая. Стало теплей, и поэтому мы чувствовали себя бодрее и не так, думается мне, страдали от одышки. Отмороженный палец ноги у Фредди в общем хуже, но его промержность и он сам лучше. Удалось сделать 7 километров.

У каждой из моих собак свой собственный определенный характер, который я постепенно узнаю. Аугут, вожак, мелко-ват, нажимает изо всех сил и довольно умен. Коко (вероятно, это значит Белый) стар и в настоящее время довольно жалок, потому что его упряжь плохо прилажена и не подогнана, и в результате у него образовались раны. И все же он старательно тянет, а если упряжь натирает особенно больно, оборачивается и жалобно смотрит на меня. Остальные собаки обычно относятся к нему очень доброжелательно и лижут его раны. Бруно фактически из другой упряжки, к которой принадлежит и Снепс. Бруно, по-моему, стар и себе на уме. Он сторонится других собак и держится в сущности неприветливо как в Базовом лагере, так и здесь. Но в Базовом лагере он постоянно ожидает, что люди будут с ним возиться. Он тянет вполне хорошо, не худеет. У Сукулука — желтой масти и все еще довольно жирного — не хватает выдержки, и он несколько изнежен. Он красивый и весьма легко принимается скулить. Я считал его очень глупым, неспособным понять значение «илии» и «йюк» («направо» и «налево»), однако теперь он становится лучше. Кернек (Черный), по-видимому, еще в хорошей форме, бодр, постоянно возбужден и вначале полон энергии. Но иногда он перестает тянуть, в особенности если ему удастся, как бы в оправдание, переступить ногой постромки

другой собаки. Кроме этих, имеются еще две собаки из Ангмаг-салика. Капек ссорится со всеми остальными и быстро становится вожаком. Он большой и здоровый (или кажется таким, так как остальные только что возвратились из маршрута) и абсолютно бесстрашен. Он тянет хорошо, подчас очень хорошо. Салик, прозванный Лемоном Ангел (впрочем, когда ему приходится тащить нарты, это прозвище не всегда к нему подходит), ведет себя хуже, чем в Базовом лагере. Там он постоянно носился с Капек; между тем как Капек упорно не желал приближаться к нам, Салик подходил и даже отправлялся со мной на прогулку. Он тянет довольно хорошо, но далеко не так силен, как Капек, и вообще менее энергичен. Здесь он обычно ведет себя спокойно.

Фредди, думается мне, изрядно устал от этого пути. Ведь он только что вернулся из предыдущего маршрута. Впрочем, кажется, мы все в таком же состоянии.

28 ноября, пятница. У э й д ж е р. Ночь из-за теплой, безветренной погоды провел плохо. Спальный мешок и одежда были мокрые. Собаки всю ночь не желали уgomониться. Некоторые негодные твари подходили к палатке и принимались рвать ее зубами; я их прогонял. В 12 часов проснулся и услышал, что они опять рвут палатку; пришлось встать и открыть дверь, но виновница успела убежать. Я замерз, проведя на воздухе десять минут, но так и не мог решить, какая это была собака. Окоченевший и мокрый, я долго не мог заснуть. Затем меня снова разбудили звуки разрываемого брезента — какая-то собака торжествующе рвала в клочья заваленную снегом полу палатки. Необходимо было прекратить подобную порчу, и я снова выглянул. Капек стоял поблизости, и я подумал, что то была его работа. Я опять долго не мог заснуть, и когда меня разбудили в 6 ч. утра, чувствовал себя не в своей тарелке.

Снег и небольшой ветер. За ночь выпало, вероятно, 5—8 сантиметров. Я отметил, что снег состоял из отдельных кристаллов, имевших очень красивую звездообразную форму во всех трех измерениях. Впрочем, примерно пятая часть снежинок имела звездообразную форму только в двух измерениях. Очень тепло, —16°, из-за тумана и снега видимость плохая.

Я и Фредди побили Капека, а затем Кернека, которого я подозревал в том, что накануне в сумерках он съел постромки от моих саней. Это оказалось очень утомительным, и после расправы мне пришлось на минутку присесть. Думаю, что Кернек не был виноват, а до моих постромок добралась Тисс (сука из упряжки Курто) и принялась их грызть. В темноте ее легко спутать с Кернеком.

Мы находимся теперь в 60 километрах от станции «Ледниковый щит» — не дальше, чем от Хебден-Бриджа до Арнклиффа³⁶. Хотя это совершенно нелепо, я всегда, думая о расстояниях, представляю себе арнклиффские прогулки.

29 ноября, суббота (флаг 169). Курто. Всю ночь дул сильный северо-восточный ветер. Днем он перешел в западо-северо-западный. К вечеру — сильный с колючей поземкой. Провели ужасный день, двигаясь по глубокому снегу, местами выше колен. Сделали 6,5 километра. Собаки едва тащили нарты.

Чепмен. Прошлой ночью собаки разорвали вещевой мешок и, утащив бинокль, съели кожаный футляр.

30 ноября, воскресенье. Курто. Погода тихая и большей частью пасмурная, изредка со снежными шквалами с северо-запада. День выдался удачный, и мы побили все рекорды. Рано утром густой туман с холодным ветром и поземкой. Поэтому не могли различить флагов. Увязав нарты, мы разошлись в разные стороны и в конце концов отыскиали флаг на расстоянии каких-нибудь четырехсот метров. Тронулись в путь в 11 часов при прояснявшемся небе и улучшавшейся видимости. В полдень на мгновение показалось солнце с двумя столбами радуги под углом примерно в 15° от него; появление радуги объясняется, вероятно, легкой поземкой. Солнце поднимается теперь над горизонтом всего на час или два и стоит, конечно, так низко, что не дает никакого тепла. Все же видеть его приятно. Двигались быстро и впервые со времени выхода из Базового лагеря большую часть времени могли сидеть на нартах. Так как светила луна, мы продолжали путь и после захода солнца. Стали лагерем около 7 ч. веч., пройдя 20 километров. Отпраздновали полными рационами. Если бы такая погода продлилась еще дня два, мы добрались бы до места».

Глава 7

Д'АТ, БИНГХЕМ И ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО КИЛОМЕТРОВ

30 ноября, когда Курто делал последнюю приведенную запись, истекло восемь недель с тех пор, как капитан авиации Д'Ат и лейтенант медицинской службы Бингхем остались одни на станции «Ледниковый щит». Они ожидали, что их сменят через пять недель, ибо партия Раймила немедленно по возвращении в Базовый лагерь должна была отправить к ним Лемона и Хемптона с радиопередатчиком. По летнему опыту пяти недель считалось вполне достаточно для пути в оба конца.

30 октября док Бингхем уже писал: «Надеемся увидеть сменную партию примерно через неделю». Наступило 30 ноября, а ее еще не было. Док и Джимми Д'Ат, у которых военная служба выработала привычку к повседневной рутине, добросовестно производили наблюдения и поддерживали порядок на станции. Во время отдыха они читали, курили, беседовали и

играли в карты. Они придумали ряд мелких усовершенствований, чтобы сделать палатку уютнее. Но, конечно, они ничего не знали об изменении планов и, так как ветры в самой высокой части Ледникового щита — районе своего зарождения — были менее сильными, не имели представления о том, как бешено неистовствовала непогода в более отдаленных районах, где воздух устремлялся вниз с максимальной скоростью.

Тем не менее ветер был их постоянным врагом. Они намеревались передать станцию сменной партии в образцовом порядке. Но ветер разрушал снежные стены и заполнял двор сугробами.

Привожу выдержки из дневника Бингхема, начиная с 11 ноября, когда сменная партия в действительности находилась еще в 150 с лишним километрах от станции.

«День перемирия. Бингхем. Днем проделали большую работу во дворе... Надеюсь, сугробов больше не нанесет до прибытия сменной партии. Впервые весь день совершенно безветренно.

14 ноября. Очистили от снега огороженное пространство и здания. Прошел небольшое расстояние вдоль линии флагов, чтобы их откопать. Лицо сильно мерзнет от ветра и низкой температуры, так что мне очень жаль сменную партию, идущую к нам. Нет ничего удивительного, что она запаздывает.

15 ноября. День вполне приличный, с хорошей видимостью. Нам показалось, что мы заметили вдаль сменную партию, но из-за миража трудно что-либо разобрать. Возможно, они придут завтра... В 7 ч. веч. температура была —46,5, а в 10 ч. веч. —28°.

Открыли восемнадцатилитровый бидон керосина.

16 ноября. ...Теперь, снимая показания приборов, мы каждый раз рассматриваем в бинокль обратную дорогу, но без всякого результата.

17 ноября. Хороший день для передвижения. В 10 ч. веч. температура —16°.

18 ноября. Отвратительный день! Сильный ветер и полное отсутствие видимости... Все замело. Открыли новый ящик с рационами.

19 ноября. День хороший, и мы основательно поработали над очисткой. Все еще никаких признаков сменной партии, так что мы успеем до их прибытия очистить весь участок... Вчера ураган разрушил часть стен, придав им самый причудливый вид; они стали очень тонкими и кажутся изъеденными...

23 ноября. Десять недель назад мы вышли из Базового лагеря. Погожий, тихий, ясный день, но никаких признаков сменной партии. Прошли немного вдоль флагов, чтобы их откопать.

25 ноября. На дворе ураганный ветер. Все быстро заносит снегом. Вход в наш туннель, который мы утром очистили, уже

снова засыпан. Палатка, как мы убедились на опыте, устойчива, но даже при наличии вокруг нее снежного дома и покрывающего его слоя наметенного снега, местами толщиной в тридцать сантиметров, порывы ветра внушают тревогу. Не представляю себе, как производить наблюдения в 10 ч. веч. Жалею товарищей, находящихся в пути, если их захватил этот ураган.

26 ноября. ...Позади жилья и снежных домов в более тонкой части стены ветер пробил сквозное отверстие, и образовался огромный, вышиной почти до верха палатки, сугроб, заполнивший все пространство. Помойная яма превратилась теперь в снежную гору. Начали восемнадцатилитровый бидон керосина.

27 ноября. Ночью ветер переменял направление и уничтожил всю нашу вчерашнюю работу... Пришлось повозиться снаружи, расчищая снег и устраивая деревянные откидные двери для входов...

28 ноября. Опять ужасный день...

29 ноября. ...Отправившись в 7 ч. утра для наблюдений, я вынужден был прорыть себе выход, а затем лазить по горам, чтобы выбраться из двора, имевшего самый удручающий вид. Взялись за расчистку двора.

30 ноября. ... Сегодня утром испытывал оптический обман — мне показалось, что километрах в четырех я вижу сменную партию, а на самом деле то были клочки бумаги на снегу, находившиеся примерно в 40 метрах от меня... Пока что у нас имеются еще два неначатых ящика с рационами и, кроме того, несколько банок пеммикана и масла. Пеммикан страшно надоел; надеюсь, сменная партия везет какие-нибудь мясные продукты.

[Дневник Курто завершает отчет о путешествии на станцию].

1—4 декабря. Курто. Последние несколько дней представляли собой такую смесь отчаяния и блаженства, опасений и удовлетворенности, что совершенно не было времени или если время и имелось, то не было настроения вести записи.

В течение следующих трех дней погода и условия передвижения по милости судьбы оказались наилучшими за все время маршрута. В понедельник после позднего выхода мы сделали около 18 километров и предполагали на завтра добраться до места, так как, по словам Фредди, нам оставалось всего 20 километров. На следующий день, рано снявшись со стоянки и продолжая двигаться при луне (к счастью, полная луна в это время года светит здесь почти всю ночь), к 7 ч. веч. мы находились неподалеку от цели. Это далось нелегко. Если мы метров на 100 отклонялись в сторону и не находили флага, приходилось останавливаться и всем расходиться в разные стороны на его поиски. Флаг 237 значился конечным.

Мы брели в темноте по снегу, казалось, несколько дней, прежде чем наткнулись на флаг и чиркнули спичку. Флаг 236. Оставалось всего 800 метров. Мы с трудом заставили собак двинуться дальше, наконец и эти 800 метров были пройдены. Но где британский национальный флаг? Мы искали во всех направлениях, надеясь с минуты на минуту увидеть его, а затем нас ждет тепло, сухое помещение и п и щ а! Мороз превышал 50°, и ветер проникал сквозь одежду, словно мы были голые. Мы прошли еще немного вперед и снова принялись за поиски, но безуспешно. В конце концов нам пришлось сдаться. И вот, усталые, мы разбили палатки и залезли в промерзшие, негнувшиеся спальные мешки. После всех надежд это было горьким разочарованием. В ту ночь мы спали плохо, дрожа от холода в промерзших мешках.

Утром Фредди, не надев штормового костюма, ринулся разыскивать станцию. Через полчаса он вернулся, ничего не увидев, но отморозив себе оба уха. Он оказался достаточно безрассуден, стал поспешно отогревать их в палатке и через минуту корчился в мучениях. [Уэйджер записал, что Чемпен «чуть не плакал и метался по палатке от мучительной боли в отходивших ушах и пальцах рук».] По его словам, никогда в жизни он не испытывал таких страданий. Что касается исчезновения станции, то мы никак не могли понять, в чем дело. Согласно журналу, станция должна находиться у флага 237, а этот флаг был где-то рядом. Уэйджер прошел немного дальше и наткнулся на флаг 238, а затем 239. Мы снова стали изучать маршрутный журнал. Тут-то мы и обнаружили: на обратной стороне были наспех вписаны еще флаги — до 262 включительно. Итак, нам предстояло пройти еще 18 километров.

К тому времени когда мы это выяснили, было уже за полдень. Все же мы как можно быстрее погрузились, решив попытаться достигнуть станции сегодня, чтобы не пришлось провести еще одну такую же ужасную ночь, как предыдущая. Вскоре наступили сумерки, солнце зашло примерно в 2. 30, но добрая старушка луна явилась нам на помощь, и мы смогли продолжать путь. Дорога была хорошая, и хотя мы пережили несколько тревожных мгновений, отыскивая флаги, Фредди очень точно вел по курсу, руководствуясь звездами. Наконец, около 6 ч. веч. мы обнаружили флаг с прикрепленным к нему письмом. Письмо было написано Д'Атом 15 октября, и мы очень обрадовались, найдя его. Мы брели дальше, и в конце концов санный одометр показал, что нужное расстояние пройдено. Мороз к этому времени достиг 62°. Провести еще одну ночь в замерзших спальных мешках представлялось невыносимым. Мы все разошлись, чтобы опять при свете луны попытаться отыскать станцию. Я шел по снегу, пока не потерял из виду нарт. Ничего. Неужели еще одна шутка судьбы после еще од-

ного бесконечного дня? Неужели нам придется всю ночь продрожать в обледеневших палатках? Я брел назад, потеряв всякую надежду. Когда я приблизился к моим нартам, то увидел, что остальные двое тоже вернулись. Фредди крикнул: «Мы видели британский флаг». Я никогда не испытывал такой внезапной переполнившей все мое существо радости, такого мгновенного перехода от глубочайшего отчаяния. Через несколько мгновений в лунном свете показался низкий снежный холм с истрепанным флагом — станция. Остановив нарты, мы быстро вошли в огороженный снежной стеной двор, достигли входа в подснежный туннель и закричали: «Ивнинг Стандарт!», «Стар!» и «Ньюс!»³⁷

Мы протиснулись в отверстие, прошли туннель и, войдя в палатку, застали Д'Ата и дока, сидевших в тепле и уюте и покуривавших трубки. Так как они прожили на станции три последние недели, то при виде нас очень обрадовались. Вскоре собаки были выпряжены, и мы, собравшись в палатке, с волчьей жадностью набросились на кашу, сваренную для нас хозяевами, и принялись выкладывать им кучу новостей из внешнего мира.

После сделанного путешествия это был незабываемый вечер, но мою радость несколько омрачала сильная боль в отмороженных пальцах рук и ног. Фредди и я ночевали в одном из снежных домов, или иглу³⁸, куда попадали из туннеля, ведущего в главную палатку, которая в свою очередь была окружена снежным домом. В иглу было холодно, но наутро завтрак вместе со всеми, настоящий поздний завтрак джентльменов, оказался чудесным.

4 декабря. Уэйджер. Все еще нет времени для того, чтобы описать станцию «Ледниковый щит». Встал в 10 ч. утра, когда второй раз снимаются показания метеорологических приборов. Основательно заправился овсянкой и чаем. В полдень мы вышли в пургу, чтобы собрать в одно место все, требовавшее сортировки или ремонта. Работали торопливо, готовясь к отъезду, который, как мы надеемся, состоится завтра, хотя ветер еще сильный. Он помешал нам, несмотря на все наше желание починить нарты и увязать на них грузы.

Я опять пишу в иглу, очаровательном здании в форме улья (построенном, однако, из прямоугольных глыб), где стены тут и там искрятся гранями кристаллов.

Бингхем. Курто хочет остаться один, но я решительно высказался против этого.

Курто. Док и остальные не одобряют моей идеи остаться здесь одному, возможно, на три-четыре месяца, но иного выхода нет, если не пойти на то, чтобы бросить станцию, так как продовольствия здесь имеется только (на одного человека) на этот срок,

Чепмен. Мы устроили чудесный, хотя несколько преждевременный, рождественский обед из особо лакомых продуктов, специально захваченных нами из Базового лагеря. Меню было следующее:

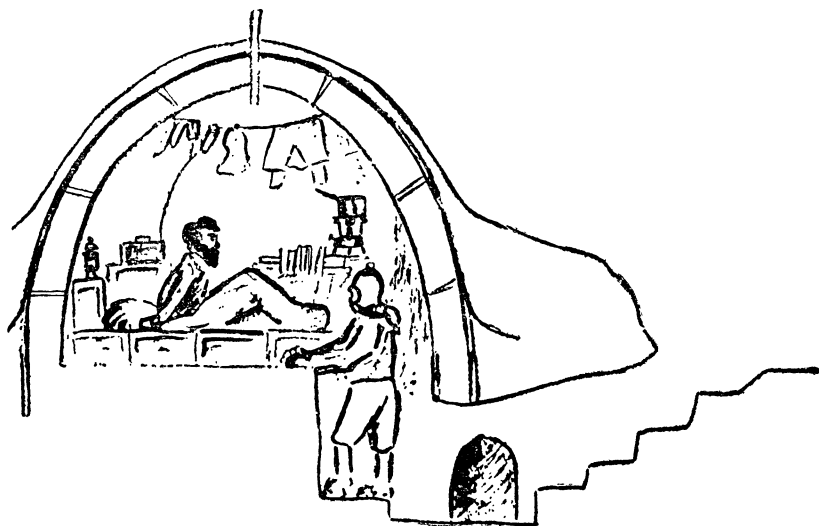
**Рождественский обед
на «Ледниковом щите»**

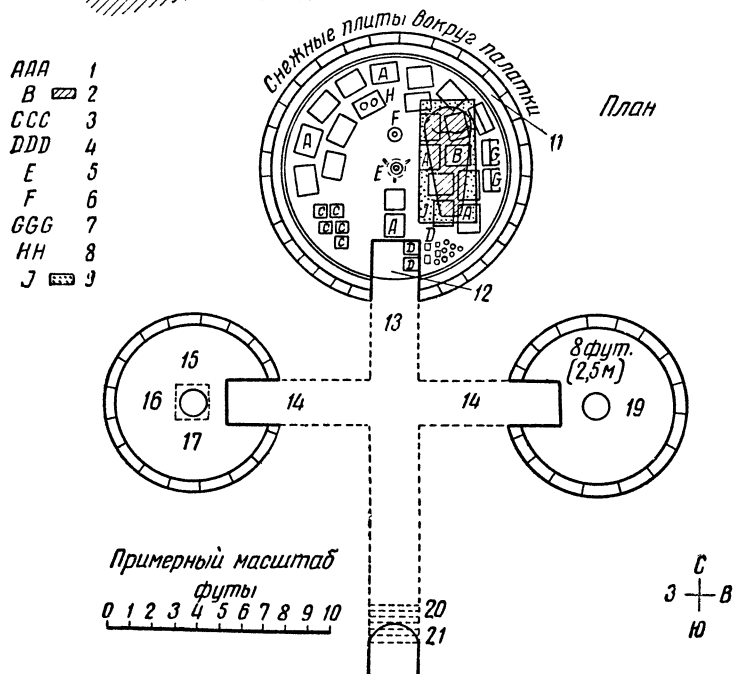
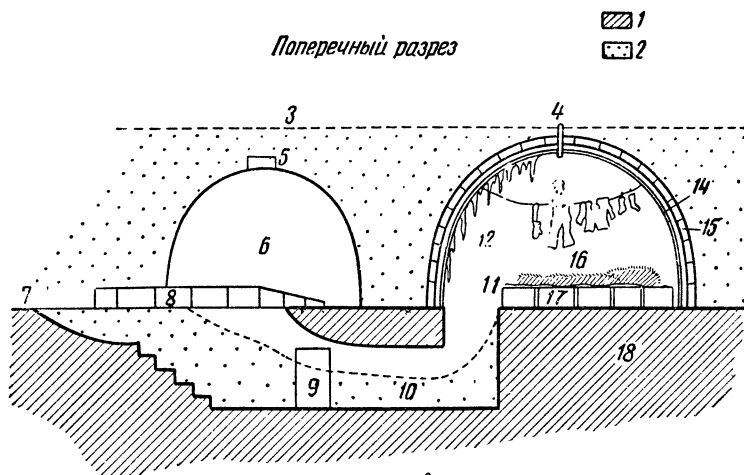
Суп из дичи
Сардины в прованском масле
Белая куропатка
Плумпудинг
Ромовая подливка (настоящая)
Гренки
Десерт (финики и изюм)
Пирожки со сладким фаршем, джем,
горячий грог, чай (с молоком)
Примечание — *никакого пеммикана.*

Обед, хотя готовил его я, был наилучшим из всех, какие мне приходилось когда-либо есть.

5 декабря, пятница. Уэйджер. Решили, должно быть, что ветер слишком сильный, так как в 6 часов мы не поднялись. Не знаю, который теперь час, но думаю, часов 10 или 11. Остальные еще не встали; чтобы было теплее, вход в палатку, где они все спят, закрыт. Я зажег в моей снежной хижине прикус и пользуюсь свободным временем, чтобы описать станцию «Ледниковый щит».

Прибыв на место, вы видите снежную стену вышиной в 2,5 метра, которая окружает палатку и снежные дома, образуя двор. Что делается снаружи, я почти не знаю, так как

Поперечный разрез (наверху):

1 — первоначальный снежный покров; 2 — снежные наносы; 3 — окончательная поверхность снежного покрова; 4 — вентилятор; 5 — ящик; 6 — вспомогательный снежный дом; 7 — первоначальная поверхность снежного покрова; 8 — крыша туннеля; 9 — боковой туннель; 10 — туннель; 11 — шкуры; 12 — иней; 13 — одежда на просушке; 14 — двойная палатка; 15 — снежный дом; 16 — спальные мешки; 17 — ящики; 18 — первоначальный снежный покров

мы приехали в темноте, а с тех пор не перестает пурга, одна из самых сильных, с какими им до сих пор пришлось познакомиться [здесь, вдали от побережья]. Однако, она не идет ни в какое сравнение, если не считать крайне низкой температуры, с некоторыми из тех, что выпадали на нашу долю. Куполообразная центральная палатка имеет в поперечнике около 3,5 метра. Вокруг нее построена снежная хижина, так что обычно, пока горел примус, пурги не было слышно, а когда его гасили, через вентилятор доходил лишь слабый шум. В палатке два высоких дивана, сделанные из пустых ящиков. Между ними на полу лежит шкура и стоит ящик для примуса и лампы. От них в помещении приятная теплота, время от времени примус гасится, и лампа одна дает достаточно тепла. Входом служит туннель, выкопанный на глубине около полутора метров от уровня пола, и в этом колодце воздух такой же холодный, как снаружи.

Туннель имеет в длину примерно 6 метров, и от него идут два ответвления к снежным домам, построенным из снежных плит, как описано Стефенсоном. Холодный, голубоватый свет проникает сквозь снег, в особенности на стыках между плитами, и создает внутри вполне достаточное и довольно приятное освещение. Нагреть примусом мой иглу мне совершенно не удавалось, и я думаю, что снежные дома гораздо холоднее наших палаток — они также значительно больше и имеют в диаметре около 2,5 метра и до 135—150 сантиметров в высоту.

Д'Ат и док пробыли здесь десять недель. Им приходилось выполнять кое-какую физическую работу, перебрасывая снег через стену для расчистки двора. Они совершили лишь одну прогулку, чтоб оставить для нас записку в шести километрах от станции. Гулять здесь нет никакого смысла. Они прочли все книги, написали изрядное количество писем, рассказали друг другу всю историю своей жизни, выкурили все папиросы, но имели еще табак. У них не очень хороший вид, и хотя в течение первых недель они съедали полные санные рационы, потом стали есть меньше — вследствие, как я думаю, однообразия пищи. Доктор говорит, что в течение примерно двух недель, когда прошло около половины срока их пребывания на станции, он часто испытывал затруднения при дыхании и ночью просыпался, обливаясь потом и задыхаясь. Оба постепенно привыкли меньше спать.

← ————— План (внизу):

- 1 — рационные ящики (с продовольствием и пустые); 2 — спальные мешки; 3 — бидоны с керосином; 4 — пустые бидоны; 5 — примус; 6 — лампа Алладина; 7 — ящики, в которых хранились вещи; 8 — кухонная утварь; 9 — олени шкуры; 10 — снежные плиты вокруг палатки; 11 — воздушная прослойка; 12 — вход; 13 — туннель; 14 — боковой туннель; 15 — склад; 16 — второй выход; 17 — ящик для закрывания выхода; 18 — 2,5 метра; 19 — третий выход; 20 — ступеньки; 21 — первоначальный вход

Что касается нас, потративших пять недель, чтобы добраться сюда, то последняя часть пути досталась нам ценой некоторого напряжения — настроение стало хуже обычного и неприятности воспринимались острее. Мы тяжелей переносили необходимость тесниться в маленьких палатках и часто чуть не плакали от холода. Я терпеть не могу надевать свой жесткий анорак [шубу с капюшоном] из тюленьих шкур, так как он колется и я в нем задыхаюсь. И Фредди, и мне стоило большого труда вести экспедицию по правильному курсу и высматривать флаги.

Курто, по-видимому, вполне бодро относится к тому, что останется здесь один на три месяца. Для того чтобы остался и я, недостаточно продовольствия. Мы оставляем шесть полных ящиков С. Р. (полный рацион для одного человека на двенадцать недель) и еще кое-что. Когда мы прибыли и узнали об имевшихся на станции двух неначатых ящиках, у меня снова появилась некоторая надежда, что мне удастся остаться. Вряд ли мне понравилось бы побыть здесь в одиночестве больше одного месяца.

Выезжая в обратный путь, мы рассчитываем достигнуть Базового лагеря за десять ходовых дней. У нас будет на четырех человек только два ящика С. Р. (т. е. половинный рацион на две недели) и всего на два дня полной нормы для собак, не считая 15 килограммов лишнего пеммикана для людей и девяти килограммов маргарина.

10. 30 веч. Даже во вторую половину дня было слишком ветрено, чтобы тронуться в путь; это, по-моему, только обрадовало нас, так как дало возможность более тщательно подготовиться. Двое нарт увязаны; одно удовольствие, как мало на них груза. Бедного старого Бруно скормили остальным собакам, и те милостиво его съели. Еще раз просушили вещи, но главное — чувствуем себя лучше, во всяком случае я; с нетерпением ожидаю завтрашнего дня, обещающего быть хорошим.

Чепмен. Все еще сильный ураган. Слава богу, что мы добрались сюда, прежде чем он начался. День провели в спорах о том, как поступить.

Доктор и Д'Ат решительно против того, чтобы кто-нибудь остался один. По их словам, они на собственном опыте испытали, что это значит. Однако Курто решил остаться, и в конце концов мы согласились. Должен сказать, что было бы исключительно обидно бросить сейчас станцию, после того как потрачено столько трудов на ее организацию и обеспечение ее работы. Курто очень хочет остаться, и, судя по опыту Уоткинса среди лабрадорских трапперов, это не так страшно, как утверждают.

„ЛЕДЯНОЙ ЦЕНТР“ ВЕГЕНЕРА

Обеспечение работы метеорологической станции в центре Ледникового щита оказалось значительно более трудным делом, чем предполагалось. Перед руководителем экспедиции на месте встала проблема допустимости риска человеческой жизнью ради бесперебойного выполнения научной программы — той работы, для которой экспедиция здесь находилась. Никаких новых запасов на станцию не удастся забросить до окончания зимы, а когда это произойдет, никому не известно. Как быть — всем вернуться на побережье или рискнуть чьей-нибудь жизнью во имя метеорологии?

Почти с такой же проблемой столкнулась немецкая экспедиция профессора Альфреда Вегенера, обосновавшаяся в 500 километрах севернее. Пока партия Чепмена ожидает возможности пуститься в обратный путь к Базовому лагерю, я вкратце опишу события, происходившие в это время на Ледниковом щите.

План Вегенера состоял в том, что он с главной своей партией доберется до Ледникового щита с запада. Плавание у западных берегов Гренландии возможно тогда, когда море на востоке еще сковано льдом; поэтому он смог начать работу на суше в июне, на два месяца раньше, чем мы.

Главный Базовый лагерь был организован на западной окраине Ледникового щита, примерно на 71 параллели, и немедленно приступили к заброске грузов для создания центральной станции, получившей название Eismitte*.

Так как на 71° северной широты Гренландии значительно шире, чем на 66°, где находились мы, то «Ледяной центр» Вегенера отстоял приблизительно на 150 километров дальше от побережья, чем наша станция «Ледниковый щит». Кроме того, более обширная научная программа немецкой экспедиции требовала доставки множества приборов. Для транспортировки Вегенер решил использовать не только собак, но еще три вида вспомогательных средств, от которых мы не зависели: эскимосов, аэросани и для перевозок на прибрежной полосе — исландских пони.

15 июля немецкая экспедиция двинулась в путь от западного края Ледникового щита, везя 3,5 тонны продовольствия и снаряжения на двенадцати собачьих упряжках. В партии было три европейца: д-р Георги, д-р Лёве и д-р Вейкен, остальные — эскимосы. С самого начала эскимосы шли очень неохотно. Хотя они всю жизнь проводили в разъездах на нартах, они никогда не решались забираться дальше края Лед-

* Ледяной центр (нем.).

никового щита, когда передвигались от одного фьорда к другому. Возможно, ими все еще владел суеверный страх перед злыми духами Ледникового щита, но во всяком случае они имели в обычных условиях вескую причину его избегать. Там не было пищи. Теперь европейцы ежедневно кормили их, снабдили кое-какой одеждой и платили четыре кроны³⁹ в день. На побережье они не могли заработать и четырех шиллингов. Но, отходя так далеко от моря, где все было им знакомо, поднимаясь на бесконечную, лишенную жизни гору, на которой становилось все холодней и холодней и где даже собак все сильнее охватывало безразличие и уныние,— они то и дело оглядывались назад.

Чтобы подбодрить их, шли на всякие уступки. Для уменьшения груза сбросили часть ценного снаряжения, пытались разъяснить цель путешествия. И все же, когда 22 июля экспедиция, пройдя 200 километров, достигла половины пути, все эскимосы заявили, что возвращаются домой.

Это означало бы крушение всего плана изучения Ледникового щита. Настал тревожный момент — впрочем, далеко не момент, так как уговоры затянулись на несколько часов. В конце концов четыре эскимоса согласились продолжать путь с Георги и Вейкеном, а остальные повернули с Лёве обратно к любезному их сердцу побережью. Партия Георги 30 июля достигла намеченного для «Ледяного центра» места. Два дня спусти Вейкен, Лёве и эскимосы отправились в обратный путь, а Георги остался для работы на станции.

Он пробыл там один до 18 августа, когда прибыли Лёве и пять эскимосов, доставившие около тонны эффективного груза. Они провели с Георги ночь, а затем снова покинули его, поглощенного работой с метеорологическими шарами-зондами и другими приборами.

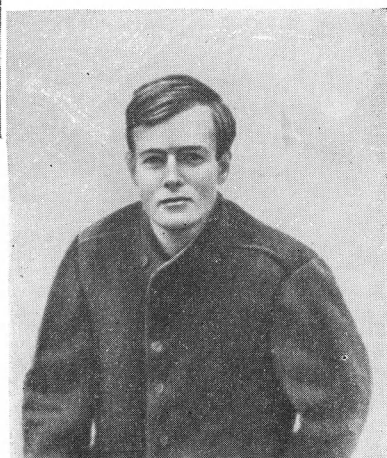
Еще через двадцать пять дней прибыли д-р Зорге, д-р Вёлкен, Юлг и семь эскимосов с полутора тоннами продовольствия, керосина и снаряжения. Зорге должен был остаться с Георги на зиму. Проверив свои запасы, они убедились, что им все же кое-чего существенного не хватит, если не придут аэросани. Вырыв пещеру и разбив в ней палатку, немецкие ученые могли бы обойтись без деревянной хижины, которую первоначально намеревались построить. Но они полагали, что керосина окажется недостаточно. Георги нужна была также проволока для метеорологического змея, а Зорге — взрывчатка для измерений толщины льда сейсмическим методом. Они отправили Вегенеру письмо, в котором сообщали, что покинут станцию и уйдут на побережье, если до 20 октября эти материалы не будут ими получены. Они просто доводили об этом до сведения своего руководителя. Казалось, не могло быть никаких сомнений в том, что запасы смогут быть завезены либо на аэросанях, которые к тому времени были достав-

В тридцати километрах в глубине страны прибрежные горы исчезают из виду

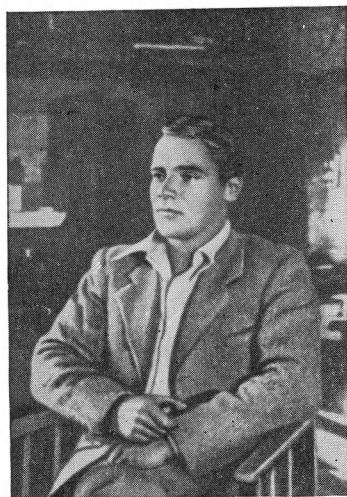
Чепмен

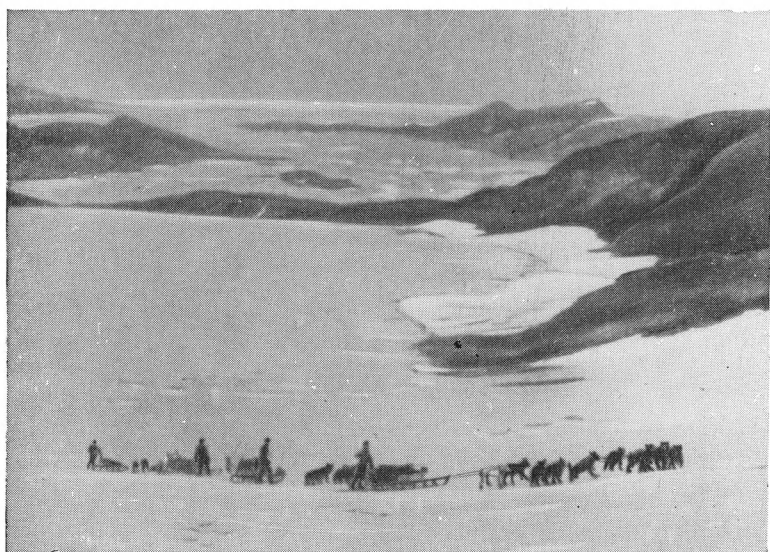
Курто

Стефенсон

Уэйджер

«Пугало-стена»: подъем на нижнюю часть склона

лены на Ледниковый щит и могли покрыть 400 километров за двое суток, либо опять на собаках. Однако это письмо явилось одной из причин ряда событий.

Другой причиной была судьба аэросаней. Возвращавшаяся на собаках партия, Вёлкен, Юлг и семь эскимосов, 17 сентября встретила у склада 200-го километра двое аэросаней. На завтра утром собачьи упряжки двинулись на запад до того, как были запущены моторы.

Тем временем Вегенер (хотя он, конечно, не имел сведений об упомянутых событиях) решил направить еще одну партию на собаках, чтобы полностью обеспечить «Ледяной центр» на зиму. Партия должна была быть очень большая — не меньше пятнадцати нарт. Это означало необходимость нанять по крайней мере 12 эскимосов и свыше полутора ста собак. Отчасти для того, чтобы придать бодрость эскимосам, а отчасти, чтобы быть на месте для принятия ответственных решений, Вегенер счел нужным сам возглавить партию.

По неровному льду прибрежной полосы большую часть грузов перевезли исландские пони. В 15 километрах от берега нагрузили собачьи упряжки, и огромный караван двинулся к востоку.

Партия не успела проехать и трех километров, как встретила Вёлкена, Юлга и семь эскимосов, которые возвращались из «Ледяного центра». Они вручили Вегенеру письмо Георги и Зорге. Это произошло 21 сентября, и Вегенеру было бы чрезвычайно трудно добраться до «Ледяного центра» к 20 октября. Но никакой крайней необходимости в этом, по всей вероятности, уже не имелось, так как Вёлкен и Юлг рассказали, что четыре дня назад у расположенного на полпути склада они встретили аэросани в совершенно исправном состоянии. Все говорило за то, что они уже доставили на «Ледяной центр» керосин и зимний домик.

Вегенер задержался на день, чтобы собрать материалы, которые просили Георги и Зорге. Затем он продолжал путь к «Ледяному центру». Но примерно в 50 километрах от края щита произошла еще одна встреча — с партией на аэросанях.

Участники экспедиции набились в маленькую палатку, и ехавшие на аэросанях рассказали о своих приключениях. Утро того дня, когда Вёлкен и Юлг расстались с ними после неожиданной встречи у склада на полдороге, было туманное. Это не имело значения для собак, но на аэросанях труднее двигаться, не сбиваясь, вдоль линии флагов. Они не могли подвергать себя риску заблудиться и напрасно потратить драгоценное горючее. Поэтому они решили обождать улучшения погоды, прежде чем начать свой однодневный пробег к «Ледяному центру», отстоявшему за 200 километров.

Погода не только не улучшилась, но их засыпало снегом. Когда они откопали сани, им долго не удавалось запустить

моторы. Заработавшие, наконец, моторы не смогли потянуть тяжело груженные сани. В конце концов водители решили вернуться на побережье.

Вегенер возлагал большие надежды на аэросани, но, слушая эту печальную историю, не делал никаких замечаний и спокойно курил трубку. В свои 49 лет он обладал большим опытом. Он был не только профессором геофизики и метеорологии, но и прекрасным руководителем. Он принял случившееся как неизбежность, ничем не проявив удивления. Однако это не ослабило его решимости добиться того, чтобы «Ледяной центр» функционировал в течение всей зимы. Следовательно, он должен попасть туда с собачьими упряжками к 20 октября.

Путешествие не ладилось с самого начала. Погода стояла теплая, но снег был мягкий и глубокий. Упряжки из крупных эскимосских собак проваливались и мешали друг другу, однако каждый погонщик, согласно местным обычаям, не обращал внимания на затруднения других. И вот 28 сентября наступил серьезный кризис.

Утром перед выходом в путь в палатку, которую занимали Вегенер и Лёве, один за другим втиснулись все эскимосы. Они сидели там, сбившись в кучу, покуривая трубки и уставившись в пол. Они ничего не говорили — они напоминали угрюмых детей.

Наконец, недовольство прорвалось. Хотя было еще тепло, холода, несомненно, скоро наступят, а они недостаточно хорошо одеты, чтобы выдержать их. Грузы слишком тяжелые. Они хотят вернуться домой.

Переговоры длились несколько часов, подвигаясь медленно, тяжело, усложненные недостаточным запасом слов, понятных обеим сторонам, еще более усложненные неспособностью эскимосов уразуметь такое отвлеченное понятие, как научное исследование.

В конце концов четыре человека согласились за увеличенную плату продолжать путешествие, а остальные вернулись на побережье. В сопровождении этой четверки Вегенер и Лёве с трудом продвигались по мягкому свежему снегу к «Ледяному центру». Время являлось жизненно важным фактором, так как в дальнейшем погода могла только ухудшиться. Но быстро двигаться они не могли. И в течение всего дальнейшего пути они были не уверены в эскимосах, от которых полностью зависели. В силу необходимости груз для «Ледяного центра» пришлось очень сильно урезать. Нельзя было допустить новых недоразумений и задержек.

Неустойчивое согласие длилось до 5 октября, когда Детлев, старый охотник, выступавший от имени всех, заявил, что он и остальные трое теперь решительно настаивают на возвращении домой. Итак, снова начались медленные переговоры. Они тянулись, то прекращаясь, то возобновляясь, два драго-

ценных дня. В конце концов Детлев и еще двое ушли, а последний эскимос, Расмус, выразил готовность сопровождать Вегенера и Лёве до станции.

Расмус оказался хорошим парнем. Ему было только 22 года, и он, несомненно, находился под влиянием старых охотников. Как только он принял решение и расстался со своими сородичами, он стал проявлять исключительную преданность и очень добросовестно относиться к обязанностям. Расмус шел впереди, прокладывая путь сквозь глубокий сухой снег и своими изумительно зоркими глазами высматривая флаги в том полумраке, в котором приходилось двигаться.

Но выпавшие на долю путников испытания еще далеко не кончились. Как они ни старались, им в среднем удавалось проходить не больше 15 километров в день. Медленно пробиваясь вперед, они постепенно расходовали или сбрасывали грузы, предназначенные для «Ледяного центра». Все снаряжение для станции пришлось оставить на пути. А вскоре стало очевидно, что нет никакой надежды добраться до цели к 20 октября. Часто они сомневались, удастся ли им вообще добраться. К этому времени они уже не могли принести почти никакой пользы Георги и Зорге. Но если они повернут назад, а Георги и Зорге не придут на побережье, то в течение всей зимы они будут испытывать невыносимое беспокойство за участь двух человек. Таково было мнение Вегенера. К тому же он твердо решил, что «Ледяной центр» не должен быть покинут, если только он сможет предотвратить это, хотя бы ценой почти любого риска.

Во время каждого путешествия наступает момент, когда вернуться становится трудней, чем идти дальше. В данном случае таким моментом, по расчетам, было достижение флага на 232-ом километре. Вегенер и его спутники миновали эту точку. 20 октября они достигли 290-го километра. В последующие дни они предполагали встретить Георги и Зорге, но не встретили. К этому времени запас керосина и пищи для людей стал устрашающе мал, а собаки умирали от голода. Единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы как можно скорей добраться до «Ледяного центра» и воспользоваться частью тех незначительных запасов, какие там имелись. Теперь Вегенер и его товарищи зависели от станции, для снабжения которой они пустились в путь.

Последние этапы были невероятно тяжелые. До тех пор температура стояла сравнительно высокая, но к тому времени, когда люди и собаки до крайности ослабели, она внезапно упала и держалась в пределах от 40 до 46° ниже нуля. 30 октября кончился керосин. Вегенер, Лёве и Расмус расходовали для подогрева своей скромной пищи неприкосновенный запас твердого топлива и так прошли последние километры до «Ледяного центра».

Ледяная пещера казалась изумительно теплой — в ней было всего 23° мороза, а снаружи 68° или даже больше. А сама комната, высеченная во льду, с такой замысловатостью и изобретательностью обставленная двумя учеными, давала не меньше комфорта, чем современный дом. Георги и Зорге были еще там. Они решили, что смогут в конце концов перебиться зиму. Но трое вновь прибывших остаться не могли, так как они явились практически без продовольствия и топлива. Лёве был вынужден остаться. Он сильно отморозил себе обе ступни, и вскоре Георги пришлось складным ножом, без всякого обезболивания, ампутировать ему все пальцы ног. Вегенер, однако, решил пуститься с Расмусом в обратный путь, передохнув только две ночи. Он был прекрасно настроен и потирал руки от удовольствия, что добрался до «Ледяного центра» и нашел его не только в полном порядке, но и таким уютным. Он и Расмус оба чувствовали себя физически вполне хорошо, а из запасов «Ледяного центра» они смогли захватить 140 кг продовольствия и бидон керосина.

1 ноября профессор Вегенер отпраздновал свое пятидесятилетие. Затем он и Расмус двинулись к побережью; их семнадцать тощих собак тянули двое легко груженных нарт.

Три человека, оставшиеся в «Ледяном центре», ничего не знали о Вегенере до апреля. Ветер был для Вегенера попутным, а по дороге имелись склады продовольствия. Когда наступил декабрь, зимовщики надеялись, что их руководитель уже достиг побережья.

В ноябре из прибрежного Базового лагеря вышла спасательная партия. Ей удалось пройти около 80 км на восток и оставить запас продовольствия. Каждую ночь пускали осветительные ракеты, которые должны были быть видны издалека. Перед отъездом Вегенер назначил крайним сроком своего возвращения 1 декабря. Спасательная партия оставалась на Ледниковом щите до 7 декабря. Любопытно, что как раз накануне Чепмен, Уэйджер, Бингхем и Д'Ат пустились в обратный путь, покинув Курто на станции «Ледниковый щит».

Ради удобства изложения мы сразу же сообщим, что выяснилось в дальнейшем относительно последнего путешествия Вегенера. Выслать вспомогательную партию в «Ледяной центр» оказалось возможно только 21 апреля следующего года. В этот день выступила в путь группа на собачьих упряжках. За ней двинулась группа на аэросанях с братом Расмуса в качестве пассажира, и обе партии достигли «Ледяного центра» почти одновременно. Как только они встретились с тремя зимовавшими там товарищами, все без слов поняли, что произошло.

Немедленно приступили к поискам трупов. Близ флага 253-го километра, меньше чем на половине пути к побережью, нашли нарты Вегенера. Дальше он и Расмус двигались, оче-

видно, с одними нартами, вероятно, потому, что из числа семнадцати собак многие подошли. У отметки 189-го километра, в 211 километрах от «Ледяного центра», увидели лыжи Вегенера, стоямя воткнутые в снег.

Участники производившей поиски партии разрыли выпавший за зиму снег и углубились на 75 сантиметров ниже того уровня, на котором снег лежал в ноябре прошлого года. Там они обнаружили Вегенера. Он был зашит в два чехла от спальных мешков и лежал на своем спальном мешке и оленьей шкуре. Его одежда, тщательно очищенная от снега, как обыкновенно делают перед тем, как войти в палатку, была в образцовом порядке. На нем были синие суконные штаны, а поверх них штаны из собачьего меха, рубаха, жилет, синяя лыжная куртка, толстый свитер, шлем и остроконечная шапка. меховые сапоги (о которых во время путешествия необходимо ежедневно заботиться) были в прекрасном состоянии.

Лицо Вегенера казалось моложе, чем тогда, когда товарищи видели его в последний раз. Глаза были открыты, и лицо выражало полное спокойствие; он почти улыбался. Впрочем, он был несколько бледен, и на щеках виднелись маленькие пятна в обмороженных местах, какие часто появляются вечером во время зимнего перехода. По-видимому, Вегенер, как обычно, вошел в палатку, лег и умер. Расмус позаботился о нем, забрал его дневник и остальные личные вещи.

Направившись к западу, участники поисков вблизи от отметки 168-го километра обнаружили признаки того, что Расмус провел там несколько дней. Они нашли принадлежавший ему топорик и остатки еды. Между этим местом и побережьем никто не трогал ни одного склада продовольствия. Расмуса так никогда и не нашли.

Судя по дате выхода из «Ледяного центра» и пройденному Вегенером расстоянию, он умер, вероятно, около 20 ноября, а Расмус вскоре за ним. Таким образом, когда Курто 6 декабря остался один, Ледниковый щит уже поглотил жизнь двух людей. Вегенера похоронил Расмус. Расмус, вероятно, тоже был похоронен — снегом. Он лежал, как лежит, очевидно, и до сих пор, прекрасно сохраняемый холодом, который его убил. Если кто-нибудь отыщет Расмуса теперь или по прошествии сотни лет, он сможет, думается мне, узнать его даже по выражению лица.

* *
*

Воображая себя в положении человека, который остался один зимовать на Ледниковом щите, вы прежде всего подумаете, вероятно, об одиночестве, так как лишь очень немногим людям приходилось проводить больше одного дня, полностью предоставленными самим себе. Конечно, нигде чело-

век не чувствует себя таким одиноким, как на Ледниковом щите. И если мне удалось дать хоть некоторое представление о его характере, то вы поймете, какой ужас он может внушить. Он угрожает не какой-либо личной мстью, которой вы можете опасаться в джунглях среди диких зверей или охотников за черепами. Здесь вас не подстерегает ни одна из опасностей так называемой цивилизованной жизни. Например, вы даже не можете простудиться. Мало вероятно, чтобы вы сломали себе ногу. Ледниковый щит чужд и равнодушен... и велик. Именно это великое равнодушие и вселяет такой страх.

В любом другом месте, если вы устали, вы можете сесть и отдохнуть. На Ледниковом щите зимой этого сделать нельзя, во всяком случае надолго. Если вы уроните рукавицу, ваша рука в одно мгновение будет отморожена. Если с вами произойдет какой-нибудь пустяковый несчастный случай, понадобится очень немного времени, чтобы все ваше тело окоченело от холода. И, самое худшее, мороз, подобно наркотику, затуманивает ум.

Метеорологические приборы находились всего в нескольких шагах от выхода из туннеля. Но в сильную пургу очень легко потерять чувство ориентировки. А затем — несколько шагов в неправильном направлении, приступ панического ужаса, и мозг отказывается работать... И когда вы упадете, вас быстро занесет поземка.

В одиночестве есть еще одна неприятная сторона — физическое напряжение. Из дневников Рили, и особенно Бингхема, видно, как часто им приходилось расчищать туннель от снега, чтобы не оказаться погребенными. Эту работу выполняли два человека. Теперь все должен был делать один. Он должен выходить, чтобы ежедневно шесть раз записывать показания приборов. На нем лежит вся стряпня, все починки, все хозяйственные заботы, и никто не может его сменить. Не говоря уже о чувстве одиночества, человек, оставшийся один для работы на станции, все время испытывает большое физическое напряжение.

Глава 9

ЗИМОЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ

«6 декабря, суббота. Курто. Рассвет прекрасный, так что для них настало время двигаться. Я встал в 3.30 и сварил им завтрак. К десяти они были готовы. Я сфотографировал уезжающих, а затем под крики «Быстро, черти, быстро!» они тронулись в путь. Взошло бледное солнце, но было очень холодно, и я недолго смотрел им вслед. Выйдя снова через час, я смог различить их лишь в виде далекого пятнышка. Теперь я совершенно один. Ни собаки, ни даже комара для поддер-

жания компании. Впрочем, очень уютно или будет уютно, когда я наведу некоторый порядок. Основная задача в данный момент — высушить вещи. Мой спальный мешок полон льда, и вся одежда, за исключением той, что на мне, в таком же состоянии. И все же у моей трубки тот же вкус, как всегда, в иглу тепло, так что поистине жаловаться не на что, если бы не проклятая необходимость выходить каждые три часа на холодный ветер для наблюдения за погодой.

7 декабря, воскресенье. Ясно и холодно (49° ниже нуля). Встал в 7 часов утра для первого наблюдения. Завтрак около 10.30. Второй завтрак в 2.30. Ужин в 7.30. В свободное время немного занимался уборкой. Левый мизинец болит и распух, оба большие пальца на ногах также.

8 декабря, понедельник. Снова холодный ясный день. Солнце не поднимается над горизонтом и, по моим предположениям, не будет подниматься до середины следующего месяца. В промежутках между наблюдениями, которые производятся в 7, 10, 1, 4, 7 и 10, продолжал сушить одежду.

9 декабря, вторник. Сегодня ничего достойного упоминания, если не считать, что я переменял белье, так как последние несколько ночей ощущал зуд. Обнаружил, к величайшему отвращению, множество вшей, а потому вынес и разложил на снегу свою одежду, уповав на то, что мороз их убьет. Вот к чему ведет отдалживание спального мешка эскимосам.

10 декабря, среда. Занимался уборкой. Сегодня лампа зажглась с первого раза, а вчера это отняло четыре часа. Никаких признаков вшей.

11 декабря, четверг. Пальцы ног болят, пальцы рук также. Произвел отсчет по Альдебарану⁴⁰, чтобы узнать, насколько часы отстали или ушли вперед за последние три месяца. Читал «Сагу о Форсайтах», т. II — оч. хор. Лучше даже, чем т. I. Сегодня начал гороховую муку и маргарин. Оказалось, что джем, приготовленный из какао, оч. хор., гораздо лучше, чем напиток. Разлил керосин по банкам (18 литров).

12 декабря, пятница. Ветреный день с поземкой. В доме температура упала до +1,5°, но примус снова поднял ее до 16°. Заткнул вентиляционное отверстие, чтобы попытаться сохранить тепло на ночь. Когда я в 10 ч. веч. выходил для наблюдений, наружное отверстие туннеля оказалось заблокированным. Пришлось откапываться. Такая погода затрудняет остальным обратный путь. Наполнил мешок пеммиканом, 700 граммов.

13 декабря, суббота. Сильный с.-з. ветер, несущий снег, так что почти ничего не видно и с трудом добираться до приборов.

Настоящая пурга. Вход в туннель совершенно засыпан и приходится откапываться для каждого наблюдения. Вечером сыграл сам с собой партию в шахматы, а затем забинтовал

пальцы на ногах. Оба кажутся совершенно омертвевшими и гноятся.

14 декабря, воскресенье. Утром расчистил выход, но ветер переменялся на ю.-в. и снова его засыпал. Очень тепло, температура поднялась до -15° . Оказалось, за неделю я выкурил всего 50 г. При такой норме табаку хватит на 17 недель. Читал «Черную Стрелу»⁴¹ и «Гостеприимную Арктику»⁴². Обе оч. хор. Что я буду делать, когда кончу все книги, знает один бог. Составил список участников товарищеского обеда, когда я вернусь домой.

15 декабря, понедельник. Изумительно теплый день, -14° . Переменившийся ветер совершенно занес снегом двор, а также вход в дом, так что теперь, выбравшись из туннеля, приходится брести по колено в снегу, а затем взбираться на двухметровый сугроб, чтобы перелезть через стену. Бредешь дальше, спотыкаясь о гребни наста и проваливаясь в невидимые при рассеянном свете ямы, и, наконец, добираешься до приборов. Наполнил мешочек плазмоном, 225 г.

16 декабря, вторник. Тот же теплый ветер, дующий сильнее, чем когда-либо прежде. Сегодня утром изрядно потрудился, чтобы выбраться из дома. Оказалось, я рыл ход в огромном снежном сугробе, так что пришлось вести его прямо вверх; покопав еще некоторое время, кое-как выкарабкался наружу. Не успел добраться до приборов к 7 часам, так как сугроб был очень высокий. Вечером разбинтовал пальцы ног. Неприятное зрелище. На пальце левой ноги ноготь сошел. Вскоре, надо думать, сойдет и другой.

17 декабря, среда. День более тихий. Провел много времени за раскапыванием туннеля. К наступлению темноты почти очистил его. Очень теплая, приятная ночь, ветер слабый и всего 49° мороза. Насыпал гороховой муки и пеммикана. Если жечь примус семь часов в день и весь день не гасить лампы, то девяти литров керосина не хватит на неделю, поэтому решил испытать в течение недели керосиновый обогреватель и зажигать примус только для готовки.

19 декабря, пятница. Сегодня и вчера весь день дул с.-з. ураганный ветер, который снова совершенно засыпал снегом вход в туннель. Сегодня пришлось откапываться каждые три часа.

20 декабря, суббота. Все еще ветер. С большим трудом выбирался из туннеля. Снега полно. Вечером несколько стихло, прекрасное северное сияние. Хотя мороз достигал 57° , было очень приятно стоять во дворе и любоваться сиянием.

21 декабря, воскресенье. Наконец-то ветер утих. В полдень вышел немного порасчистить и увидел впервые за две недели солнышко или, вернее, половину его. Ночью чудесное сияние; оно напоминало пурпурные кольца дыма, извивавшиеся и переплетавшиеся между собой по всему небу. В 10 часов было

совершенно безветренно. Тишина вселяла почти ужас. Ни единого звука, кроме биения собственного сердца и пульсации крови в венах.

Вечером сошел и второй ноготь на ноге. Вид очень противный, весь палец мягкий, омертвевший и гноится.

24 декабря, среда. Сочельник. Как чудесно было бы очутиться дома или у нее. В прошлом году рождество было изумительное. Последние три дня здесь стояла тихая и довольно приятная погода. Проводил снаружи столько времени, сколько позволяли отмороженные пальцы ног и дневной свет; отбрасывал снег, нанесенный ураганами.

Славу богу, самый короткий день уже прошел. Обнаружил, что два керосиновые бидона текли; в результате запас уменьшился на 18 литров. Придется, значит, экономить на отоплении. Хотелось бы знать, что делается дома. Б., вероятно в Швейцарии. Интересно, взяла ли она с собой У. В сущности я не так уже страдаю от отсутствия рождественских вкусных вещей. Впрочем, с удовольствием съел бы кусок свежего мяса, пирожок со сладким фаршем, и особенно кусочек плумпудинга. Если бы я только знал, что мне придется проводить здесь рождество, я мог бы захватить что-нибудь вкусное из коробок, подаренных У., но, кажется, у нас ни один задуманный план никогда не осуществляется. Вечером обнаружил в одежде новый выводок вшей: сменил все и как следует обработал порошком от насекомых.

25 декабря, четверг, рождество. Как приятно было бы находиться сейчас дома или хотя бы в Базовом лагере. Наверное, они устроят пьянку и прикончат остатки спирта. Впрочем, и я провел время не так плохо. На завтрак великолепная овсянка и банка паштета из креветок; на обед горох, а к ужину рис, мед (приготовленный из сахара и маргарина), конфеты из масла и сахара (собственного производства) и шоколад. Трубка (подаренная У.) курится оч. хор. Книги хорошие: Джен Остин⁴³ и «Избранные морские рассказы» — и ничто не нарушает покоя, если не считать свиста ветра, усиливающегося до ураганного, да глухого треска, издаваемого стенами дома и внушающего некоторые опасения. Надеюсь, дом не обрушится. Если бы только я мог перевести часы на следующее рождество! Как чудесно было бы вернуться домой летом. Если мои планы осуществляются в соответствии с моими предположениями — чего, вероятно, не произойдет, — я с удовольствием приобрел бы домик в Суффолке километрах в 30—100 от Г. Близко от железной дороги и близко от моря, лучше всего в Пин-Милл. Никакого поместья, только сад, и как можно меньше слуг. Никаких лакеев за столом. Если будут деньги, расходовать их скорей на судно, чем на дом. Что-нибудь вроде «Колоны» было бы оч. хор., хотя, возможно, такая яхта несколько маловата для длинных переходов. Бриксем-

ский траулер был бы почти идеалом, но сделать его пригодным для жилья будет стоить, наверное, кучу денег. Поставить судно в Фалмуте или в другом месте на южном берегу, а не на восточном, откуда никуда не доберешься без длительного и скучного перехода.

27 декабря, суббота. Северо-восточный ветер снова все завалил снегом. Сегодня и вчера понемножку откапывался, но пальцы на ногах очень болят, и я не могу проводить на морозе больше нескольких минут подряд. Исполнилось ровно три недели с тех пор, как остальные уехали. Сегодня утром страшно испугался. Только стал снова засыпать после наблюдения в 7 ч. утра, вдруг около самой моей головы послышался легкий треск, постепенно усиливавшийся и закончившийся глухим грохотом. Когда это началось, у меня мелькнула мысль, что весь дом под тяжестью снега вот-вот свалится на меня. Но ничего не произошло, и я пришел к заключению, что обрушился туннель и мне нелегко будет выбраться, так как лопата, наверное, засыпана. Однако мое предположение не оправдалось; по-видимому, несколько плит в стене дома не выдержали и упали, но для того, чтобы установить в чем дело, необходимо сбросить с крыши много снега. Надеюсь, сегодня ночью больше ничего не случится.

Хотелось бы мне знать, когда и каким образом мы попадем домой. Высадимся ли мы в Лондоне, Копенгагене, Гарвиче или еще где-нибудь. Если в Гарвиче, я протелеграфирую, чтобы У. [так он называет девушку, на которой впоследствии женился] встретила меня. Надеюсь, так и будет. Если мы прибудем в Лондон или Абердин, она сможет встретить меня в Л., но это будет не так просто. Изучал карту Шотландии (слава богу, у меня есть карманный атлас Барта!), и мне стало совершенно ясно, что я должен проделать с У. еще одно плавание вдоль западного берега. Можно зафрахтовать «Колону». «Кериед» — хорошее судно, хотя не отличается особым комфортом и слишком тяжелое на ходу; к тому же в море оно не желает идти против ветра.

31 декабря (11.30 ночи). Канун Нового года. Кругом, конечно, тишина. Последние несколько дней стояла ясная холодная погода, временами с великолепными северными сияниями. Теперь надеюсь со дня на день опять увидеть солнце. Вчера открыл новый ящик с рационами. Начал галеты, плазмон и шоколад. Сегодня наполнил мешочек гороховой мукой. Последнее время пальцы на ногах основательно болят, так что промыл их и забинтовал. По случаю Нового года произвел небольшую уборку. Обнаружил в «Уайтекере»⁴⁴ кучу полезных и забавных сведений. Выпишу из него список недавно вышедших книг. Решения на Н. г.:

1) Починить мокасины и спальный мешок.

2) Вернувшись домой, сделать предложение У.

3) Подыскать: а) дом (Суффолк, Суссекс или Дорсет) ⁴⁵; б) судно; в) работу. а) и б) в значительной мере зависят от финансового положения, когда я вернусь домой.

4) Больше не ездить в экспедиции.

5) Собрать библиотеку и изучить: а) английскую литературу и поэзию; б) музыку; в) историю полярных исследований, имея в виду попытаться по возможности написать о них книгу.

Хотелось бы послать У. радиограмму. Интересно, что делается сейчас в Базовом лагере — вероятно, доедают остатки вкусных вещей и приканчивают выпивку.

1 января. Ясный день. Съел к завтраку хорошую порцию овсянки, а ко второму завтраку рисовый пудинг и целую плитку шоколада. Надеюсь, такая погода удержится. При теперешнем состоянии пальцев ног и рук откапываться каждые три часа и откидывать снег от дома каждый раз, как его наносит, — слабое развлечение. Прекрасными лунными ночами приятно побродить, если только не оставаться на воздухе слишком долго. Сегодня вечером произвел отсчет по Марсу, чтобы откорректировать время. Любопытно, что не становится холодней. Средняя температура декабря выше ноябрьской, и теперь в течение нескольких дней, когда дул северный ветер, она держалась между — 34 и — 37°, в то время как в прошлом месяце понижалась до 46—49° ниже нуля. Сегодня начал пеммикан, керосин и овсянку. Керосина осталось всего 63 литра.

**Список
имеющихся в библиотеке «Ледникового щита»
книг, которые стоит прочесть**

1 января. «Путешествия Парчеса». «Мартин Чезлвит» Диккенса. «Парусный мастер» Мейсфилда. «Призрачный корабль и другие рассказы» Мидлтона. «Два года в кубрике» Дана. «Золотой ключ» Ван-Дика. «Под парусами» Ризенберга. «Неогороженные луга» Адамса. «Половодье» Хачинсона. «Альманах гурманов» М. Флоранса. «Жизнь Ч. М. Доути» Хогарта. «Петр Великий» Грейама. «Мой брат Джонатан» Юнга. «Иосиф и его братья» Фримена. «Портрет в зеркале» Моргана. «Легион отверженных» Доти. «Кембриджская история Римской империи», т. I—IV. «Искусство забвения» Шепарда. «Опыты и фантазии» Лукаса. «Отава» Черчилля. «Природа материального мира» * Эддингтона. «Вселенная вокруг нас» Джинса. «Наставления удильщику рыбы»

* В русском переводе (М., 1933 г.) называется «Относительность и кванты». *Прим. ред.*

Уолтона. «Избранные стихи английских поэтов» Харрапа. «Красный корсар» Фенимора Купера.

4 января, воскресенье. Ужасный день. Когда я утром проснулся, бушевал ураган, и туннель, конечно, был занесен снегом. Мне удалось откопаться, но вернулся с головы до ног облепленный снегом, который засыпал все в палатке. Комок слипшегося снега попал в лампу и лопнуло стекло. В 11 часов, в 1 час и в 2.30 снова откапывался. Всякий раз вход был полностью завален, и снег наносило с той же быстротой, с какой я успевал его отбрасывать. К этому времени (2.30) задняя часть туннеля оказалась так завалена снегом, откинутым мной от входа, что я с трудом мог пробраться. В 2 часа сугроб у входа был выше моего роста, и мне стоило немалых усилий выйти наружу, даже после того, как удалось прорыть отверстие. В 3.30 я убедился, что больше не в состоянии расширять вход. Туннель уже был совершенно забит, а ветер продолжал усиливаться. Пурга разыгралась вовсю, и снаружи почти не видишь лопаты, а лицо сразу покрывается слоем снега. Итак, поскольку я выйти не могу, придется оставаться в палатке, а мет. наблюдения подождут, пока не утихнет ветер. Тогда мне придется изыскать какой-нибудь способ выбраться. Надеюсь, воздух не перестанет быть годным для дыхания, и крыша не обрушится. Если а) перестанет или б) обрушится, мой конец будет довольно мирный, и в ожидании его я смогу съесть четыре имеющиеся у меня плитки шоколада. Во всяком случае не будет никакой суеты и разных церемоний, неизбежных, когда человек испускает дух у себя дома.

5 января, понедельник. Утром пришел к выводу, что раскопать туннель невозможно, поэтому прорыл вход в снежный дом с правого борта и прорубил дыру в его крыше. К счастью, она не завалилась, и мне удалось выйти.— Слава богу!

Ураганный ветер, снова поднявшийся утром, к вечеру стих, и теперь все опять спокойно.

6 января, вторник. Ровно месяц, как остальные уехали. Сегодня был тихий день. Дыра в крыше снежного дома оказывается вполне удобным ходом. Сегодня вечером испытал потрясение. Находясь в полудремоте, я услышал голос У., дважды меня позвавший: «Ог, Ог». Это произошло около 11 ч. по гринвичскому времени.

Для плавания к западному берегу напрашивается идея подняться к северу вдоль восточного берега и пройти каналом Фёрт-Клайд. Захватить ее в Клайде, а затем через Кайлс-оф-Бут и Кринанский канал в Обан. Оттуда по всем хорошим местам: Лох-Линне, Алин, Торридон, Кернбарн и т. д. Вернуться можно Каледонским каналом — или направившись к югу по Ирландскому морю, или пройдя на юг вдоль восточного побережья. Путь Ирландским морем в некоторых отно-

шениях был бы самым приятным, так как можно зайти в Кингстаун и Фалмут, но он может оказаться длительным⁶⁶.

7 января, среда. Наполнил мешок пеммиканом.

12 января, понедельник. За последние несколько дней ничего особенного не произошло. Погода довольно мерзкая, не считая субботы, когда в первый раз после 21 декабря показалось солнце. Сегодня начал керосин, вчера — плазмон. Погода теперь теплая и тихая, но некоторые признаки предвещают сильный восточный ветер.

14 января, среда. Утром — сильный ветер с запада, сейчас мертвая тишина и кромешная тьма. Барометр падает, как камень. Полагаю, назревает что-то очень неприятное. Читаю «Гай Маннеринг» (Скотт). Оч. оч. хор. От описания еды корчишься еще сильнее, чем от «Саги о Форсайтах», но мне нравится читать об этом. Суп à la Мер Мерилиз звучит чудесно.

15 января, четверг. Идеи об электрических метеоприборах.

16 января, пятница. Вчера в 4 ч. дня почувствовал легкую дурноту, вероятно в результате пользования проклятым обогревателем. Думал, что не смогу попасть обратно домой. Однако все обошлось, хотя сердце билось очень часто. Дал себе отдых на 6 часов и пропустил поэтому семичасовые наблюдения. Сегодня холодный ветер и поземка, $t = -43^\circ$. Дом обнаруживает признаки разрушения. Хорошо было бы сбросить с крыши снег. Сделал бы это вчера, если бы не чувствовал себя так плохо. Не могу оставаться на воздухе дольше нескольких минут, так как ноги очень быстро коченеют. Кончил «Гай Маннеринг». Прекрасная книга.

21 января, среда. Только что кончил «Джен Эйр». Великолепная книга, одна из лучших, какие мне приходилось когда-либо читать. Трудно себе представить, что она могла написать ее в ту раннюю викторианскую эпоху. Вчера и сегодня показывалось солнце. Приятно видеть, как оно разливает свой розовато-пурпурный свет по снегу, образуя темные тени и светлые места, от которых приходится шуриться.

23 января, пятница. Осталось всего 45 литров керосина. Погода морозная и ясная, с северным ветром. Днем очень приятно, но холодно, и чтобы долго оставаться на воздухе, необходимо тщательно закутаться.

28 января, среда. Закончил «Грозовой перевал». Читал раньше в Гренландии в 1926 г. Хорошая книга, но мне она нравится меньше, чем «Дж. Э.», хотя вещь, вероятно, более значительная. Сюжет кажется слишком нереальным, изложение слишком сухим, герои слишком чудовищными. Теперь читаю Пипса⁶⁷ и «Ярмарку тщеславия». Последняя, читанная мною и раньше, великолепна. Сейчас дует настоящий ураган; в позапрошлую ночь он чуть не засыпал отверстие в снежном доме, являющееся теперь моим единственным выходом. К числу других несчастий относится «парангара» [гибель]

барометра и максимального термометра, обоих из-за моей небрежности. На первый я уронил кастрюлю, а второй разбил, очищая от снега. Хотя до этой пурги стояло несколько дней ясной хорошей погоды, правда очень холодной, все же никаких признаков самолета не было. Я очень сильно сомневаюсь, чтобы он теперь прилетел. Вероятно, самолет не может подняться, а потому, по всей видимости, мне предстоит прождать здесь еще несколько месяцев, пока кто-нибудь прибудет сюда на нартах.

1 февраля, воскресенье. После того как юго-восточный ураган стих — он дул так сильно, что мне приходилось идти или, вернее, брести, спотыкаясь, задом наперед, чтобы добраться до метеорологических приборов — ветер снова задул с северо-запада. Тем временем керосин в доме почти весь вышел, и я не мог откопать другой бидон, пока бушевали эти ветры. Пытался откопать, но не мог найти его под снегом. Конечно, как только перестаешь рыть, яма немедленно снова заполняется. Дело в том, что теперь, когда все завалено снегом, я не могу точно определить, где находится бидон. Сегодня вечером переменял белье, надев то, что когда-то было населено, но с обитателями я разделался, оставив их на морозе. Только что кончил «Ярмарку тщеславия». Очень понравилось. Испытываешь большое удовольствие от прекрасного английского языка, независимо от фабулы; теперь начал «Курильщики опиума» де-Куинси⁶⁸; кажется, очень растянуто и скучно, но опять же стоит прочесть из-за стиля.

Хотелось бы мне знать, когда я выберусь отсюда, если вообще выберусь. Не то что мне надоело, но я замечаю, что ноги у меня становятся очень тонкими, как я полагаю, отчасти из-за недостатка упражнений, а отчасти из-за отсутствия свежих продуктов. Если мне придется возвращаться с санной партией, будет здорово неприятно, разве только дорога окажется настолько хорошей, что удастся ехать на нартах. Эти ураганные ветры изматывают нервы. Я каждый день жду, что дом завалится, так как оба снежные дома по бокам частично разрушились. Хотелось бы, чтобы наступила сносная погода. Всякий раз, как проясняется и показывается солнце, мороз достигает примерно 46°, а остальное время задувает пурга, так что из-за снежных вихрей ничего не видно и ничего нельзя делать.

3 февраля, вторник. Вчера, покопавши как следует, раздобыл керосин. К счастью, на мне были подаренные У. рукавицы, иначе я отморозил бы руки. Бидон оказался на глубине почти двух метров. Сейчас закончил Пипса (издание Брейбука). Жаль, что так быстро.

6 февраля, пятница. Сегодня ровно два месяца, как я здесь один. Кончил «Курильщики опиума» де-Куинси. Не понравилось. Слишком скучно, хотя язык и превосходен. К тому

же раздражают сноски. Теперь читаю письма Дороти Осборн. Хорошо. Погода холодная, с северо-западным ветром.

8 февраля, воскресенье. День рождения папы. Отметил вареным рисом на второй завтрак и сделал несколько конфет из масла и сахара. В середине дня хорошо и солнечно, но холодный северный ветер (от -40 до -43°). Снова читаю «Тесс из рода Д'Эрбервилей»⁶⁹, оч. хор., особенно первая часть.

14 февраля, суббота. Уже десять недель, как я один. Погода на этой неделе была отвратительная. Прежде всего слишком холодная, чтобы можно было расчищать снег (68° мороза), и мне не хватает рационов, так как остальные ящики погребены под тремя метрами снега. Затем как-то ночью я не закрыл отверстия в крыше снежного дома, а ветер задул с юго-востока и совершенно его засыпал. С большим трудом мне удалось немного расчистить и преградить доступ ветру с этой стороны, как вдруг прошлой ночью он снова задул с северо-запада и опять все засыпал. Теперь выбраться невозможно, если не сбросить весь снег в туннель, ставший таким узким, что я едва могу по нему проползти. Продуктов осталось еще только на один день, не считая сегодняшнего. Дует по-прежнему.

17 февраля, вторник. В воскресенье утром обнаружил, что снежный дом совершенно засыпан, и до десяти часов не смог выбраться. Затем, после того как всю ночь ураганный ветер дул с юго-востока, он повернул на 180° и снова стал дуть с северо-запада. Очень холодно, -46° . Впрочем, ураган не достиг такой силы, как прежде, и в понедельник погода была вполне сносная. Пытался откопать ящики с рационами, но пальцы на руках и ногах заоченели, прежде чем я смог до них добраться. Затем задуло с юго-востока и, конечно, яму засыпало. Я прикрыл вход как мог лучше, но едва улегся в постель, ветер задул сильнее, чем когда-либо прежде. Сегодня смог выбраться только в 10 часов, когда стихло. Так как находящиеся снаружи ящики, по-видимому, недостижимы, а у меня кончились все более или менее вкусные продукты, то принялся откапывать ящик, засыпанный в снежном доме. Дело шло медленно: приходилось откалывать плотный снег, наполнять им банки из-под галет и высыпать наружу. Через два часа я добрался до ящика и открыл его отверткой. В довершение всех огорчений оказалось, что это один из тех ящиков, из которых украли шоколад. Все же, слава богу, я раздобыл из него кое-что подходящее. Вечером снова задуло с запада, барометр катастрофически падает. Только бы не завалило снова защищающее вход прикрытие, иначе меня окончательно засыплет снегом. За два часа он почти заполнил снежный дом. Читаю «Владелец Баллантрэ», оч. хор. Надеюсь, ребята еще не вышли из Базового лагеря. В такую погоду двигаться на

нартах невозможно. Насколько я могу судить, по крайней мере шесть месяцев будут для нашей экспедиции совершенно потеряны. Все запроектированные далекие санные маршруты пойдут насмарку.

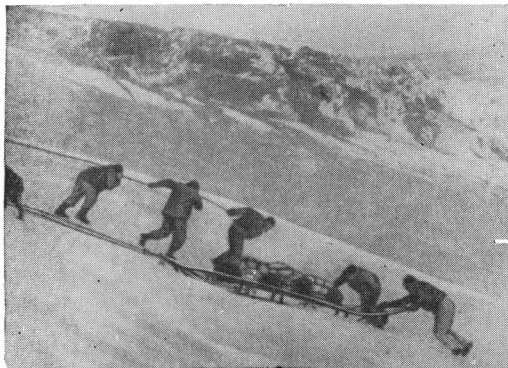
19 февраля, четверг. Весь вчерашний день и большую часть сегодняшнего не прекращался ураганный ветер. Сегодня вечером в 5. 30 произошло ужасное событие. Я, как обычно, читал здесь в палатке, как вдруг услышал нарастающий гул, исходивший, казалось, откуда-то сзади и в течение одной секунды усилившийся до грохота лавины. Внезапно он окончился как бы громовым раскатом. Сначала я подумал, что вот-вот на меня обрушится какой-то снежный смерч. Затем, когда ничего не произошло, я подумал, что один из снежных домов завалился и я окажусь в заточении, но для этого шум был слишком сильный. Когда в 7 ч. я вышел наружу, все стояло на месте и имело такой же вид, как и раньше. Не представляю себе, что случилось, разве только дал трещины лед внизу. Грохот был такой, словно обрушилась снежная лавина в тысячи тонн.

* *
*

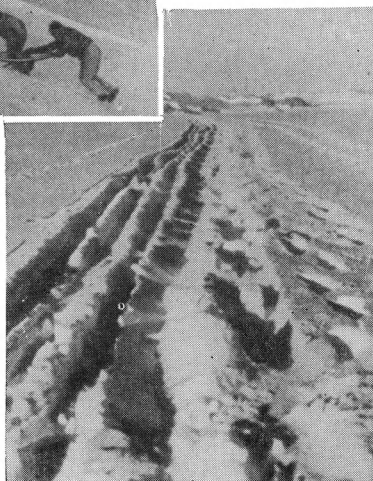
25 февраля, среда. Скотт. 25 февраля, как только представилась первая возможность, Козенс и я вылетели из Базового лагеря в надежде отыскать станцию «Ледниковый щит» и сбросить продовольствие. Мы не увидели никаких признаков станции и даже флагов, которыми была отмечена дорога.

* *
*

26 февраля, четверг. Курто. Ураганы, наконец, стихли и сменились морозной ясной погодой, хотя все еще дует северо-западный ветер. Температура понизилась до -51° . Отчаянно надоело выходить каждые три часа для наблюдений и после ползания по туннелю возвращаться в засыпанной снегом верхней одежде. Теперь осталось всего восемнадцать литров керосина. Если другие не явятся через три-четыре недели, я буду обречен на холод и тьму. Если я когда-нибудь вернусь в Базовый лагерь, ничто не заставит меня снова отправиться на Ледниковый щит. Кто знает, когда придет смена. Ураганные ветры сделали передвижение на нартах невозможным и даже здесь намели сугробы, подобные новообразовавшимся холмам. Какова дорога дальше, одному богу известно. Судя по тому, что я видел по прибытии, когда здесь дорога была хорошая, склонен думать, что там пройти совершенно невозможно».

Подъем с помощью блока и талей на верхнюю часть склона

Тяжелый путь вблизи от побережья

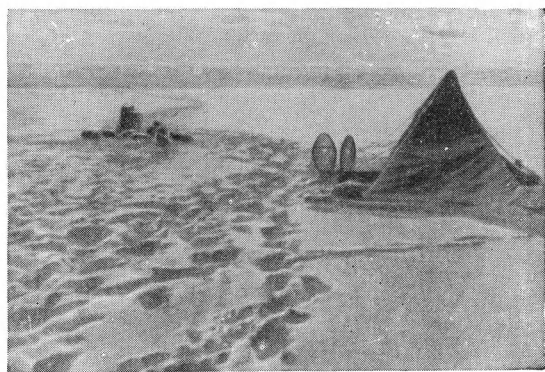

Ездовые собаки

Ездовые собаки

«Тихий вечер»

Начало пурги

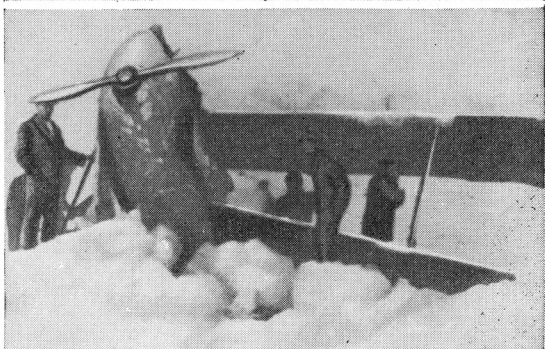
После пурги

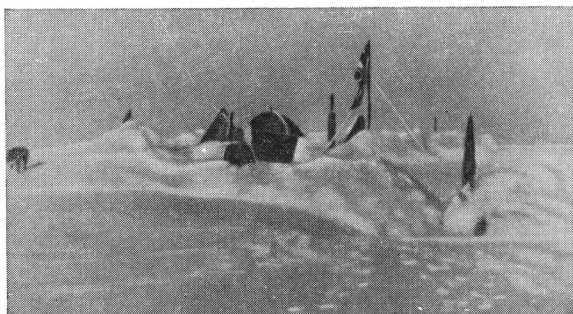

«Мотылек» до
шторма

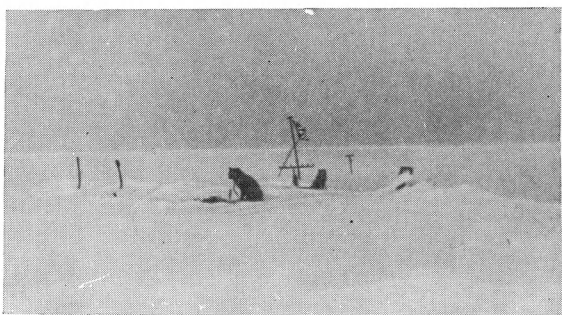

«Мотылек» после
шторма

Станция «Леднико-
вый щит» осенью

Станция, какой она
была обнаружена
весной

Джино Уоткинс

Курто по возвращении в
Базовый лагерь

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ

1 марта Квинтин Рили и я предприняли первую попытку отправиться на нартах к станции «Ледниковый щит» на вырубку Курто. Эскимосы устроили нам «слезное прощание», так как считали само собой разумеющимся, что мы никогда больше не вернемся.

На следующий день мы явились обратно в лагерь с нартами, сломавшимися пополам на огромных твердых застругах. Мы взяли и второй фальстарт, прежде чем 9 марта окончательно двинулись в путь — вместе с Мартином Линдсеем в качестве третьего участника партии.

Время года было еще слишком раннее для путешествия по Ледниковому щиту. Зима еще не сдавалась. Даже в Базовом лагере ураганы были исключительно сильными. Они продолжали валить радиомачты, раскидывать сложенные грузы или засыпать их снегом; барак дрожал и прыгал на проволочных растяжках, прикрепленных к камням. Джино винноватым тоном сказал мне, что никогда не послал бы нас так рано, если бы самолету удалось сбросить продовольствие для Курто или хотя бы увидеть его и станцию. Но после безуспешного полета, совершенного мною и Козенсом, оба самолета сильно повредило штормами, и они оказались неисправными. Не могло быть никакой уверенности ни в отношении срока, когда они будут починены, ни в отношении того, что, приведенные в порядок, они отыщут станцию. Поэтому мы пустились в путь на нартах, как только это стало практически возможно.

Необходимо разъяснить наш план. Когда в декабре отправилась партия Чепмена, она часто теряла линию флагов. Мы были уверены, что следовавшие один за другим ураганы наверняка свалили, уничтожили или засыпали снегом большую их часть.

Во время полета 25 февраля мы не видели ни одного флага. Следовательно, нам предстояло отыскать станцию, определяясь по приборам. Определение по компасу и пройденному расстоянию оказалось бы недостаточным, так как одометр на неровной поверхности не давал точных показаний, а держаться прямой линии, ведя собак среди снежных заструг, было невозможно.

Мы знали долготу и широту станции. Но тут возникала проблема. Измеряя полуденную высоту солнца и делая простой расчет с помощью существующих таблиц, вы можете установить широту, на которой вы находитесь; но определить долготу труднее — по той причине, что необходимо знать точное время по Гринвичу. Во время длительного путеше-

ствия наших полухронометров окажется для этого недостаточно. Пришлось бы взять с собой радиоприемник для приема сигналов времени. Однако он явился бы добавочной тяжелой поклажей для наших и без того перегруженных и неоднократно чинившихся нарт. К тому же после того, как нарты несколько раз основательно перевернутся на больших сугробах, приемник выйдет из строя. Такого путешествия, какое проделала партия Чепмена в начале зимы, он, конечно, не выдержал бы, а на более благоприятные условия рассчитывать не приходилось.

Поэтому мы решили, что должны найти станцию путем определения только широты — держать курс на точку, расположенную в нескольких километрах вправо от станции, а затем, когда мы достигнем нужной широты, свернуть влево и двигаться вдоль нее, пока не доберемся до места. (Так водили в старину свои корабли капитаны.) Предварительно мы должны будем убедиться в отсутствии флагов, для чего много раз пересечем их линию под очень острым углом. Для определения широты у меня был секстант, а у Мартина теодолит.

Добравшись до цели, мы сменим Курто, но станции не закроем, если только останется хоть немного продовольствия. Джино сказал мне: «Не думаю, чтобы пришлось решать этот вопрос на месте. Мы можем оставить там только одного человека. Я не хочу, чтобы остались вы, если обратный путь предстоит трудный. Но если вы увидите, что добраться домой будет легко, а для остающегося перспективы паршивые, что ж, я предпочитаю, чтобы вы остались, а остальных отправили назад».

Нет необходимости описывать день за днем первую часть пути. Нашу задачу затрудняло сочетание низких температур и сильных ветров. Гордон Хейс⁷⁰ в своей книге «Завоевание Северного полюса» на основании наших метеорологических данных признал это путешествие одним из тех, когда «условия приближались к границе человеческой выносливости». Я бы этого не сказал: мы прекрасно их выносили, и трудность состояла в определении курса и в том, чтобы видеть, куда мы идем. Во время второй половины пути потеплело, но вначале было очень тяжело из-за ураганных ветров и морозов свыше 57°. Часто я с трудом мог пользоваться секстантом, так как ртутная чашечка для искусственного горизонта начинала обледеневать. Мне приходилось соскребать ледяную пленку с ее верхушки. Однажды, когда я этим занимался, первое, что я увидел, было отражение не солнца, а моего собственного отмороженного подбородка. Снежная поверхность морщижилась крутыми застругами, на которых постоянно застревали собаки или опрокидывались нарты.

При третьей попытке, 9 марта, дело у нас пошло, и мы добрались до Большого флага. Однако, двигаясь дальше, мы не нашли грузов, сброшенных у флага 56. Пропажа продовольствия сама по себе не имела большого значения, так как мы находились в пути всего несколько дней и у нас было еще столько провизии, сколько мы в состоянии были тащить.

Но мы прошли, самым тщательным образом определяясь, всего 15 километров от Большого флага и, во-первых, не увидели ни одного из расставленных через каждые 800 метров флагов, а во-вторых, не смогли различить большую кучу брошенного имущества. Это доказывало, что пурги все погребли под белым покровом снега.

Несмотря на это, мы продолжали двигаться зигзагами вдоль нанесенной на карту линии — два градуса влево, а затем столько же вправо. Так как ураганы налетают из центра Ледникового щита, то дальше от побережья они не должны были достигать такой же силы, и на поверхности могли остаться хотя бы голые бамбуковые палки или пустая консервная банка. Мы пришли бы в полный восторг, если бы нам удалось наткнуться даже на собачий помет! Но кругом, до самого горизонта, мы решительно ничего не видели, кроме снега и теней, отбрасываемых при свете низкого солнца волнообразными застругами. Слишком часто мы видели лишь летящий снег, мириады мелких и твердых, как песчинки, быстро мчащихся крупинок.

Мой дневник (я писал его с трудом и усталый) не отражает того напряженного, беспокойного состояния, в каком я находился, будучи руководителем экспедиции, от которой, как мы думали, зависела судьба человека. Впрочем, запись за 17 марта дает некоторый намек:

«Прошлой ночью мне приснилось, что Огаст вернулся в Базовый лагерь до нашего отъезда. На первый взгляд, с ним все обстояло благополучно, но оказалось, что он сошел с ума».

Был и другой сон, привидевшийся мне несколько раз. Я отправлялся в гости к друзьям в Лондоне. Я доходил до нужной улицы и приближался к дому. Но дальше подъезда не шел. Чтобы открыть дверь, я должен был бы снять с правой руки перчатку, и я знал, что мои пальцы примерзли бы к металлической ручке. Страх перед болью от сдираемой кожи был настолько велик, что я обычно просыпался.

При каждой возможности мы производили определения широты. Но здесь явления не подчиняются правилам. Цитирую свой дневник:

19 марта, четверг. Скотт. День ясный, с небольшим встречным ветром. От подъема до выступления у нас прошло 5 часов 20 минут. (После длительной остановки всегда требуется больше времени, а мороз также способствует задержкам.) Мы двигались 80 минут, затем остановились для

наблюдений. Часы у нас сильно вращались, и оказалось очень удачно, что мы рано остановились. Мартин орудовал с теодолитом (К. записывал), а я — с секстантом. Мартину стоило большого труда отрегулировать прибор, а секстант сразу обледеневал, и производить отсчет было невозможно. Поэтому я проследил за солнцем до его наивысшей точки и затем спрятав прибор (чтобы он оттаял в палатке, и я смог сделать отсчет показаний).

21 марта, суббота. По-прежнему ветер и по-прежнему холодно, двигаться совершенно невозможно. Досадно, но будем надеяться, что это последний ураган. (Эскимосы говорили нам, что должен быть последний бешеный ураган, и мы каждый принимали за последний.) В дороге мы питались неполными рационами, и лакомства припрятали до С. Л. Щ. Заструги огромные. Нарты Мартина совершенно засыпаны, торчит только кусочек дерева.

22 марта, воскресенье. Наконец-то хороший день. Мы снялись со стоянки в 9 и двигаемся быстро, но нарты, в особенности мои, продолжают опрокидываться, что сильно задерживает нас. Заструги поистине ужасные, и весь день дорога почти такая же. Мы шли по румбу 27° , что должно привести нас на широту С. Л. Щ. километров за 25 к востоку от нее. Азимут заструг был 7° . Одна из моих лыж, привязанная поверх груза, сломалась.

23 марта, понедельник. Сегодняшний день принес нам почти одни разочарования. Мы надеялись увидеть самолет и увидеть флаги, однако ни та ни другая надежда не осуществилась. Утро было ясное и безветренное, но с моря быстро надвинулись тучи, и ко времени второго завтрака пошел небольшой снег. Заструги не такие ужасные, но при плохом освещении мы не могли различить, куда двигаемся, и очень часто попадали в беду. Когда мы остановились на ночлег, при температуре в -30° нам казалось, что тепло.

24 марта, вторник. Проснулись после теплой ночи и увидели, что снега выпало только несколько сантиметров; поэтому мы были полны надежд на успешный переход. Ночевавшие в другой палатке чувствовали себя довольно плохо, так как угорели от примуса.

От подъема до выхода в путь прошло почти шесть часов, и за это время начало дуть. Мы пытались двигаться, но поземка оказалась очень сильной, и на расстоянии 50 шагов я не видел остальных нарт, а потому решил, что это небезопасно. Итак, мы с трудом снова разбили палатки. Как только начался ветер, стало очень холодно, но вообще последние сутки было изумительно тепло.

На днях К. проткнул ножом тарелку; я отдал ему свою, так как ел из котелка. Мартин решил выбросить дырявую тарелку, но вместо нее выбросил хорошую.

25 марта, среда. Утром все еще сильный ветер и поземка, но погода улучшилась; в 12.30 мы пустились в путь и двигались хорошо. День был прекрасный, хотя и холодный. Помоему, мы заслуживаем того, чтобы хоть на время установилась хорошая погода.

26 марта, четверг. Сделали 5 километров, затем на месте приблизительно вычислил широту, и оказалось, что мы находимся в 10 километрах южнее широты С. Л. Щ. Итак, мы прошли десять километров и разбили лагерь. Теперь мы точно обработали результаты наблюдений, и они почти совпали, разойдясь всего на полтора километра. Судя по карте, мы должны находиться в 25—40 километрах от станции [к востоку], в зависимости от того, отклонились ли мы от курса к востоку или к западу. Я склонен думать, что наш курс был правильный и ошибка не превышает полутора километров, так что мы находимся от станции в 28 километрах.

Сегодня ночью я снова в палатке с Квинтином.

Р и л и. Прекрасный теплый день. Я ни за что не согласился бы променять его на конторку в каком-нибудь учреждении.

* *
*

(Ниже приводятся записи из дневника, сделанные Курто за тот же период.)

1 марта, воскресенье. Курто. Питеру [его брату] исполнился 21 год. Жаль, что мне нечего выпить за его здоровье. Не забыть сделать ему подарок, когда вернусь. Последние дни прекрасная солнечная погода, хотя по-прежнему холодный северо-западный ветер. Все же, слава богу, удалось добыть два засыпанных ящика с рационами, так что теперь продовольствия хватит до конца апреля, а могу растянуть и до конца мая. Вот уже двенадцать недель, как я здесь один, и свыше четырех месяцев с тех пор, как покинул Базовый лагерь. Хотелось, чтобы хорошая погода удержалась. Я вполне доволен судьбой, если не считать, надоевшей необходимости каждые три часа проползать сквозь туннель. Сменная партия, наверное, вышла в течение минувшей недели прекрасной погоды, и в этом случае при сносной погоде и удаче она может быть здесь к концу месяца. Недурно, конечно, было бы поесть свежего мяса и овощей; удивительно, впрочем, как хорошо можно просуществовать на рационе из консервов. Чего бы я ни дал за миску зеленого горошка, молодой картошки и брюссельской капусты! Если бы я был дома, то, вероятно, обдумывал бы план плавания с У. вдоль западного берега.

3 марта, вторник. Погода все еще довольно хорошая, хотя появляются признаки перелома. Надеюсь, сменная партия находится в пути. Керосину осталось очень мало, и половину дня сижу или лежу в темноте. Уже давно отказался также

от чая по утрам и пью холодную воду, а теперь вечером обхожусь без горячего ужина. Единственной горячей пищей является утренняя овсянка, а для нее нет соли. Впрочем, на такой высоте и без физической работы голода, к счастью, не испытываешь.

Почему забираются в такие места? Приводилось много причин. В старину думали, что движущей силой была погоня за сокровищами, но сокровища исчезли, а люди продолжают странствовать по свету. Затем говорили о жажде приключений. Путешествие на нартах или сидение на Ледниковом щите очень мало похожи на приключение. Может быть, любознательность? Желание снять покров тайны с неведомых явлений природы в самых заброшенных местах? Возможно, но дело не только в этом. Почему мы покидаем всех, кого любим, всех добрых друзей, отказываемся от всех материальных благ, всех духовных благ для того, чтобы приобрести немного теоретических познаний относительно нашей забавной старушки Земли? Чего мы достигаем? Может быть, убегая от мира, мы в сущности морально себя хороним? Может быть, мы просто гнием, подобно растению, выброшенному за садовую ограду, или же, напротив, духовно освобождаюсь от влияния друзей и лишая себя наслаждений плоти, приближаемся к реальности, яснее видим за ней Великую Цель? Как ничтожны все мирские заботы для человека, находящегося в условиях подобных здешним; какими грандиозными и жуткими представляются здесь явления, от которых сердце сжимается страхом, силы, которые вращают Вселенную в пространстве.

Оставив позади преходящие надежды и страхи жалкого человечества, не приближаемся ли мы, быть может, к тому, что пребывает постоянно, к извечным силам?

7 марта, суббота. Три месяца (13 недель), как я здесь один и восемь месяцев с отъезда из дому. Учитывая все обстоятельство, время прошло сравнительно быстро, хотя я не возражал бы против перемены обстановки. Я считаю, что смена, если только ничего не случилось, должна прибыть между 15-м и концом месяца. Если она не явится до конца месяца, я погружусь в темноту и буду есть только холодную пищу. Погода снова переменялась. Последние сутки дул юго-восточный ураган. Снежный дом опять засыпало. Надо попытаться при первой возможности расчистить туннель.

15 марта, воскресенье. Нахожусь здесь 100 дней один. Последнее время погода стояла довольно хорошая, хотя еще основательно холодно. В середине дня солнце такое яркое, что приходится надевать темные очки. Керосина осталось меньше девяти литров. Надеюсь на провидение, что другие придут раньше, чем он кончится, иначе мне нечего будет пить. Уменьшил нормы пищи и съедаю в день граммов 400. Этого, впро-

чем, достаточно. Все же сидеть большую часть дня надоедает. В короткие светлые промежутки снова читаю «Сагу о Форсайтах». Исключительно хорошо.

19 марта, четверг. Третьего дня вечером я не закрыл как следует отверстие, и снежный дом совершенно засыпало. Наполнил снегом жестянку из-под галет и пять банок из-под маргарина, но не смог выбраться. Подумал было проделать отверстие в своде туннеля, но вспомнил, что снаружи над ним около 2 метров снега. Затем решил расчистить вход в другой снежный дом и прорубить дыру в его крыше. Лежа скорчившись в туннеле, я долго разгребал снег и добрался до левого дома, но, начав прорубать отверстие, обнаружил, что над крышей большой сугроб. Я считал, что не смогу пробиться достаточно высоко и вылезть наружу, но затем, проложив себе путь сквозь полутораметровый слой снега, очутился у поверхности и с большим трудом выкарабкался. Не представляю себе, каким образом прикрыть это отверстие. Колодец слишком длинный, чтобы можно было затыкать его ящиком из-под рационов, как я это делал в другом доме, а если я отброшу снег наверху, получится яма, которую засыплет, и тогда я навсегда буду замурован.

22 марта, воскресенье. Мои предположения оправдались: не успел я обезопасить новый выход от заносов, как задул ветер, не прекращающийся до сих пор; навалило такую массу снега на ящик, что теперь я не могу его поднять и оказался окончательно погребенным. Керосин на исходе, и вообще все складывается довольно уныло, особенно если принять во внимание, что, насколько я могу судить, снаружи ясная хорошая погода. Только что перечитал последнее письмо У. Это единственное из оставшихся у меня занятий, доставляющее подлинное удовольствие. Если бог поддерживал меня до сих пор, то, может быть, не покинет и в дальнейшем. Хотелось бы знать, что со всеми дома.

25 марта, среда. Завтра пять месяцев, как я покинул Базовый лагерь. После такого срока питания санным рационом неплохо было бы переменить диету. Снег все еще идет. [Он уже не был в состоянии откопаться.]

Список удовольствий, о которых я мечтал на станции «Ледниковый щит» 25 марта

Если бы от желаний был какой-нибудь прок, я хотел бы насладиться следующими удовольствиями:

1. Сидеть в кресле перед пылающим камином и слушать, как У. играет и поет.

2. В 8 часов утра прекрасного летнего дня в море у руля маленького судна, дует свежий бриз, на всех парусах с У., и аппетитный запах завтрака, поднявшийся на палубу пожелать доброе утро.

3. Улечься в постель с чистыми простынями и в чистой пи-
жаме.

4. Ясным осенним утром есть в саду яблоко перед завтра-
ком (грандиозным): копченая рыба, яйца пашот⁷¹, почки и
грибы, холодная куропатка.

5. Принять горячую ванну.

* *

*

(Я возвращаюсь к нашей спасательной партии, повернувшей
к западу вдоль 67-й параллели и приступившей к поискам
станции.)

27 марта, пятница. С к о т т. Снежное утро, и мы пустились
в путь только в полдень. К несчастью, прояснилось слишком
поздно для того, чтобы можно было определить широту. Мои
собаки решительно не хотели держаться нужного курса, так
что К. шел впереди, я вел две упряжки, а Мартин следил за
компасом. Было очень тепло, и я снял штормовую куртку,
шапку и рукавицы. Я предполагал проделать всего около
11 километров, но видимость оказалась довольно хорошей,
и мы как будто видели на большое расстояние по обе сто-
роны пути; поэтому, двигаясь быстрым шагом, мы сделали
пятнадцать километров... Мы должны определить [широту],
прежде чем уйдем отсюда, но вечером идет снег.

28 марта, суббота. Весь день дуло с юго-востока; снег то
шел, то прекращался, но производить наблюдения и дви-
гаться невозможно. Тщательно изучив наш курс, я пришел к
выводу, что мы, вероятно, совсем близко и потому не сле-
дует допускать ни малейшего риска.

Читал «Генри Эсмонда»⁷².

29 марта, воскресенье. Погода такая же гнусная.

30 марта, понедельник. Все та же погода. Ветер дул с юго-
востока, но теперь стих и снова идет снег.

31 марта, вторник. Настоящий у р а г а н с северо-запада.

1 апреля, среда. Ветер несколько тише, но дымка, ограни-
чивающая видимость до 400 метров. Мы встали и откопали
нарты в надежде, что удастся двинуться дальше. Затем мы
произвели наблюдения. Ветер все же настолько сильный, что
страшно встряхивал ртуть в секстанте, и мои наблюдения
ничего не дали. Затем выяснилось, что наблюдения Мартина
безнадежны, показания беспорядочно скакали вверх и вниз.
Что-то неладное с теодолитом. Итак, мы поработали на силь-
ном холоде без всякого толка и при плохой видимости не
могли пуститься в путь. Неприятная первоапрельская шутка.

2 апреля, четверг. Настоящий у р а г а н и холод. Я накормил
собак двумя кусками пеммикана и жира. Читал «Мона-
стырь и очаг»⁷³.

3 апреля, страстная пятница. Перед выходом произвели на-
блюдения. Мои оказались никудышными, но Мартину на

одном верньере удалось получить $67^{\circ}04'23''$. Итак, мы прошли 2—3 километра к югу, затем 13,5 к западу, но не увидели никаких признаков станции. Это внушает беспокойство, но, возможно, она дальше к западу.

4 апреля, суббота. Подъем в 4, но прежде чем мы вышли из палатки, пошел снег и поднялся ветер. Час спустя ветер переменялся и стал дуть не с востока, а с юга; так продолжалось целый день. Сейчас идет снег, но ветер очень слабый. Видимость, конечно, безнадежная, и никаких шансов на наблюдения. Гнусно.

Р и л и. Дело принимает серьезный оборот.

5 апреля, пасха (воскресенье). Скотт. Встали рано, хотя погода сомнительная. Сплошная облачность и легкий снежок, но горизонт вокруг виден, и мы пустились в путь. Сделали около шести километров, и тогда горизонт затянуло дымкой. Мы остановились и стали ждать полудня, чтобы определить широту. Солнце за облаками было очень тусклым, и мои наблюдения оказались неудовлетворительными. Мартину удалось сделать только три отсчета, но его наблюдения дали точно $67^{\circ}05'06''$, хотя полагаться на них, конечно, нельзя. Впрочем, они совпадают с другими, и все же, если так, то это внушает сильную тревогу, ибо станция должна находиться самое большее в шести с половиной километрах к западу, и даже это мало вероятно, а мы не знаем, держаться ли нам, двигаясь обратно параллельно этой линии, к северу или к югу от нее.

Перед сегодняшней кормежкой у нас оставалось двадцать три бруска пеммикана. Я дал собакам два бруска вместо трех, но на такой норме они долго не протянут. Поэтому я решил, что мы должны начать убивать собак, так как в том случае, если мы не найдем станции, необходимо сохранить одну упряжку, которая смогла бы без предварительного отдыха совершить обратное путешествие. Упряжка Джино будет наилучшей. Вечером я убил Аугута и вместе с Мартином разрубил его на куски. Но только Ангус, Кумусок, Капок, Кинилик, Пуйоке и Кисперкут ели с удовольствием. Кроме того, я дал один брусок пеммикана и жир. Если только погода будет сносная, мы должны отыскать станцию. Ясная погода означает надежные наблюдения, хорошую видимость и шансы на появление самолета. Но давление исключительно низкое — наши три барометра показывают 704 миллибара, около 45 дюймов и 54 сантиметра. Так тянется уже давно. Сомневаюсь, чтобы мы могли пробыть здесь больше трех или четырех дней, потому что дальнейшая задержка, вероятно, повела бы к развалу упряжек, а это сорвало бы выход в новый маршрут, если он окажется необходимым.

К. открыл предназначенный для С. Л. Ш. ящик — теперь осталось мало надежд на то, что станцию удастся сохра-

нить — и угостил М. и меня в качестве пасхального подарка табаком. Мы устроили также праздничный чай с вареньем.

Р и л и. После завтрака я прочел всю обедню. Хотелось бы мне иметь возможность причаститься. Мне не хватает этого... Мы можем разыскивать станцию еще всего три дня, а затем придется вернуться в Базовый лагерь. Молю бога, чтобы мы успели найти Огаста, иначе ему тяжело достанется. Он может уйти, но для этого ему необходимо снять палатку... Конечно, он мог уже это сделать, и вот почему мы не обнаружили станции.

* *
*

[После 25 марта следующая запись в дневнике Курто относится к той же дате, 5 апреля. С 21 марта он оставался погребенным и почти без керосина — как для подогревания пищи, так и для освещения. Вот его запись в день пасхи.]

5 апреля, воскресенье. Кур т о. Уже четыре месяца, как я один. Никаких признаков смены. Керосина осталось только с чашку и несколько свечей. Почти все время приходится лежать в темноте. Шоколад кончился, и табак на исходе (всего полкисета). Какая разница по сравнению с прошлогодней пасхой в Фалмуте или с позапрошлогодней в Абботсбари. Чего бы я не отдал за то, чтобы снова находиться в одном из этих двух мест или быть с Вами, моя любимая. Если бы не существовало Вас, о ком я думаю, лежа в темноте без сна, то жизнь была бы невыносимой. Хотелось бы знать, что Вы сейчас делаете. Если бы я был уверен, что Вы счастливы, то примирился бы со своей судьбой. Но я полностью надеюсь на бога. Не сомневаюсь, он не допустит, чтобы я умер здесь в одиночестве и больше никогда не увидел Вас. Если бы я сомневался, я не мог бы петь Ваши песни и сохранять бодрость. О, этот роковой день 9 месяцев назад [когда «Квест» вышел из Лондонского порта]. Зачем только я покинул Вас?

6 апреля, понедельник. Ск о т т. Проснулся рано и услышал, как снег падает на крышу палатки. Позже погода улучшилась, и в 9.15 мы выступили. Разъяснило прекрасно для точного определения широты. Мартин и я разошлись всего на 5 секунд. Мои наблюдения показали $67^{\circ}02'10''$, что находится в соответствии с последним достоверным определением, сделанным нами как раз перед тем, когда была достигнута параллель станции. Итак, мы прошли тем же курсом около 4 километров. Затем, проделав 43 километра вдоль 67-й параллели и просмотрев местность еще на 4—5 километров дальше, мы решили, что, вероятно, миновали станцию, а потому сделали переход в 3 километра к северу, повернули оттуда обратно [к востоку] и двинулись параллельно прежнему курсу. Как могли мы не заметить станции, непонятно, разве только она совершенно занесена снегом.

Идти было очень приятно, но когда мы разбили лагерь, похолодало. Я подобрал мертвую пуночку, околевшую, вероятно, прошлой ночью. Собаки находились в очень хорошем состоянии. Прилети теперь самолет, мы обязательно отыскали бы станцию, если ее вообще можно отыскать. Даже без самолета мы, конечно, должны увидеть ее, если у нас хватит времени проделать обратный маршрут, двигаясь, как теперь, в трех километрах севернее нашего прежнего курса, а затем снова в трех километрах южнее его.

7 апреля, вторник. Р и л и. Мы продолжали идти в полутора километрах к С. от широты станции. Это подтвердилось полуденным наблюдением. Всего мы сделали 20,3 километра. Очевидно, мы прошли мимо станции и находимся теперь к востоку от нее. Завтра мы пройдем 1,5 километра к югу, окажемся точно на 67° широты и будем двигаться вдоль этой параллели 20—22 километра. Коль скоро мы не наткнулись на станцию, боюсь, что с Огастом случилось несчастье, и он умер, ибо мы должны были проходить в полутора километрах к югу и к северу от станции, а она, как нам известно, на таком расстоянии видна. Приходится, следовательно, сделать вывод, что он умер уже некоторое время тому назад, иначе станцию не могло бы полностью занести снегом, как это, очевидно, произошло. Впрочем, завтра мы, возможно, ее отыщем. Если нет, то без радиоприемника для приема сигналов времени нам ничего не удастся сделать.

С к о т т. У нас осталось минимальное количество корма для собак. Вечером было пасмурно и дуло с севера. Только бы не наступил снова период непогоды.

8 апреля, среда. Полное отсутствие видимости. Сначала шел снег, а затем дул северный ветер скоростью в 40 км/ч.

9 апреля, четверг. Видимость все еще безнадежная. Теперь нам не остается ничего другого, как двигаться вдоль параллели между двумя прежними маршрутами и молить бога, чтобы мы нашли станцию. Читаю «Монастырь и очаг» — хорошая книга, написанная циником, обладавшим чувством юмора, и она отвлекает меня от всей гнусности нашего положения.

Р и л и. Вчера вечером у меня был приступ снежной слепоты.

10 апреля, пятница. С к о т т. Мы потерпели поражение. Встали рано и вышли в 8.45, ясный день с очень хорошей видимостью. Мы двигались зигзагами на протяжении трех километров. Примерно в километре я увидел один из наших старых флагов и подошел к нему, чтобы окончательно удостовериться. [Отклоняясь то к северу, то к югу, мы поставили несколько контрольных флагов.]

Затем мы прошли 20 километров вдоль параллели между нашими двумя прежними маршрутами. Примерно каждые

300 метров я вставал на нарты и осматривался, но нигде ни малейшего признака станции. На протяжении последних нескольких километров местность была явно неподходящая — совершенно плоская во все стороны. Итак, мы повернули домой и сделали 4,2 километра, прежде чем разбили лагерь.

Теперь нам надо было спешить домой. Корма для собак при полной норме мы имели только на четыре дня. При двух третях нормы его хватит на шесть дней. Продовольствия для людей тоже было не слишком много. Не постигаю, почему мы не увидели станции — разве только Огаст «парангилак» [умер от несчастного случая], и она совершенно занесена снегом, или же мы окончательно напутали с долгой, чего я себе не представляю. Как бы там ни было, не думаю, чтобы мы могли принести какую-либо пользу, оставаясь здесь, потому что это неизбежно означало бы гибель большей части собак, а если нам теперь удастся быстро добраться назад, можно будет предпринять еще одну попытку.

Рили. Бедные родные Огаста и бедная Молли [девушка, которую Курто в своем дневнике называет У.]. Если только он не ушел, им предстоит пережить по меньшей мере шесть недель неизвестности.

* *
*

«Если нам теперь удастся быстро добраться назад, можно будет предпринять еще одну попытку».

Двигаясь первые несколько километров после того, как я принял решение вернуться, мы не переставая посматривали по сторонам. Но затем все надежды пришлось возложить на быстроту. Мы не могли развить большую скорость. Видимость, однако, теперь не имела значения (мы двигались по компасу в любую погоду), и мы спали не больше четырех часов в сутки. На седьмой день мы вышли почти точно к Большому флагу.

Это было хорошо, но не вполне. Это означало, что мы не уклонялись в сторону от пути, но в то же время давало повод думать, что мы двинулись в путь именно оттуда, откуда предполагали. Отправившись от того места, где находится станция «Ледниковый щит», мы отыскивали Большой флаг; почему же, отправившись от Большого флага, мы не смогли отыскать станцию «Ледниковый щит»?

У Большого флага мы нашли ящики с рационами и снаряжение, оставленные партией Стефенсона. После того как мы покинули Базовый лагерь, Стефенсон, Чепмен и Бингхем должны были отправиться к горе Форель и к Кангердлугсуаку. Очевидно, они рано вернулись. По всей вероятности, погода для них оказалась слишком плохой. Существенно, однако, то, что в Базовом лагере должно быть больше собак. Это, во всяком случае, хорошо.

Торопясь, мы гнали упряжки прямо через трещины, занесенные теперь снегом и ставшие безопасными. К закату мы достигли вершины «Пугало-стены». Мы остановились, как обычно это делали, в том месте, откуда впервые открывается вид на Базовый лагерь. Собаки немедленно легли, растянувшись на боку и высунув язык. Мы сидели на нартах и смотрели вниз вдоль склонов ледника, которые сначала падали круто, как подъем ноги, а затем становились более пологими по мере того, как пальцеобразные нижние выступы подступали среди первых голых скал к краю замерзшего моря. Дальше расстилался фьорд, серый от начавшего таять весеннего снега, а затем мыс, на котором стоял барак Базового лагеря, в сумерках на таком расстоянии неразличимый.

Мы спешили, чтобы остановиться здесь лагерем на самые темные часы, но, очутившись так близко от цели, почувствовали, что не в состоянии задерживаться. Мы разбудили собак и заскользили вниз по «Пугалу». Там нарты застряли в мягком глубоком снегу. Мы оставили их, выпрягли собак и зашагали в темноте.

Температура, вероятно, была около нуля, но нам, привыкшим к 45—50° мороза, она казалась расслабляюще теплой. Наши канадские лыжи глубоко проваливались в снег, который набивался в отверстие в их верхней части, так что при каждом шаге приходилось поднимать огромную тяжесть. Пожалуй, мы испытывали главным образом психическую усталость, но, как бы там ни было, я чувствовал себя совершенно разбитым. Обычно Базовый лагерь являлся магнитом, который притягивал нас все сильнее и сильнее, несмотря на утомление. Но теперь он отталкивал: я не хотел очутиться там. Я думал о том, как все проснутся и поспешно вскочат с коек, засыпая вопросами: почему мы вернулись без Огаста? Я был уверен, что для этого имелась основательная причина, но забыл, какая именно. С трудом бредя по мокрому рыхлому снегу, неохотно приближаясь к спящему барaku, я находился морально и физически в таком угнетенном состоянии, в каком надеюсь больше никогда не быть.

Как только собаки в лагере, почуяв приближение наших собак, принялись выть, из барака вышли в пижамах сначала Чепмен, а за ним Джино.

Джино выслушал наш рассказ с полным спокойствием и немедленно занялся подготовкой грузов и снаряжения для следующего путешествия, а также составлением радиограммы в Англию. Он сказал мне, что я поступил правильно, повернув при создавшихся обстоятельствах назад, так как благодаря этому не упущено время для второй спасательной экспедиции. По его словам, продовольствие у Курто еще должно оставаться, а погода теперь более подходящая, так что можно захватить с собой радиоприемник для приема сигналов

времени и разыскать станцию путем точного определения курса.

Не думаю, однако, что Квинтин, Мартин и я были полны надежд, когда, едва держась на ногах от усталости, мы забрались на свои койки. Конечно, Джино найдет станцию. Но застанет ли он Курто живым и здоровым? Закрывая глаза, я видел перед собой Ледниковый щит, каким он был, когда мы рыскали взад и вперед. Тени от снежных сугробов вводили в заблуждение, подобно камуфляжу. Но ведь мы должны были проходить вблизи от станции. Мы должны были увидеть ее, если бы она все еще выступала над поверхностью. Следовательно, палатка и Огаст Курто в ней, вероятно, погребены. А люди погребенные обычно бывают мертвы.

Глава 11

КУЛЬМИНАЦИЯ

Последняя стадия может быть описана с четырех различных точек зрения — Курто, участников второй спасательной партии, членов экспедиции, ожидавших в Базовом лагере, и широких общественных кругов в Англии и остальных странах мира. Мы остановимся в основном на первых двух и вкратце на третьей; но нельзя совершенно оставить в стороне и четвертую, ибо это был все же Ледниковый щит, таинственный Ледниковый щит, внушавший такую тревогу и потому призывавший к энергичным действиям. Итак, я попытаюсь при описании событий сочетать все четыре точки зрения.

В то время, как Линдсей, Рили и я спешили в Базовый лагерь, Курто 13 апреля записал в своем дневнике: «Сегодня выкурил последнюю трубку табаку. Теперь не осталось почти ничего, ради чего стоило бы жить. Свет приходится зажигать только на время еды, которая состоит из слегка подогретой овсянки, галет, холодного пеммикана и маргарина. Это означает, что в доме очень холодно, и он до самого потолка покрылся инеем. Выйти наружу по-прежнему невозможно. Ноги продолжают мерзнуть; приходится все время снимать носки и согревать ноги руками. Керосин почти весь вышел, свечи также. Думаю, я скоро буду вынужден сосать снег. Пока что ограничиваюсь пол-литром воды в день и четырьмястами граммами пищи. Хотелось бы знать, находится ли «Кериед» сейчас в плавании. Чего бы я ни дал, чтобы очутиться на нем и есть говядину с луковым пудингом. Я отдал бы один глаз, чтобы быть теперь дома с Вами, моя дорогая, и видеть Вас, а не только подаренную Вами бедную старую трубку, для которой у меня нет табаку».

Как я уже сообщал, мы достигли Базового лагеря в 12 часов ночи с 17 на 18 апреля. 18-го в три часа утра Джино закончил все приготовления к выходу с Чепменом и Раймиллом во вторую спасательную экспедицию. (Думаю, он предвидел такую возможность, так как партия Стефенсона, пытавшаяся достичь района горы Форель, вынуждена была преждевременно вернуться назад.) Он набросал также донесение Экспедиционному комитету в Лондон, которое Лемон должен был передать, как только наступит установленный графиком срок для работы его радиостанции. В радиограмме сообщалось, что моя партия вернулась, не разыскав станции; впрочем, вследствие тяжелых условий погоды мы могли пройти в четырехстах метрах, не заметив ее. Джино добавил, что у Курто, наверное, есть еще продовольствие и что он, Уоткинс, с часу на час поведет другую спасательную партию. Однако в заключение он писал: «Не исключена возможность смерти или болезни Курто, и в этом случае станция, вероятно, совершенно занесена снегом».

Как легко себе представить, такое сообщение вызвало в Англии определенную реакцию.

Непогода на три дня задержала выход Уоткинса. Пока участники его партии ожидали в Базовом лагере, собаки, которые должны были тащить их нарты, рыскали вокруг барака и копались в мусоре среди таявшего снега. На уровне моря зима уже сдала свои позиции.

20 апреля Курто на несколько минут зажег свечу и записал: «Осталась всего одна свеча. Керосина почти нет. Целый день лежал в темноте, обдумывая идеальное плавание и идеальный обед. Ступня левой ноги распухла. Надеюсь, это не цинга».

На следующее утро, 21 апреля, спасательная партия выступила в путь. Стефенсон, Уэйджер, Бингхем и я вышли с ней, чтобы помочь преодолеть первые крутые склоны. Попрощавшись, мы долго следили за тремя нартами, удалявшимися, двигаясь друг за другом, к краю белого горизонта. Затем нам больше ничего не оставалось, как вернуться в Базовый лагерь и ждать возвращения товарищей — через три, или шесть, или даже восемь недель.

Вряд ли кто-нибудь из нас сомневался в том, что они отыщут станцию. На Ледниковом щите зима сменилась летом. Снежная поверхность была гладкая, и погода сравнительно мягкая. Поэтому партия взяла радиоприемник для приема сигналов времени и могла определять свое местонахождение с точностью до ста кв. метров. Все ее участники были опытными штурманами, в особенности Раймил. Именно он впервые определил координаты станции «Ледниковый щит», когда организовал ее прошлым летом. Он, Джино и Фредди, конечно, найдут палатку, если даже им придется перерывать весь снег

над определенным ими участком... Но что обнаружат они внутри? Никто из нас, остававшихся в Базовом лагере, не мог ни за что поручиться. Мы жили в напряжении и тревоге.

22 апреля, на следующий день после того, как партия Джино исчезла за белым горизонтом, мы получили по радио первый отклик на донесение в Англию. Экспедиционный комитет выражал большое беспокойство за судьбу Курто и задал ряд вопросов. Лемон ответил на них и добавил, что Уоткинс не считает положение безнадежным и что все возможные меры приняты. Откровенно говоря, мы были несколько повышенно чувствительны.

Это было все, что мы в Гренландии в то время знали о происходившем в Англии. Но 23 апреля Комитет решил опубликовать имевшиеся в его распоряжении сведения и направил краткое сообщение в газету «Таймс», которой принадлежало право опубликования материалов о нашей экспедиции. На следующий день «Таймс» напечатал это сообщение под заголовком: «Опасения за судьбу Курто».

Дело вряд ли могло этим ограничиться. Другие газеты подхватили. Вопрос шел о представителе знатной семьи, которую или о которой все знали, «брошенном на Ледниковом щите». В последующие дни было опубликовано несколько любопытных заметок. Одна из них имела заголовок: «Ему грозит опасность от волков». Самая интересная (если бы кто-нибудь из нас был расположен по достоинству оценить ее) появилась в одной французской газете. В корреспонденции сообщалось, что мадемуазель Огюстин Курто, единственная женщина — участница экспедиции, провела зиму одна в 225 километрах от остальных и что все попытки мужчин добраться до нее оказались безуспешными.

Впервые за миллионы лет существования Ледниковый щит попал в газеты, но как искаженно его изображали!

Тем временем, продвигаясь по Ледниковому щиту примерно по 16 километров в день, Уоткинс, Раймил и Чепмен держали курс точно на станцию. Больше всего страдали они от солнечных ожогов, от которых трескались губы, а лица с лупившейся кожей были исключительно чувствительны к дувшему еще по временам холодному ветру.

В то же самое время объект их поисков 26 апреля записал в дневнике: «Ровно шесть месяцев, как мы покинули Базовый лагерь и начали питаться санными рационами. Нахожусь здесь один 20 недель. Все кончается. Жгу последнюю свечу. Керосина очень мало. Что буду делать с водой для питья, не знаю. Осталось всего две галеты. Через четыре дня рационы кончатся, но, к счастью, у меня имеется запас пеммикана и маргарина. Так как кипятить чай мне не на чем, я его курю».

На следующий день мы получили в Базовом лагере радиogramму от Комитета с сообщением, что мощный шведский

самолет, зафрахтованный им и пилотируемый капитаном Аренбергом, вылетает к нам из Мальмё через Исландию, чтобы помочь установить местоположение станции и сбросить продовольствие санной партии. Разрабатывались также планы посылки ледокола с горючим и другими грузами.

Перед нами приоткрылась та оживленная деятельность, которую наше краткое донесение вызвало в Англии. Кроме того (и это было более существенно), мы поняли, что сообщения о Курто, очевидно, стали достоянием гласности. Мы держали связь только с Комитетом и в нашей изолированности наивно предполагали, что пресса и широкая публика ничего не знали. Но если проектируется вылет спасательного самолета, значит тайны никакой нет. Отсутствие известий породит слухи. Мы боялись также, как бы не явились посторонние «спасать» нас. Поэтому мы составили и отправили подробное сообщение в «Таймс». В нем давался полный отчет обо всех обстоятельствах, приведших к теперешнему положению. Мы старались дать понять, что нами делается все необходимое.

Наша статья была напечатана 30 апреля. Но к этому времени заметки о Ледниковом щите уже не сходили с первых страниц большинства английских газет и многих зарубежных. В одной из них сообщалось: «От Огастайна Курто... находящегося в одиночестве на Ледниковом щите в Гренландии, сегодня получена радиограмма, гласящая: «Нахожусь совершенно без пищи». При всей нелепости и аморальности такого сообщения оно оказалось чрезвычайно близким к истине.

1 мая Курто записал в дневнике: «Никаких признаков смены. Скоро придется подумать о том, чтобы уйти, если я смогу выбраться. Галеты кончились, свечи также. Жгу восковую лыжную смазку, но от нее отвратительный чад. Сахару нет, так как последняя банка осталась снаружи. Рационы кончились, но у меня еще имеется порядочное количество самого необходимого, хотя лимонный сок [единственное антицинготное] на исходе, что очень серьезно».

Плохая погода задержала моноплан капитана Аренберга. Тем временем Хемптон в Ангмагсалике, в 50 километрах от Базового лагеря, прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы привести в годное для полета состояние один из наших двух маленьких «мотыльков». Оба сильно пострадали от льда и штормов. Из-за отсутствия запасных частей Хемптону пришлось пустить в ход плавник и бельевого материал.

Но не только Аренберг собирался прибыть к нам на самолете. Мы уже несколько раз слышали по радио о профессоре Александре Юхансене (он всегда подписывался полным именем), который на исландском сторожевом судне направлялся к краю пакового льда, собираясь оттуда лететь. Его радио-

граммы напоминали анкеты. (Впоследствии мы узнали, что на борту находился газетный корреспондент.) Проектировался еще ряд спасательных экспедиций, о которых мы не знали, так как они готовились втайне. Английская печать упоминала о возможности «помощи Б.В.В.С.» *

Однако все эти доблестные добровольцы не могли преодолеть одно основное затруднение — почти абсолютную недоступность Ледникового щита в это время года. Всякому направлявшемуся к нам самолету для взлета были необходимы колеса или поплавки. В Гренландии единственными посадочными площадками являлись фьорды, а они были еще скованы льдом. Посадка там без лыж грозила поломкой. За замерзшими фьордами море было загромождено тяжелыми паковыми льдами, двигавшимися к югу из полярного бассейна. В ближайшие недели сквозь них не мог бы пробиться даже ледокол.

Привожу запись из моего дневника, сделанную 2 мая в Базовом лагере: «Мы заканчивали завтрак, когда прибыл Хем с сильно залатанным самолетом и новостями [полученными от датского радиста в Ангмагсалике] о том, что профессор Алекс вылетел рано на рассвете [с наружной кромки пакового льда], но немедленно совершил посадку, так как мотор отказал, после чего вернулся в Рейкьявик. Мы изумлены. Затем мы услышали, что Аренберг вылетел [из Рейкьявика] в 11.40 и просит нас устроить «побольше дыма». Хем, Д'Ат и я спустились на лед с тазом, нефтью и керосином и поддерживали великолепный огонь до 7 ч. веч., когда слышали, что Аренберг вернулся из-за тумана.

Утром Д'Ат и К. вылетели внутрь страны [в район Ледникового щита] с кормом для собак. [Это был первый полет Квинтина.] Но, покрыв 110 километров, они вернулись — тоже из-за тумана».

После чудовищных усилий, какие потребовались от Хемптона, то обстоятельство, что Д'Ат и Рили не видели с «мотылька» санной партии, явилось крупной неудачей. Впрочем, это могло означать, что Уоткинс, Чепмен и Раймил ушли дальше, чем на 110 километров. В общем мы были возбуждены и довольны.

Естественно, после того как партия Уоткинса 21 апреля вышла в путь, мы больше ничего не сообщали о ней в Англию. Сообщать было нечего. Если три недели нет известий, то хотя это не обязательно хороший признак, но, во всяком случае, и не плохой. Однако некоторые газеты истолковали наше молчание иначе. Одна лондонская вечерняя газета утверждала: «Теперь в ледяных просторах Гренландии затерялось четверо англичан».

* Британских военно-воздушных сил.

В течение первых дней мая число проектировавшихся спасательных экспедиций увеличилось. 4 мая появился заголовок: «Семь спасательных экспедиций в Арктику». Фактически только две из них сдвинулись с места — профессор Александер Юханссен, добравшийся до края пакового льда и вернувшийся, и капитан Аренберг, ожидавший в Исландии летной погоды и храбро готовившийся подвергнуться риску разбиться на гренландском льду.

Конечно, ни в Гренландии, ни на сотни километров вокруг никаких корреспондентов не было. Однако 5 мая появилась статья с подзаголовком «Ангмагсалик, Гренландия, понедельник», гласившая: «Вряд ли существует другой занавес, за который было бы столь же трудно проникнуть, как за тот, что пустынные арктические просторы задерживают за людьми, отрезанными от аванпостов цивилизации. Неудача упорно преследует попытки тех, кто разыскивает Курто, и эта задача становится еще более трудной, и надежда на успех более проблематичной в связи с исчезновением Уоткинса, Раймила и Чепмена, участников Британской арктической экспедиции по изысканию воздушной трассы, две недели тому назад отправившихся на нартах для поисков Курто.

Они захватили продовольствия всего на несколько недель, и опасения за их судьбу усиливаются с каждым часом, так как от них нет ни слова. Предполагают, что они скитаются где-то по обширному ледяному пространству внутри страны.

Спасательные операции ведутся с лихорадочной энергией...»

Как оказалось, 5 мая было днем кульминации — тихой кульминации, приличествующей Ледниковому щиту, которому при всех его недостатках свойственна известная величественность. Вечером 3 мая Уоткинс, Раймил и Чепмен разбили лагерь, по их расчетам, в нескольких километрах от станции. Следующее утро началось ураганом и пургой. Они решили оставаться на месте до тех пор, пока не будут в состоянии точно определить свое местоположение.

Вечером прояснилось. Было уже слишком поздно, чтобы произвести наблюдения, но, не сняв палатки, они разошлись на лыжах в разные стороны на поиски. Уоткинс и Чепмен вернулись часов в десять, Раймил в полночь. Они обрыскали порядочное пространство, но никто из них не видел никаких признаков станции.

5 мая стояла чудесная погода. Они установили теодолит и антенну для приема сигналов времени, произвели определения долготы и широты. Тщательно, никем не подгоняемый Раймил обработал результаты. Партия находилась в полутора километрах к северо-западу от станции.

Уоткинс, Раймил и Чепмен стали на лыжи и каждый вел на поводу собаку. Они разошлись, чтобы занять места с про-

межутками примерно в 400 метров. Затем все трое стали двигаться к той точке, где должна была находиться станция.

Ледниковый щит, как известно читателю, кажется плоским, но на самом деле покрыт широкими и очень пологими валами. Так как местность кругом бела и однообразна, вы склонны предполагать, что можете видеть все вокруг, между тем как на самом деле часть пространства в каждом углублении скрыта от взора. Три человека шли под прямым углом к валам. Они поднялись на вершину одного из них и все одновременно увидели перед собой какой-то небольшой темный предмет. Они бросились к нему. Очень скоро им стало ясно, что перед ними лохмотья полузасыпанного снегом английского флага. Виднелись также верхушки нескольких метеорологических приборов, но окружавшая двор стена, оба снежных дома и сама куполообразная палатка совершенно исчезли. Ледниковый щит сделал то, что всегда бесстрастно делает со всяким инородным телом — похоронил его. Без непрерывного противодействия он похоронил бы его, уничтожил все следы еще четыре или пять месяцев назад...

Только начав взбираться по склону кургана, они заметили, что медная труба вентилятора чуть-чуть выступает над поверхностью.

Уоткинс стал на колени над нею, окликнул Огаста и несколько мгновений, показавшихся очень длинными, ждал ответа

* *

*

Курто. 6 мая, среда. Пишу на нартах на пути в Базовый лагерь.

Вчерашний день был величайшим в моей жизни. В понедельник меня весь день мучила мысль о том, что 5 мая — какая-то знаменательная дата. Я не мог вспомнить, чтобы это был чей-то день рождения или годовщина какого-нибудь события, а потому решил, что должна явиться смена. Вчера (5 мая) примус испустил последний вздох, когда я растапливал снег для завтрака. Лежа в своем мешке после этой, так сказать, трапезы, состоявшей из кусочка пеммикана и маргарина, я решил, что 1 июня, если только можно будет выбраться, мне придется пуститься в путь пешком. Вдруг раздался ужасный шум, словно рядом промчался автобус, потом последовал какой-то воющий звук. Я чуть не подскочил от испуга. Неужели дом собирается в конце концов завалиться? Секунду спустя я все понял. Это был кто-то, чей-то настоящий человеческий голос, кричавший в вентилятор. Это было чудесное мгновение. Я не мог сообразить, что нужно делать или говорить. Запинаясь, я заорал в ответ какую-то чушь. «Ура!» — крикнули они. — «С вами все в порядке?» — «Да, славу богу, вы пришли. Я совершенно здоров». — «Слава богу», — сказали

они. То были Джино и Фредди, они радовались не меньше, чем я. Казалось, весь мир вывернулся наизнанку. Только что я лежал в темноте, размышляя, удастся ли мне когда-нибудь снова увидеть людей или попасть домой, а через секунду возвращение домой стало близко к осуществлению. Светило яркое солнце, говорили они снаружи. Определяясь по приборам, они добрались до места, отстоявшего отсюда в трех километрах, разбили там лагерь и вышли на лыжах на поиски станции. Они рассказали о многих событиях. Как оказалось, в марте Джеми, Мартин и Квинтин были где-то поблизости, но не смогли найти станцию; как только они вернулись, Джино, Фредди и Джон Раймил пустились в путь, имея с собой самые совершенные навигационные приборы, и добрались до меня из Базового лагеря за пятнадцать дней. По их словам, дорога великолепная, и я смогу ехать весь обратный путь. Услышав это, я почувствовал невероятное облегчение, так как при моей слабости я не был в состоянии идти пешком или на лыжах. Вскоре Джино пробил дыру в крыше, и я увидел ослепительный солнечный свет и голубое небо; свет слепил меня даже сквозь темные защитные очки. Мгновение спустя они прыгнули в дыру, и мы пожимали друг другу руки и благодарили бога за то, что все кончилось благополучно. Они рассказали мне о многих полетах, совершенных зимой для поисков станции, и об авариях самолетов, о трудности передвижения на нартах вдоль побережья из-за полыней, об ужасных ураганах, отличавшихся в этом году никогда прежде невиданной силой и делавших невозможным путешествие зимой, о том, что Уэйджер чуть не погиб, провалившись в трещину, о том, как Д'Ату повредило руку пропеллером самолета, о том, что Б. и Р. поженились и уехали в Америку, о дружелюбном отношении эскимосов...

Они вытащили меня через крышу, и я почувствовал себя очень ослабевшим после того, как почти два месяца провел погребенный под снегом. Все же я смог медленно двинуться на лыжах к лагерю, но на половине пути меня встретил Джон с нартами, и дальше я ехал. Все было так хорошо, что казалось неправдоподобным. Снова очутиться в сухой теплой палатке, где ревет примус, полно еды и света. Оказалось, что я смог съесть лишь очень мало, и я не пытался заставлять себя. Я находился и все еще нахожусь в состоянии невероятного блаженства. Подумать только, что моя вера в божье милосердие так чудесно оправдалась и что теперь я с комфортом еду на нартах теплым ранним летом и возвращаюсь к добрым друзьям, которых мог никогда больше не увидеть, а затем позже летом я поплыву на юг и снова увижу У. и всех родных. Всю прошлую ночь я не в состоянии был заснуть от возбуждения. Утром, поев настоящей горячей овсянки, мы уложились и двинулись на нартах к станции, чтобы забрать все ценное.

У меня разрывалось сердце при виде того количества продовольствия, которое мы выкидывали, так как Джино и его спутники привезли пятидневный запас, а мы рассчитывали добраться назад за восемь или десять дней. Каково мне было смотреть, как они сожгли бидон керосина — бидон, за который днем раньше я отдал бы целое состояние. Стоит чудесный ясный безоблачный день, и солнце припекает. Я удобно устроился на спальных мешках и пишу в то время, как нарты плавно скользят по снегу. Один человек идет впереди, прокладывая путь, а с последних нарт берут компасом направление на него, контролируя курс. Все флаги засыпаны снегом, так что руководствоваться можно только компасом. Это очень напоминает плавание по мертвому белому морю. Нас окружает плоский горизонт, и взору не на чем остановиться, кроме слепящего белого снега и ярко-синего неба. Мы захватили со станции «Ледниковый щит» столько добра, сколько могли увезти, не слишком обременяя себя. Конечно, многое пришлось оставить — книги, одежду и т. д. Но ничего нельзя поделать, так как мы хотим двигаться как можно скорей, а у нас большой запас корма для собак, который мы не можем позволить себе выбросить.

Хотя зимние работы были почти полностью сорваны из-за непогоды, а полет в Канаду не состоялся вследствие поломки «мотыльков», все же неутомимый Джино имел наготове множество других планов. В настоящее время Стив и Уэйджер в сопровождении дока пытаются взойти на гору «Форель». Затем, когда мы вернемся, партия во главе с Джеми поедет на нартах в Юлианехоб. Кроме этого, Джон и Фредди совершат переход в Хольстейнборг и, наконец, Джино, Лемон и еще кто-нибудь отправятся к югу вокруг мыса Фарвель до Юлианехоба и сделают съемку побережья. С меня было уже достаточно как путешествий на нартах по ледниковым щитам, так и плаваний по морю.

Трудно выразить словами то восхитительное чувство, какое я испытывал, расставшись со своей темницей под снегом, и не во сне, а наяву двигаясь домой...

* *
*

Эскимосские собаки не лают. Подобно прочим собакам, они начинают с взволнованных, сердитых, угрожающих звуков, а затем для большей выразительности переходят на вой — пронзительный, дикий, залиvistый, нечто вроде собачьего фальцета или, для людей, одаренных сильным воображением, аккомпанемента к неуловимой музыке северного сияния. Вой такой заразительный, что все собаки в радиусе до двух километров обязательно присоединятся к нему, такой громкий и продолжительный, что барабанные перепонки чуть не лопаются, а нервы напрягаются до предела.

Приветствуемые подобным хором, Уоткинс, Чепмен, Раймил и Курто вошли в барак Базового лагеря в четыре часа утра во вторник 12 мая. Джино был, как всегда, гладко причесан и выбрит; у Курто волосы свисали до плеч и борода спускалась на грудь, как у какого-то ветхозаветного отшельника-пророка.

При первых же звуках мы все вскочили с коек, в том числе Аренберг и два человека из его экипажа, ночевавшие вместе с нами. Аренберг после смелого перелета добравшийся до нас, четыре дня назад вылетал с Д'Атом внутрь страны и видел партию, двигавшуюся на лыжах за нартами, так что мы уже были подготовлены. Но это не уменьшило теплоты и волнения нашей встречи.

Позже, когда Курто помылся, побрился и послал радиogramму домой, он вышел со мной пострелять белых куропаток на обед. Мы карабкались по черным горам, сдерживающим Ледниковый щит.

Глава 12

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ШТРИХИ

В тот самый день, когда Курто вернулся в Базовый лагерь, доктор Вейкен, доктор Зорге и пять эскимосов нашли труп профессора Вегенера. При столкновении с одними и теми же условиями — безликий Ледниковый щит нельзя изображать в качестве врага — нам посчастливилось, а им нет.

Доктор Курт Вегенер приехал, чтобы заменить брата. Доставив в «Ледяной центр» все необходимые приборы и запасы, немцы блестяще завершили программу исследований, определили сейсмическим методом толщину ледяного покрова и проделали много других работ в своем обычном тщательном и строго научном стиле.

Мы также, действуя в несколько ином плане, в хорошем стиле закончили нашу экспедицию. В июле Стефенсон, Линдсей и я на собаках и на лыжах быстро пересекли Ледниковый щит в юго-западном направлении и за четыре недели добрались до Ивигтута, находившегося на противоположном берегу на расстоянии 700 километров. Мы наслаждались сказочным путешествием летом на нартах, высыпаясь в теплое время днем и двигаясь по легкому ночному морозцу на нартах с парусами викингов; солнце опускалось за горизонт только на час или два, и окрашенные закатом облака едва успевали померкнуть, как снова вспыхивали, возвещая зарю. Это путешествие, после того, что нам пришлось пережить, казалось безмятежным и в то же время увлекательным, как полет над облаками.

В начале августа Раймил и Хемптон начали переход к Хольстейнборгу, намереваясь пересечь Ледниковый щит по

прямой с востока на запад. В это самое теплое время года они встретились с опасностями и препятствиями в виде зияющих трещин, талого снега и рек. Но они везли с собой на нартах каяки и благополучно вовремя достигли поселений на западном побережье.

Тем временем Уоткинс, Лемон и Курто совершали тысячекилометровое путешествие на беспалубном судне вдоль восточного берега и обогнули южную оконечность Гренландии. Нередко они подвергались опасности столкнуться с айсбергами, которые отрывались от нижней части ледников.

Так различными путями мы подвигались к югу, пересекая или огибая Ледниковый щит. Половина участников нашей экспедиции снова встретилась лишь в Копенгагене. Там во время приема ко мне, ослепленному, оглушенному и потрясенному гостеприимством хозяев-датчан, подошли два маленьких, гладко остриженных человека. Первый шелкнул каблуками, поклонился и произнес: «Георги». Второй шелкнул каблуками, поклонился и сказал: «Зорге». И тотчас же мы заговорили опять о Ледниковом щите. Различные по национальности, воспитанию, складу характера (вскоре ставшие врагами), мы были объединены общностью переживаний.

С тех пор и до начала войны несколько экспедиций посетило Гренландию. Линдсей, руководивший Английской трансгренландской экспедицией 1934 г., совершил замечательнейшее путешествие, пройдя 1500 километров по Ледниковому щиту. А Курто и Уэйджер вместе со своими женами вернулись, чтобы взобраться на горы, самые высокие в Арктике, которые Уоткинс обнаружил с самолета.

Ледниковый щит вступил в войну. Оказалось, что Гренландия имеет важное значение с двух точек зрения: во-первых, в качестве одного из сухопутных звеньев на трассе большой дуги между Северной Америкой и Европой — арктической воздушной трассой пользовались для транспортировки боевых самолетов; во-вторых, из-за метеорологических сведений, являющихся одним из главных источников для прогноза погоды в Европе.

По той или иной причине на Ледниковом щите приземлилось несколько самолетов. В ноябре 1942 г. «Летающая крепость» потерпела аварию вблизи от его южной оконечности. Из экипажа пострадал только один человек, у которого оказался перелом руки. Когда починили радио, выяснилось, что вынужденная посадка произошла очень близко от берега, всего в сорока километрах от метеорологической и спасательной станции. Через две недели потерпевшим аварию начали сбрасывать на парашютах необходимые припасы. Но члены экипажа были узкими специалистами своего дела, лишь случайно и в значительной мере против своей воли очутившиеся на Ледниковом щите. Их окружали трещины, стояла лютая

непогода. И вот с изумительной стойкостью они ждали, пока, наконец, к ним не прилетели на помощь. Однако на это потребовалось 5 месяцев, в течение которых пять человек погибло, а у одного в результате обморожения развилась гангрена ноги.

В июле следующего года два бомбардировщика и четыре истребителя летели в Европу через Гренландию. Пройдя над восточным берегом, они были вынуждены повернуть назад из-за плохой погоды; так как в пределах досягаемости для них находилось несколько вспомогательных аэродромов, они запросили кодом, где приземлиться. В ответ тем же кодом им передали предписание идти на север. Погода становилась все хуже, но приказ лететь на север был повторен. В конце концов у всех шести самолетов кончилось горючее, и они сделали посадку на Ледниковом щите.

Эти шесть самолетов еще и теперь находятся на Ледниковом щите. Тайна приказа лететь к северу так и осталась невыясненной. Ни одна радиостанция союзников такого распоряжения не передавала. Оно могло исходить лишь от подводной лодки или от одной из немецких метеорологических станций, скрывавшихся в нескольких местах на восточном побережье Гренландии.

Операция «Хольцауге» заключалась в организации одной такой станции и обеспечении ее работы с лета 1942 до 1943 г. «Саксен», дизельный тральщик, проскользнул незамеченным через Северную Атлантику и организовал базу на острове Сабин. Командовал тральщиком лейтенант Риттер, до войны живший на Шпицбергене и занимавшийся охотой.

Велись метеорологические наблюдения и несколько раз в день передавались по радио в Тромсё. В течение пяти месяцев все шло хорошо. Судно и здание были тщательно замаскированы и не видны с воздуха, а весь скалистый, тянущийся на 1500 километров, сильно изрезанный берег практически был необитаем.

Впрочем, существовал гренландский Санный патруль. Его организовали в 1941 г. Он состоял из датских и норвежских охотников и нескольких эскимосов. Фактически эти люди были наняты командованием армии США; в их обязанности входило патрулировать восточный берег до 77° с. ш., посещая немногочисленные, разбросанные тут и там охотничьи хижины и следя, не обнаружатся ли где-нибудь признаки высадки врагов.

13 марта подразделение Санного патруля, состоявшее из датчанина Мариуса Йенсена и двух эскимосов, наткнулось на побережье вблизи острова Сабин на немецких разведчиков.

Они сами угодили в осиное гнездо, так как немцы их также заметили. Они помчались по направлению к своей базе в Эскимонес, отстоявшей километров за 150. Лейтенант Риттер, имевший под началом не меньше 16 человек, отправил силь-

ную группу, чтобы захватить их, прежде чем они смогут рассказать о своем открытии. Йенсену и двум эскимосам едва удалось ускользнуть на лыжах, но им пришлось бросить нарты, собачьи упряжки и оперативный журнал.

Вернувшись с этой добычей, немцы сообщили о случившемся по радио в Тромсё. Они получили ответ от верховного командования военно-морского флота. Им предлагалось напасть на Эскимонес и уничтожить там патрульную базу и радиостанцию.

Риттер с пятью хорошо вооруженными людьми пустился в путь, воспользовавшись захваченными нартами и собаками. Вооруженные винтовками, автоматами и ручными гранатами — всеми шумными атрибутами молниеносной атаки, — они стали приближаться к хижинам. Местные жители, имевшие лишь охотничьи ружья и охотничье снаряжение и совершенно непривыкшие к такому поведению, поспешно убежали. Но они захватили с собой переносный передатчик и пользовались им.

Лейтенант Риттер оставил следующее послание:

«24 марта. США защищают здесь, в Гренландии, интересы своей обороны. Мы делаем то же самое. Мы не находимся в состоянии войны с Данией. Однако гренландские власти отдают приказы захватить нас в плен или убить, а кроме того, вы посылаете сводки погоды врагу. Вы превращаете Гренландию в театр военных действий. Мы спокойно оставались на наших постах, не нападая на вас. Теперь вы желаете войны, и вы войну получите. Но помните, что в том случае, если вы будете применять незаконное оружие (разрывные охотничьи пули), имеющиеся у вас здесь на чердаке здания радиостанции, то вся ответственность за это ляжет на вас, так как вы поставите себя вне законов войны. Обратите внимание, что все личные вещи охотников и все шкуры мы сложили в эту хижину и уничтожили только радиоаппаратуру, работавшую на США. (Подпись.) Командир отряда германских вооруженных сил в Эскимонесе».

На обратном пути к острову Сабин Риттер и его команда встретили Мариуса Йенсена и еще двух датчан, возвращавшихся с севера после патрульного обхода. Йенсен и Нильсен были взяты в плен. Третий датчанин, Кнутсен, пытался убежать, и его застрелили. Следует отметить, что это был первый известный нам случай убийства человека человеком в Гренландии. На могиле Кнутсена водрузили датский флаг и наложили груду камней.

Лейтенант Риттер доставил пленных в гавань «Германия», вблизи от которой стоял его корабль. Там он решил освободить Нильсена. Он направил патрульную группу из четырех немцев на двух нартах уничтожить станцию на острове Элла, за Эскимонесом, отстоявшую в 500 километрах к югу. Сам

Риттер, взяв своего пленника Йенсена в качестве проводника, направился в рекогносцировку в окрестности поселка Мюгбукта.

Патрульная группа из четырех возвратилась в свою базу на острове Сабин, никого не обнаружив на Элле. Они удивились тому, что Риттера еще не было, так как его маршрут был короче.

Несколько дней спустя американцы на самолетах «Либерейтор» и «Летающая крепость» атаковали базу на острове Сабин. Бомбардировка и обстрел сооружений продолжались два часа. Немцы, успевшие рассеяться, не понесли никаких потерь в людях. Но это оказалось концом операции «Хольцауге». После того как уничтожили оборудование, им больше нечего было делать, и их эвакуировали по воздуху.

Остается еще описать дальнейшую судьбу лейтенанта Риттера, командира отряда. Как только он и пленный Йенсен достигли Мюгбукты, Йенсен взял над ним верх. После этого началось фантастическое пятисоткилометровое путешествие, во время которого роли его участников переменились, но оба продолжали по необходимости есть и спать вместе. По истечении четырех недель Йенсен доставил Риттера (теперь уже его пленника) на станцию Скорсбисунн.

В 1944 г. некто Франц Нуссер предложил для большей безопасности построить метеостанцию непосредственно на Ледниковом щите во льду, где ее нельзя будет обнаружить. Снабжать ее должны были бы с воздуха. Доктор Георги внес изменения в этот план, предложив организовать станцию поблизости от медиальной линии Ледникового щита. Этот проект никогда не был приведен в исполнение, так как к тому времени Германия не могла уже осуществлять подобные предприятия.

Однако по окончании войны такую технику использовали для научных целей, и она дала прекрасные результаты как средство защиты от суровых условий самого Ледникового щита.

В 1949 г. француз Поль-Эмиль Виктор организовал метеостанцию почти на том же месте, где когда-то находился «Ледяной центр». Эта экспедиция отличалась грандиозным размахом, немыслимым двадцатью годами раньше, даже при наличии достаточных средств. Партия из 22 человек с пятью «уизелами» (легкими гусеничными машинами), двумя прицепными лабораториями и семью санями, тащившими свыше семи тонн груза, совершила переход от западного берега на Ледниковый щит. Когда экспедиция находилась примерно на полпути, принадлежавший ей четырехмоторный «Либерейтор» вылетел из Исландии и сбросил запасные части для «уизелов», а также шесть тонн продовольствия и горючего. Через два дня, 17 июля, партия достигла места, намеченного для постройки «La Station Centrale» («Центральной станции»).

Участники французской экспедиции зарылись в лед, построив в нем жилые помещения, кладовые и лаборатории, соединенные между собой системой туннелей, общая длина которых достигала 300 метров. В течение второй половины июля «Либерейтор» совершил 13 полетов из Исландии и сбросил 15 тонн продовольствия и 25 тонн топлива. В результате восемь человек смогли провести зиму с полным комфортом, продуктивно работая, между тем как наверху бесновались ураганы, которым нечего было ломать и засыпать снегом.

На Ледниковом щите лучшая гарантия не быть похороненными состоит в том, чтобы самим себя похоронить. Ничто не может надолго оставить след на поверхности огромной белой страны, картину которой мы попытались нарисовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Изменения толщины гренландского Ледникового щита сейсмологическими методами позволяют предполагать, что Гренландия не единый остров, а архипелаг.
- ² **Медиальная линия** — линия, делящая какую-либо геометрическую фигуру на две равные по площади части; средняя линия.
- ³ **Норденшельд Нильс Адольф Эрик** (1832—1901) — шведский полярный исследователь.
- ⁴ **Пири Роберт** (1856—1920) — американский полярный путешественник. В 1909 г. первый достиг Северного полюса.
- ⁵ **Де Кервен А.** (1879—1927) — швейцарский ученый, аэролог, сейсмолог и гляциолог. В 1912—1913 гг. участвовал в швейцарской экспедиции в Гренландию.
- ⁶ **Кох Лаугге** (р. в 1892 г.) — датский геолог и полярный исследователь, совершивший несколько экспедиций в Гренландию.
- ⁷ **Расмуссен Кнуд** (1879—1933) — датский исследователь Арктики. Совершил много экспедиций в Гренландию.
- ⁸ **Одометр** — прибор для определения пройденного расстояния; счетчик оборотов, сделанных колесом во время пути.
- ⁹ **«Ярмарка тщеславия»** — известный роман английского писателя Теккерея (1811—1863).
- ¹⁰ **Нефоскоп** — прибор для определения направления и скорости движения облаков.
- ¹¹ **Стивенсоновский экран** — прибор для метеорологических наблюдений.
- ¹² **«Подражание Христу»** — произведение Фомы Кемпийского (ок. 1380—1471), августинского монаха, автора религиозных трактатов.
- ¹³ **«Блеквудс Мегезин»** — распространенный английский журнал.
- ¹⁴ **«Грозовой перевал»** — роман английской писательницы Эмили Бронте (1818—1848).
- ¹⁵ **«Джен Эйр»** — известный роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1816—1855).
- ¹⁶ **Пеммикан** — твердая сухая пищевая масса, изготавливается из сушеного и перемолотого мяса и жира, иногда с примесью других пищевых веществ. Употребляется в экспедициях, главным образом полярных, для питания людей и особенно собак.
- ¹⁷ **Хельм** — распространенное в некоторых районах Англии название местных ветров, дующих с гор. **Эденсайд** — городок на восточном берегу Англии.
- ¹⁸ **Плазмон** — казеиновая мука, употребляется в качестве пищевого концентрата.
- ¹⁹ **Осборн Дороти** (1627—1695) — английская писательница; ее письма к У. Темплу были впервые изданы в Англии в 1888 г.
- ²⁰ **Драповые куртки и туфли** — употребляются в полярных экспедициях; изготавливаются из толстого драпа или из одеял. Туфли бывают двух типов — низкие и высокие, вкладываются внутрь легких сапог вместо меховых чулок.

- ²¹ **«Зрелость мастера»** — произведение американского священника Г. Фосдика (1878—1913).
- ²² **День перемирия** — 11 ноября, день подписания перемирия после первой мировой войны 1914—1918 гг.
- ²³ **Палгрев Ф. Г.** (1824—1891) — английский поэт и художественный критик
- ²⁴ **«Троил и Крессида»** — драма Шекспира.
- ²⁵ **«Король Джон»** — одна из ранних драм Шекспира.
- ²⁶ **Тектоника** — отдел геологии, изучающий движения земной коры, формы залегания горных пород, создаваемые этими движениями, и историю их развития.
- ²⁷ **Дайки** — крутопадающие или вертикальные жилы магматических горных пород с приблизительно параллельными стенками.
- ²⁸ **Сиаль** — внешняя оболочка земли, сложенная горными породами, в составе которых преобладают кремний и алюминий.
- ²⁹ **«Владелец Баллантрэ»** — роман Р. Л. Стивенсона.
- ³⁰ **Интрузия** — а) процесс внедрения магмы в земную кору; б) тела, образующиеся в результате внедрения и застывания магмы на глубине.
- ³¹ **Метаморфические породы** — горные породы, претерпевшие изменения под влиянием процессов метаморфоза (давления, температуры и привноса новых элементов).
- ³² **Россетти Д. Г.** (1828—1882) — английский поэт.
- ³³ **Канадские лыжи** — (снегоступы) ступающие лыжи, употреблявшиеся на севере Северной Америки индейцами и заимствованные у них европейцами. Служат для хождения по снегу. Изготавливаются из изогнутой деревянной рамы (похожей на теннисную или двухвостую ракету) с переплетом из веревок или сухожилий. Иногда они делаются в виде овала.
- ³⁴ **«Похищенный»** — роман Р. Л. Стивенсона.
- ³⁵ **«Цимбелин»** — драма Шекспира.
- ³⁶ **Хебден-Бридж, Ариклиф** — города в Северной Англии.
- ³⁷ **«Ивнинг Стандарт», «Стар», «Ньюс»** — английские газеты.
- ³⁸ **Иглу** — эскимосская хижина полушаровой формы, сделанная из кусков плотного снега.
- ³⁹ **Крона** — английская серебряная монета, равняющаяся пяти шиллингам.
- ⁴⁰ **Отсчет по Альдебарану.** Альдебаран — красная звезда в созвездии Тельца, видна осенью и зимой. При определении астропункта по ней, как и по другим звездам, производят отсчет при прохождении ее через нить оптического инструмента.
- ⁴¹ **«Черная стрела»** — роман Р. Л. Стивенсона.
- ⁴² **«Гостеприимная Арктика»** — книга современного американского полярного исследователя В. Стефансона. Имеется в русском переводе.
- ⁴³ **Остин Д.** (1775—1817) — английская писательница.
- ⁴⁴ **«Уайтекер»** — распространённый английский справочник, носящий название по фамилии составителя.
- ⁴⁵ **Суффолк, Суссекс, Дорсет** — графства в Англии.
- ⁴⁶ **Парчез С.** (1577—1626) — английский автор книг о путешествиях.
- ⁴⁷ **Мейсфилд Д.** (1875—1930) — английский поэт и драматург.
- ⁴⁸ **Мидлтон Р. Б.** (1882—1911) — английский писатель.
- ⁴⁹ **Дана Р. Г. (младший)** (1815—1882) — американский писатель.
- ⁵⁰ **Ван-Дик Г.** (1852—1933) — английский писатель.
- ⁵¹ **Ризенберг Ф.** (1879—1939) — американский писатель.
- ⁵² **Адамс С.** (1806—1848) — английская писательница.
- ⁵³ **Доути Ч.** (1843—1926) — английский путешественник по странам Востока.
- ⁵⁴ **Хоггарт Д.** (1862—1927) — английский археолог и писатель.
- ⁵⁵ **Грейам Стефен** (р. в 1884 г.) — английский писатель.
- ⁵⁶ **Юнг Ф.** (1884—1927) — английский писатель.
- ⁵⁷ **Фримен Г.** (1899—1928) — английский писатель.
- ⁵⁸ **Морган Ч.** (1894—1929) — английский писатель.

- ⁵⁹ **Доти Б. Д.** (р. в 1900 г.) — англичанин, служивший в Иностранном легионе и написавший (в 1928 г.) книгу, в которой без прикрас описал жизнь и порядки в нем.
- ⁶⁰ **Шепард О.** (р. в 1884 г.) — английский писатель. Точное название упомянутого в тексте произведения «Радости забвения» (1929 г.)
- ⁶¹ **Лукас Э.** (1868—1938) — английский писатель.
- ⁶² **Черчилль У.** — известный английский политический деятель и писатель.
- ⁶³ **Эддингтон А. С.** (1882—1944) — известный английский астроном.
- ⁶⁴ **Джинс Д.** (1877—1946) — известный английский ученый-физик и астроном.
- ⁶⁵ **Уолтон А.** (1593—1683) — английский автор книг по рыболовству.
- ⁶⁶ Маршрут пролегает по заливам и каналам Шотландии. Каледонский канал соединяет Ирландское и Северное моря.
- ⁶⁷ **Пипс С.** (1633—1703) — автор мемуаров, секретарь английского Адмиралтейства (Морского министерства).
- ⁶⁸ **Де Куинси Т.** (1785—1859) — английский писатель.
- ⁶⁹ **«Тесс из рода Д'Эрбервиллей»** — роман известного английского писателя Томаса Гарди (1840—1928).
- ⁷⁰ **Хейс Д. Г.** (р. в 1877 г.) — автор книг по истории полярных путешествий.
- ⁷¹ **Яйца пашот** — яйца, сваренные в крутом кипятке, в который их выливают, разбив скорлупу.
- ⁷² **«Генри Эсмонд»** — роман Теккерея.
- ⁷³ **«Монастырь и очаг»** — произведение английского романиста и драматурга Ч. Рида (1814—1884).
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 3
Глава 1. Фон	7
Глава 2. Первые впечатления	11
Глава 3. Рили и Линдсей на станции «Ледниковый щит»	16
Глава 4. Зима наступает внезапно	21
Глава 5. Пятнадцать миль за пятнадцать дней	27
Глава 6. Чепмен, Курто и Уэйджер	43
Глава 7. Д'Ат, Бингхем и последние несколько километров	54
Глава 8. «Ледяной центр» Вегенера	63
Глава 9. Зимой в одиночестве	70
Глава 10. Первая попытка спасения	81
Глава 11. Кульминация	94
Глава 12. Заключительные штрихи	103
Примечания	109

Джемс Скотт

ЛЕДНИКОВЫЙ ЩИТ И ЛЮДИ НА НЕМ

* * *

Редактор *Ю. Г. Липец*

Младший редактор *Б. Н. Малкес*

Художественный редактор *М. Ф. Лохманова*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Корректор *Г. И. Ландратова*

Сдано в производство 14/X—58 г. Подписано в печать 24/II—59 г. Т-03303.
Формат 60 × 92¹/₁₆. Физических листов 7,5. Печатных листов 7 + 0,5 л. вкл.
Издательских листов 7,3. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4133. Цена 2 р. 30 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект 15, Географгиз.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

2 р. 30 к

ГЕОГРАФИЗ 1959.